

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

К. КАУТСКИЙ

ПУТЬ К ВЛАСТИ

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1959

БИБЛИОТЕЧКА ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

К. КАУТСКИЙ

ПУТЬ К ВЛАСТИ

(ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О ВРАСТАНИИ В РЕВОЛЮЦИЮ)

СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1959

*Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:*

*А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полвека тому назад Карл Каутский играл видную роль в международном рабочем движении, был одним из теоретиков II Интернационала. Он был лично знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые давали ему советы по многим вопросам рабочего движения и часто критиковали за отступления от революционной теории и тактики.

Германская социал-демократия в конце XIX и начале XX в. была передовой и самой мощной рабочей партией в мире. Во II Интернационале ей принадлежала ведущая роль. К ее голосу прислушивались и ее опыт борьбы изучали социалистические партии других стран. Каутский был признанным теоретиком в германской социал-демократии. К нему обращались социалисты за советом, как к марксистскому авторитету. В то время для этого были основания. Каутский написал ряд работ, которые помогали изучению марксизма. «Экономическое учение Карла Маркса», «Аграрный вопрос» и некоторые другие сыграли значительную роль в пропаганде идей марксизма. Каутский давал правильные ответы на многие вопросы, выдвигаемые перед пролетариатом новыми историческими условиями. В публикуемых в настоящем выпуске «Библиотечки по научному социализму» работах «Путь к власти» и «Славяне и революция», представляющих интерес для изучающих историю и теорию научного социализма, читатель сможет найти изложение некоторых вопросов научного социализма, пропагандистом которого был в свое время Каутский.

Брошюра «Путь к власти» написана Каутским еще тогда, когда он выступал как марксист. Первое издание ее вышло в 1909 г. В ней изложен ряд вопросов научного социализма, дана критика оппортунизма, рассмотрены актуальные проблемы рабочего движения накануне первой мировой войны. В. И. Ленин назвал брошюру «Путь к власти» последним и лучшим произведением среди всех работ Каутского против оппортунизма.

Брошюра написана в годы, когда уже чувствовалась близость первой мировой войны, подготовлявшейся империалистами в глубокой тайне от народов. Ценным в этой работе является указание на приближение мировой войны, критика милитаризма и колониальной политики Германии и других европейских государств. Мировая война надвигается угрожающе быстро,— писал Каутский. Но вместе с ней неотвратимо приближается и революция. Каутский призывал пролетариат и его партию готовиться к боям в новых исторических условиях.

К этому времени производительные силы капиталистического общества достигли высокой степени развития. Капитал сосредоточивался в руках все меньшего количества предпринимателей. Создавались международные тресты, которые делили между собой мировой рынок на сферы влияния. Банки и союзы миллионеров во многих странах господствовали над большей частью капиталистических предприятий и объединяли целые отрасли народного хозяйства. В недрах капиталистического строя создавались материальные предпосылки для перехода к более высокому способу производства — социализму.

Но развитие капитализма в разных странах протекало крайне неравномерно. К началу XX в. поднялись и вышли на международную арену германский и японский империализм. Считая себя обделенными, они ставили вопрос о новом переделе колоний. Старые колониальные державы не склонны были добровольно уступать им свои владения. Колониальная политика великих держав неизбежно вела к войне. Об этом свидетельствовал и рост вооружений.

Каутский разоблачал огромный рост милитаризма, военизации, которые вызывали у сознательного пролетариата все большую тревогу. Ассигнования на военные потребности росли из года в год. Так, например, в Германии

расходы на армию в 1873 г. составляли 308 млн. марок, а в 1909 г.— уже 814 млн. марок, расходы на военно-морской флот за тот же срок выросли с 26 млн. до 409 млн. марок. Такая же картина наблюдалась в Англии, Франции, царской России и других государствах. Конечно, эти цифры являются мизерными по сравнению с военными расходами США, Англии, Франции и Федеративной Республики Германии в наши дни. Но для 1909 г. это были огромные суммы, поглощавшие значительную часть государственных бюджетов и вызывавшие увеличение налогов, бремя которых эксплуататорские классы перелагали на плечи трудящихся.

Какую же позицию должна была занять социал-демократия? Какой должна была быть ее тактика? Что должен был делать пролетариат?

На эти вопросы отвечал в своей брошюре Каутский. Он резко критиковал колониальную политику империалистов, призывал социал-демократическую партию и рабочий класс быть готовыми к любому повороту исторических событий.

В первую очередь необходимо принять меры к предотвращению войны, указывал Каутский. Для этого нужна решительная борьба народных масс. Однако, подчеркивал Каутский, окончательно положить конец военным соревнованиям капиталистов можно только путем замены буржуазной политики пролетарской политикой, капитализма — социализмом, т. е. путем революции. Готов ли пролетариат к революции? На этот вопрос Каутский отвечал утвердительно. Вместе с развитием капитализма растет рабочий класс и его организованность, активнее участвуют в жизни общества политическая партия рабочего класса и профсоюзы. Вопреки утверждению Бернштейна и других ревизионистов происходит не реформистское мирное «врастание в социализм», а обострение классовой борьбы. Все развитие, указывал Каутский, идет к великим битвам, которые потрясут основы государств и могут окончиться лишь низвержением класса капиталистов.

Каутский призывал социал-демократические партии готовиться к предстоящим схваткам, объединять различные выступления пролетариата в единые целенаправленные действия, высшей точкой которых будет завоевание политической власти.

«...теперь приближается, наконец, долгожданный момент, когда будет сломлен лед политического застоя и вновь начнется жизнь, преисполненная радости борьбы, начнется победоносное продвижение по пути к политической власти» (см. наст. изд., стр. 76)*. Начинается революционный период, который может продолжаться десятилетия, но он не закончится до тех пор, пока не будет экспроприрован класс капиталистов.

Каутский не сомневался в том, что пролетариат уже обладает силой, достаточной для победы над буржуазией, но он еще не осознал ее. Недостаточная социалистическая сознательность широких слоев пролетариата, отмечал он, является препятствием на пути к победе.

Каутский критиковал оппортунистов, которые мешали пролетариату осознать свою силу и выступить на борьбу за политическую власть. Бернштейн, Фольмар и другие оппортунисты утверждали, будто революция в изменившихся условиях невозможна и даже вредна, что достигнутых завоеваний в социальной области — законов по охране труда, профсоюзов, кооперативов и т. д. для пролетариата вполне достаточно, чтобы вытеснить отовсюду капиталистов и экспроприровать их без революции и изменения существующей государственной власти. Оппортунисты считали, будто пролетариат может осуществить свои цели просто с помощью «мудрой тактики» — союза с буржуазными партиями, путем создания коалиционного правительства. Революция, по их мнению, «является якобы устаревшим, варварским средством, неуместным в наш просвещенный век демократии, этики и человеколюбия», — писал тогда Каутский, справедливо издеваясь над прислужниками буржуазии.

Путь к власти — это путь классовой борьбы и пролетарской революции. Только либералы мечтают установить социальный мир между классами без уничтожения эксплуатации трудящихся, путем некоторого самоограничения каждого класса. Социалист не может разделять иллюзии о примирении классов и социальном мире. Как раз отказ от этой иллюзии и делает его социалистом. Социальный мир можно установить только после уничтожения классов, а это невозможно без классовой борьбы пролетариата и победы социализма.

* В дальнейшем ссылки даются на страницы настоящего издания. *Ред.*

Каутский разъяснял, что буржуазное государство является орудием в руках капиталистов, а правительство — их исполнительным комитетом. Поэтому он отвергал предложение оппортунистов о создании коалиционного правительства из представителей рабочего класса и реакционной буржуазии. Классовые противоречия между пролетариатом и капиталистами настолько велики, что они никогда не смогут вместе управлять государством. Всякое «пролетарско-буржуазное правительство» должно потерпеть крушение. Подобная политика может только опозорить пролетарскую партию, а рабочий класс сбить с толку, внести раскол в его ряды. Каутский предлагал социал-демократической партии решительно отвергнуть политику блоков с реакционной буржуазией, которая в условиях нарастающей революции равносильна политическому самоубийству. Партия может успешно вести свою борьбу только на основе принципиальной, марксистской политики. «Чем непоколебимее, последовательнее и непримиримее будет социал-демократия, тем скорее она одолеет своих врагов».

Предстоящая революция в капиталистических странах будет иметь главной своей задачей борьбу за политическое господство пролетариата. Рабочий класс и его организации выросли и окрепли для революционной борьбы и победы над буржуазией. Если война вспыхнет, то пролетариат ответит империалистам революцией, и не только в Германии и Западной Европе.

После первой русской революции 1905 г. пришли в движение народы Востока. В странах Азии и Африки началась борьба, которая рано или поздно приведет к избавлению от чужеземного ига. Народы России и Востока уже вступили в период революции. Их борьба окажет влияние на европейский пролетариат. Таким образом весь мир приходит в брожение. Формы и продолжительность революционных битв трудно предвидеть. Возможны временные поражения пролетариата, но безусловно то, что в конце концов он победит и установит свою власть. Так говорил Каутский и заканчивал брошюру словами: «Счастлив тот, кому суждено участвовать в этой великой борьбе и славной победе!»

Какими же путями, с помощью каких средств пролетариат может добиться победы, завоевать политическую власть?

Приближение пролетарской революции настоятельно требовало от марксистов разработки вопросов тактики классовой борьбы пролетариата. Однако именно по этим актуальным вопросам Каутский оказался в плену старых реформистских догм социал-демократии, рассчитанных на мирные дореволюционные условия развития. Он ограничивается повторением общеизвестных истин: что революция не может быть сделана по заказу, что нельзя сказать — где и когда произойдут решающие бои, что классовая борьба между пролетариатом и буржуазией будет все шире и интенсивнее и т. п. Уже в данной работе сказываются взгляды и суждения, которые позже развернулись полностью и привели Каутского в ряды оппортунистов и врагов революции.

В брошюре, рассматривающей вопросы политической революции, нет «ни слова о *революционном* использовании *всякой* революционной ситуации!», — отмечает Ленин в своем конспекте этой работы Каутского («Марксизм о государстве». Госполитиздат, 1958, стр. 137).

Говоря о пролетарской революции, Каутский все время выдвигал на первый план мирные формы классовой борьбы. Он полностью обходил вопрос о вооруженном восстании пролетариата, хотя Парижская Коммуна и восстания в годы первой русской революции показали гигантское значение этих форм борьбы в тактическом арсенале пролетариата. Каутский считал, что в пролетарской революции «физическая сила», военные средства борьбы, революционное насилие над буржуазией будут применяться в меньшей мере, чем они применялись в буржуазных революциях против феодалов. В демократических странах, где существует свобода коалиций, печати и всеобщее избирательное право, на первом плане будут меры «экономического, законодательного и морального давления». Исключением является Россия, пролетариат которой не имел политических прав и демократических свобод.

Каутский рекомендует пролетариату применять и в будущих революциях лишь мирные средства: парламентскую форму борьбы, забастовки, демонстрации, печать и т. д. Этот метод, по Каутскому, «менее драматичен и эффектен, но требует и гораздо меньшего числа жертв» (стр. 67). В буржуазно-демократических странах именно эти формы будут якобы основными средствами революционной борьбы. После 1905 г. в России к ним добавилась

массовая забастовка, которую Каутский считает «самой мощной формой» классовой борьбы пролетариата. Но и массовую политическую забастовку Каутский отрывает от вооруженного восстания, обязательного в то время для ее продолжения и завершения. В начале XX в. только вооруженное восстание могло привести к свержению господства буржуазии и установлению диктатуры пролетариата.

Каутский указывал на большую роль профсоюзов. Вторгаясь в область политики, они «прямым действием», забастовками оказывают влияние на деятельность правительства, способны «потрясти все общество, все государство» (стр. 105). Однако Каутский тут же заявлял, что «прямое действие» профсоюзов может служить только дополнением к парламентской деятельности рабочей партии. Всячески превознося легальные средства борьбы, Каутский впадает в парламентский кретинизм. Особенно велико, пишет он, значение успешной борьбы за парламенты и в парламентах. Постоянные избирательные победы социал-демократии могут-де вселить в буржуазию смертельную, боязнь пролетариата, так запугать его противников, что он станет непобедимым, что средства власти перестанут действовать и соотношение сил в государстве совершенно изменится.

Здесь обнаружилось либеральное существо его взглядов, полностью раскрывшееся в последующие годы. Не удивительно, что Каутский ставит перед германским пролетариатом крайне ограниченные ближайшие задачи: самым энергичным образом стремиться к демократизации государства, к реформе избирательного права для выборов в рейхстаг и в ландтаги Пруссии и Саксонии.

Марксизм не отрицает необходимости парламентских форм классовой борьбы, но подчиняет их основным задачам революции, требует умелого сочетания парламентских и внепарламентских форм. Основой всех успехов пролетариата в борьбе за власть и победу социализма являются революционные выступления масс под руководством марксистской партии.

На старых реформистских позициях социал-демократии оставался Каутский и в вопросе о форме власти пролетариата. Заявляя о том, что пролетариат должен завоевать и удержать власть в своих руках, Каутский совершенно обходит вопрос о сломе буржуазной

государственной машины и замене ее новыми органами пролетарской власти. В главе о завоевании "политической власти, указывал Ленин, нет «ни слова ни о «разбитии» военно-бюрократической государственной машины,— ни о борьбе с суеверной верой в государство, ни о замене парламентских учреждений и чиновников пролетарскими учреждениями типа Парижской Коммуны» («Марксизм о государстве», Госполитиздат, 1958, стр. 135).

Признавая на словах необходимость диктатуры пролетариата вообще, Каутский ничего не дал для выяснения ее конкретного содержания и форм, ничего не сказал о конкретизации Марксом и Энгельсом своего учения на основе опыта революции 1848 г. и Парижской Коммуны. Парижскую Коммуну Каутский упоминает только в одной связи — как пример большого поражения пролетариата. Каутский даже и не пытался рассмотреть историческое значение опыта русской революции для международного рабочего движения.

Большое место в теории пролетарской революции занимает вопрос о союзниках пролетариата. Каутский и в этом вопросе отстает от марксизма и даже от написанной им самим несколькими годами раньше работы «Движущие силы и перспективы русской революции». Отвечая Плеханову и меньшевикам, которые тянули пролетариат на союз с либеральной буржуазией, Каутский тогда писал в ней: «Но прочная общность интересов во весь период революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством. Она-то и должна лечь в основу всей революционной тактики русской социал-демократии. В общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии и возможность ее победы...» *.

В работе же «Путь к власти» Каутский утверждает, что поддержка пролетариата со стороны мелкой буржуазии, в частности мелкого крестьянства, хотя абстрактно возможна и ей самой выгодна, но мало вероятна. Маркс и Энгельс долго надеялись на участие мелкой буржуазии в революции, но их надежды якобы не оправдались. За последнее десятилетие у нее будто бы развилась ненависть к пролетариату. Поэтому пролетариат должен го-

* К. Каутский. Движущие силы и перспективы русской революции, стр. 28, ГИЗ, 1926. Ред.

товиться к тому, «что ему придется вести грядущие бои в одиночку» (стр. 130).

Недооценка революционных возможностей крестьянства была свойственна всем партиям II Интернационала, меньшевикам и троцкистам.

Каутский приводит в брошюре большую выдержку из своей статьи 1893 г., в которой хвастливо заявляет: «Но современная ситуация опасна тем, что нас легко признать более «умеренными», чем мы есть на самом деле» (стр. 74). В действительности правые лидеры германской социал-демократии, в том числе и Каутский, были несравненно умереннее и оппортунистичнее, чем это многим казалось. Во время первой мировой войны они полностью изменили марксизму и стали на защиту германской буржуазии.

Многочисленные неточности, умолчания и отступления от важнейших вопросов марксизма неизбежно привели Каутского к полному переходу в теории и на практике на позиции оппортунизма, к превращению его в ренегата.

Перед войной Каутский призывал к борьбе против оппортунизма. Во время войны он не поддержал единственно интернационалистскую в германской социал-демократической партии группу Карла Либкнехта, а стал скрыто помогать социал-шовинистам.

В брошюре Каутский приветствует наступление пролетарской революции. Когда же рабочий класс нашей страны совершил эту революцию в октябре 1917 г., он обрушился на нее с грязной клеветой, став ренегатом и лакеем буржуазии. Раньше Каутский выступал за установление «единовластия пролетариата», т. е. его диктатуры. Но после создания диктатуры пролетариата в нашей стране он набросился на нее, став самым лютым врагом, призывая империалистов к интервенции против Советской республики. Перед революцией Каутский выступал против коалиционной политики с буржуазией. В момент революции в Германии в 1918 г. он сам вошел в правительство наряду с представителями реакционной буржуазии.

В настоящем издании печатается статья Каутского «Славяне и революция». В. И. Ленин, говоря об этой статье, отмечал: «...когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу, как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при

которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы» (Соч., т. 31, стр. 6).

В этой статье Каутский писал: «Революционный центр передвигается с Запада на Восток». В первой половине XIX в. этот центр был во Франции, временами в Англии. В 1848 г. Германия вступила в ряды революционных наций. Двадцатое столетие начинается событиями, которые говорят о передвижении центра революции в Россию. Новая эпоха революционной борьбы в России, указывает Каутский, окажет могучее влияние на революционное движение на Западе, поможет вытравить «тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах», т. е. в германской социал-демократии (стр. 139). Положение сил изменилось: теперь Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России. Царский трон был бы давно разбит революцией, если бы ему не помогала европейская буржуазия своими займами.

Каутский заканчивает статью словами: «В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов».

Это предвидение полностью подтвердилось в последующие десятилетия. Но бывший марксист Каутский оказался в годы наступившей весны человечества не с революционными народами, а в стане их врагов.

П. Черемных

ПУТЬ К ВЛАСТИ
(ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О ВРАСТАНИИ В РЕВОЛЮЦИЮ)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Новое исследование вопроса о политической революции, о крупных политических сдвигах кажется мне особенно своевременным именно теперь, когда борьба против единовластия и вопросы государственного устройства занимают весь мир. Может случиться, что трудности создавшегося положения будут приписаны отдельной личности, на которой сконцентрируется все внимание. Поэтому необходимо вскрыть более глубокие социальные взаимосвязи, которые порождают в настоящее время волнение и неуверенность и благодаря которым случайные особенности отдельной личности могут вызвать движения, способные и корне потрясти нашу политическую обстановку и проложить путь к ее преобразованию.

Если причиной, побудившей меня написать эту работу, явилось создавшееся положение, то внешним поводом послужила полемика, разгоревшаяся на страницах «Нового времени»¹, на которую спровоцировали меня выпады Мауренбрехера². Учитывая сложившуюся обстановку, я уже тогда считал необходимым более подробно изложить свои взгляды на революцию. Ввиду раздававшихся со всех сторон требований сделать мои взгляды доступными более широкому кругу, опубликовав их отдельным оттиском, я взялся за переработку серии моих статей в брошюру. Всю полемику, направленную против Мауренбрехера, я, конечно, опустил, так как она носит сугубо личный характер и не представляет общего интереса. Поэтому вводная часть была мною написана заново. Форма брошюры позволила мне не ограничивать себя опреде-

ленным объемом, как это было в «Новом времени», и выйти за рамки полемики.

Вопросы, которые могли быть только вскользь затронуты мною в заключительной главе, а именно современная ситуация, ее особенности и задачи, я развил здесь более подробно, и это стало основной темой данной брошюры. Из девяти ее глав только третья и четвертая, а также вторая половина второй главы представляют собой изложение статей из «Нового времени», все остальное написано заново.

Вся эта работа в целом представляет собой дополнение к моей вышедшей в 1902 г. брошюре о социальной революции³.

Имеются все основания предполагать, что данная работа, появившаяся в результате полемики, даст ей новую пищу; поэтому я заявляю здесь, что за мои высказывания, не основанные на нашей программе и решениях наших партийных съездов, моя партия ответственности не несет, за них отвечаю лично я. Это само собой разумеется при опубликовании любой работы, не являющейся официальным изданием партии, однако я считаю не лишним еще раз обратить внимание критиков и полемистов на это обстоятельство.

Карл Каутский

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Не так уже сложно было «предсказать», что данная работа вызовет энергичные возражения; я говорил об этом в предисловии к первому изданию и мое «предсказание» сбылось. Несмотря на это, я не считал нужным внести во второе издание каких-либо изменений. Я заменил некоторые цифровые данные более новыми, в остальном второе издание представляет собой перепечатку первого.

Среди отрицательных откликов на эту работу особенно выделяется серия статей в «Korrespondenzblatt der Gewerkschaften» («Информационный листок профессиональных союзов»), которая была затем опубликована отдельным оттиском под названием «Сизифов труд или положительные успехи». Эти статьи отличаются многословием, а также крайней раздраженностью тона, умышленно оскорбительного, к чему моя работа не дает ни малейшего повода; — в этом может убедиться каждый, кто возьмет на себя труд ее прочесть. В ней нет ни одного слова, которое могло бы оскорбить деятеля профессионального движения. В ряде статей, опубликованных в «Новом времени», я уже опроверг доводы, приведенные в этой брошюре, и считаю излишним повторяться. Если я здесь вновь возвращаюсь к этому вопросу, то только для того, чтобы устранить всякую возможность недопонимания моих взглядов.

Уже одно заглавие направленной против меня брошюры показывает, что она обвиняет меня в недооценке успехов профессиональных союзов. Более того, она

обвиняет меня во враждебном отношении к профессиональным союзам, утверждая, что мне «безразлично развитие профессиональных союзов в мощные организации, играющие значительную роль в хозяйственной жизни».

Это заведомая ложь; в данной работе я категорически утверждаю (стр. 101, 105) прямо противоположное и указываю на *значение и необходимость* профессиональных союзов. Я нигде не говорил о «сизифовом труде» профессиональных союзов, никогда не отрицал их «положительных успехов», а напротив, очень определенно отмечал «блестящее развитие» немецких профессиональных союзов и признавал, что они «добились значительных успехов в повышении заработной платы, в отношении сокращения продолжительности рабочего дня и других улучшений условий труда» (стр. 94). Интерес, проявленный мною к подъему профессиональных союзов, был отмечен и целым рядом деятелей профессионального движения, которых нельзя упрекнуть в пристрастном ко мне отношении, например, в журнале австрийских металлистов.

Однако я признаю, что читателя, поверхностно просмотревшего мою работу, некоторые места в ней могли натолкнуть на мысль, что я отрицаю успехи профессиональных союзов. Подобное суждение могло возникнуть лишь в результате чрезмерной спешки, при которой некогда было заметить, что я особо отмечаю поразительные успехи, которых добились немецкие профессиональные союзы с начала 90-х годов и в течение последующих лет. Если в действие и вступают факторы, оказывающие все большее сопротивление развитию профессионального движения, то относятся они лишь к последним 3—4 годам. Однако эти факторы дают мне основание предполагать, что нам нечего рассчитывать на «возобновление по окончании кризиса такого же подъема, как в период с 1895 по 1907 гг. ... Как бы важны и даже необходимы ни были профессиональные союзы в прошлом и настоящем, нам не приходится надеяться, что они вновь сумеют дать такой же мощный толчок развитию дела пролетариата *чисто профессиональными методами борьбы*, как это им удавалось в течение последних 12 лет» (стр. 102).

Это мое личное мнение. Нетрудно убедиться, что оно не имеет ничего общего с отрицанием успехов профессиональных союзов, о которых я очень определенно говорю,

что в период с 1895 по 1907 г. они дали «мощный толчок» делу немецкого пролетариата.

Следовательно, речь идет не об успехах, достигнутых в прошлом,— эти успехи бесспорны,— а о настоящем и будущем. На этот счет можно, конечно, иметь самые различные мнения. Но если авторы брошюры «Сизифов труд» считают, что опровергают высказанные мною положения, перечисляя все, что было завоевано профессиональными союзами в отдельных отраслях промышленности с 1895 по 1907 г., то тем самым они ломятся в открытую дверь, и только дополняют иллюстрациями мои положения; к тому же они несправедливы ко мне, внушая своим читателям, будто я отрицаю наиболее очевидные факты, причем отрицаю их с целью умаления роли профессиональных союзов.

Против такой нечестной полемики,— если не применять здесь более резкого выражения,— я считаю своим долгом выступить с самым категорическим протестом.

Иначе дело обстоит с моими прогнозами относительно будущих успехов профессиональных союзов. Здесь я столкнулся с возражениями даже со стороны очень благожелательно настроенных и компетентных критиков, которые высказали опасение, что моя работа может вызвать упадочные настроения среди деятелей профессионального движения и ослабить притягательную силу профессиональных союзов.

Возражения этих критиков носят двойкий характер. Прежде всего они считают, что я слишком пессимистически оцениваю экономическое положение рабочего класса в течение последних трех-четырех лет, а также на ближайшее будущее.

Однако события истекшего года, т. е. года, прошедшего после выхода в свет моей работы «Путь к власти», уничтожили все сомнения, которые еще могли быть высказаны в противовес моей точке зрения. Повсеместное повышение цен не только в Америке, но и в Англии, Австрии, а также в Германии, стало теперь самым страшным бичом для пролетариата.

Это признают в настоящее время даже те, кого никак нельзя обвинить в недооценке успехов профессиональных союзов. Так, например, профессор Штаудингер в № 29 журнала «Konsumgenossenschaftliche Rundschau»

(«Кооперативное обозрение») пишет о картелях предпринимателей и их влиянии следующее:

«Таким образом, хотя в предшествующий период экономического развития цены во времена процветания и повышались, но, как правило, в еще большей степени повышалась и заработная плата; в период кризисов заработная плата хотя и понижалась, но вместе с ней, причем в еще большей степени, понижались и цены. Следовательно для 1860—1900 гг. характерным было повышение заработной платы, снижение цен и повышение покупательной способности населения. *В переживаемый нами ныне экономический период трестов, картелей и аграрных монополий, заработная плата во времена процветания еще повышается, но одновременно и во много раз больше по сравнению с ней повышаются и цены: во времена депрессий доходы уменьшаются, однако происходит лишь частичное понижение цен, а во многих случаях они продолжают расти. Таким образом, наступает период, для которого характерны общее снижение покупательной способности и застой.*»

Более детально этот вопрос рассмотрен Отто Бауэром в его интересной книге «Повышение цен», где он приходит к следующему выводу:

«Как ни повысила борьба профессиональных союзов заработную плату в ее денежном выражении, реальная заработная плата все же повышалась значительно медленнее, а *за последние годы даже несомненно понизилась.* В настоящее время повышение цен является самым большим препятствием на пути к подъему рабочего класса, а борьба против повышения цен — одной из важнейших наших задач».

Однако эти факты ни в коем случае не должны породить в нас чувство пессимизма. Я со своей стороны не имел ни оснований, ни желания впасть в пессимизм по поводу эффективности профессиональных союзов. Я заявил лишь следующее: нам не приходится надеяться, что профессиональные союзы вновь сумеют дать такой же мощный толчок развитию дела пролетариата в Германии *чисто профессиональными методами борьбы*, как это им удавалось в период с 1895 по 1907 г. Тем самым я ставлю под сомнение *не возможность содействия дальнейшему развитию, а самые методы* этого содействия. Совершенно естественно, что профессиональный союз,

применяющий чисто профессиональные методы, добивается наибольшего и наибо́льшего улучшения положения рабочего класса именно там, где рабочий класс до сего времени не был организован и только теперь включается в профессиональное движение.

Организованный рабочий обладает огромными преимуществами по сравнению с неорганизованным. В тех отраслях промышленности и населенных пунктах, где до сих пор существовали лишь слабые профессиональные организации, или же их совсем не было, и где удастся создать сильную профессиональную организацию, это должно сразу же положительно сказаться на условиях жизни рабочих, входящих в эту организацию. Сравнивая положение прежде неорганизованных, а теперь организованных рабочих, легко установить, что, как правило, происходит значительное его улучшение.

Но было бы неправильным считать, что, поскольку переход от стадии неорганизованности к стадии организованности означает мощный скачок вперед, то и в самой стадии организованности развитие должно происходить такими же скачками. Профессиональная организация, ставшая массовой в какой-либо отрасли производства или местности, быстро сумеет получить от предприятий все то, что может быть получено для рабочих лишь в результате действий профессиональной организации. Переход к следующей стадии борьбы зависит от многочисленных обстоятельств, которые заранее невозможно учесть; но при применении чисто профессиональных методов борьбы профессиональная организация, существующая более продолжительное время, обычно добивается все меньших успехов. Это отчетливо видно на примере Англии.

Однако это обстоятельство не умаляет значения профессионального союза в глазах рабочего. Если для неорганизованного рабочего профессиональный союз имеет неоценимое значение, так как помогает ему многого добиться, то не меньшее значение он имеет и для рабочего организованного в течение более продолжительного времени. Такой рабочий столь много *достиг* благодаря профессиональному союзу, что очень многое *потеряет*, если профессиональный союз придет в упадок. И для дальнейшего движения вперед он не имеет иных возможностей, помимо профессионального союза.

В тех отраслях промышленности или местностях, где сильные профессиональные союзы существуют в течение ряда лет, интерес, проявляемый к ним рабочими, носит уже иной характер, но отнюдь не становится меньшим, чем там, где они только недавно созданы. Такие профессиональные союзы становятся силой, стремящейся удержать уже достигнутое, чем завоевывать новое скорее консервативной, чем революционной.

Однако это относится только к чисто профессиональным функциям. Одновременно могут сложиться условия, благодаря которым профессиональному союзу на этой более поздней стадии его развития будут предоставлены функции, еще больше повышающие его значение и в то же время преобразующие его снова в революционную силу, т. е. в силу, занимающуюся не только удержанием уже имеющихся достижений, а завоеванием новых.

Как уже неоднократно отмечалось, относительное значение политической и экономической борьбы в рабочем движении изменяется в процессе капиталистического развития. В Германии до 1890 г. интерес проявлялся в основном к политической борьбе, что объясняется отнюдь не недостаточным пониманием роли профессиональных союзов, более благоприятными условиями для развертывания политической деятельности, которая позволяла достигнуть большего.

С начала 60-х до начала 70-х годов Германия переживала революционную пору: старые государственные устои были сломлены и созданы новые, введено всеобщее избирательное право, свобода коалиций, право свободного передвижения и некоторые законы по охране труда. В конце 70-х годов часть этих достижений была отменена законом против социалистов⁴, и одновременно наступил продолжительный кризис. Как экономические, так и политические условия профессионального движения были подорваны, главной задачей стала политическая борьба за отмену закона против социалистов.

Перемена наступила после уничтожения закона против социалистов. Это открыло путь развитию профессиональных союзов. К тому же, развитию профессиональных союзов способствовал начавшийся в это время экономический подъем.

В политике, напротив, закончилась крупная борьба интересов между имущими классами, и социал-демокра-

тия все больше превращалась в единственную партию, стремившуюся выйти за рамки существующей обстановки; все другие партии стали явно консервативными и наступил период всеобщего политического застоя.

Резкий контраст этому создавал блистательный подъем профессиональных союзов. Но вот уже в течение нескольких лет на их пути возникают все новые трудности, которые не могут быть преодолены чисто профессиональными методами борьбы, а только лишь политической борьбой, и которые во что бы то ни стало должны быть устранены, для того чтобы могло продолжаться поступательное движение рабочего класса.

Эти препятствия наиболее ярко проявились в непрерывном повышении цен, которое отчасти объясняется растущей мощностью аграриев, т. е. частных собственников, на землю, использующих свою монополию для повышения поземельной ренты; отчасти — гонкой вооружений, являющейся естественным следствием мировой политики и связанными с нею новыми налогами. Наконец, третьим источником роста цен является все увеличивающаяся концентрация капитала, способствующая созданию союзов предпринимателей и ставящая государственную власть во все большую зависимость от них. Борьба против политики гонки вооружений, борьба против засилья в государстве захолустных помещиков и заводчиков, т. е. демократизация государства,— таковы на сегодняшний день основные практические задачи немецкого пролетариата. Их необходимо решить для того, чтобы подъем рабочего класса мог продолжаться.

Чисто профессиональными методами эти задачи, конечно, не решить, так же, как и не решить их без крепких, боеспособных и уверенных в своих силах профессиональных союзов.

Если в настоящее время политическая борьба снова выдвинется на первый план в рабочем движении, как это было в период с 1862 по 1890 г., то это уже не будет означать снижения роли профессиональных союзов, так как ситуация очень сильно изменилась.

В тот период в имущих классах еще существовала мощная прослойка, которая была заинтересована в коренном преобразовании существующих в государстве условий и искала для этого союзника в лице пролетариата, который уже достаточно окреп, чтобы стать политической

силой, но был еще недостаточно сильным и самостоятельным, чтобы при любых обстоятельствах представлять собой опасного врага.

После 1864 г. в молодом рабочем движении еще долгое время сохранялся раскол, причем причиной раскола был не вопрос о том, можно ли ожидать пролетариату чего-нибудь от одной из партий, представляющих интересы имущих классов, а вопрос, *от какой* из партий он может ожидать большего, от сторонников ли Бисмарка ⁵ и Вагенера или же от буржуазной демократии.

Иное положение создалось сейчас. Если в наших рядах еще иногда и раздаются голоса, ратующие за политику блока, то, какими бы современными они себе самим ни казались, в действительности они представляют собой не что иное, как атавизм, рецидив идей, основы которых были подорваны еще в период с 1866 по 1870 г., идей, порождаемых в настоящее время одними только благими намерениями. Ведь ни одному серьезному человеку и в голову не придет мысль о создании блока социал-демократии с одной из *существующих* буржуазных партий. Чтобы *сделать* возможной такую политику блока, наша партия должна была бы сначала сама создать необходимую для этого буржуазную демократию и предоставить ей должное число избирателей. Вожди уж как-нибудь нашлись бы.

Нет, в настоящее время в Германии социал-демократии не найти союзника для энергичных политических действий в лице другой партии. Но зато класс, из которого она пополняет свои ряды, стал теперь самым многочисленным, самым необходимым для экономики, самым энергичным, развитым и наиболее самостоятельным из всех классов, составляющих народные массы.

Не дипломатия, предусматривающая создание блоков, может привести нас теперь к успехам, а только массовые действия, причем действия *организованных* масс. *Массовость* и *организация* — вот оружие, отвечающее экономическому положению пролетариата, единственное оружие, с помощью которого он может отстаивать свои права и прийти к победе. Но пролетарская массовая организация и массовые действия означают не что иное, как *профессиональную* организацию и действия *профессиональных* союзов.

Мы не добьемся успехов без политических завоеваний. Но без помощи крепких, боеспособных и уверенных в своей силе профессиональных союзов мы не сможем одержать политических побед.

Давно уже существующим сильным профессиональным союзам, задачи которых в *чисто профессиональной* области все больше ограничиваются удержанием достигнутого, значительно реже и с гораздо большим трудом удастся добиться успеха чисто профессиональными методами; но возможность совместной работы партии и профессиональных союзов открывает перед ними необъятное поле плодотворной деятельности и позволит им осуществлять мероприятия, которые одновременно будут способствовать развитию как профессиональной, так и политической работы. Поэтому более чем смешно упрекать социал-демократов, отстаивающих подобную точку зрения, в отсутствии у них заинтересованности в усилении профессиональных союзов. Такие обвинения не только не соответствуют действительности, но и сеют недоверие между партией и профессиональным союзом и приводят к отчуждению между ними именно теперь, когда они более чем когда-либо нуждаются во взаимной поддержке.

Не умалить значение профессиональных союзов и внушить пессимизм членам их, а направить их внимание на новые обязанности, которые налагаются на них, наряду с чисто профессиональной борьбой и повысить тем самым значение профессиональных союзов,— вот одна из задач, которую я преследовал в данной брошюре.

Я надеюсь, что, несмотря на искажения, допущенные в ответной брошюре, изданной Генеральной комиссией, эта моя работа найдет среди членов профессиональных союзов достаточно читателей, которые поймут ее истинный смысл и признают добрые намерения автора, даже в том случае, если они и не согласятся с его выводами.

К. Каутский

Берлин — Фриденау, 1 июля 1910

1. ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Друзья и враги социал-демократии единодушно признают, что она является *революционной* партией. Но, к сожалению, само понятие революции может быть истолковано по-разному, а поэтому и мнения относительно революционного характера нашей партии сильно расходятся. Немало ее противников подразумевает под революцией лишь анархию, кровопролитие, грабежи и поджоги. С другой стороны, есть товарищи, считающие, что социальная революция, к которой мы приближаемся, является не чем иным, как постепенным, едва заметным, но в конечном итоге коренным изменением общественного устройства, подобным тому, которое произвела в свое время паровая машина.

Ясно одно,— социал-демократия, защищающая классовые интересы пролетариата, является революционной партией, так как в капиталистическом обществе невозможно добиться удовлетворительных условий существования для пролетариата. Его освобождение требует преодоления частной собственности на капиталистические средства производства и средства, с помощью которых осуществляется власть, путем установления общественной собственности и замены частнохозяйственного производства общественным. Пролетариат сможет найти удовлетворение лишь при общественном устройстве, коренным образом отличным от ныне существующего.

Но социал-демократия революционна еще и в другом смысле, ибо она признает, что государственная власть

представляет собой орудие классового господства, причем самое мощное его орудие, что и социальную революцию, к которой стремится пролетариат, невозможно осуществить до тех пор, пока пролетариат не завоевал политической власти.

Это положение, обоснованное Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» отличает социал-демократию от так называемых утопических социалистов первой половины прошлого столетия,— например, сторонников Оуэна⁶ и Фурье⁷, а также от последователей Прудона⁸, которые недооценивали или даже отрицали политическую борьбу и считали, что экономическое переустройство в интересах пролетариата можно осуществить с помощью чисто экономических мероприятий, без изменения политической власти и без ее захвата.

Своим утверждением о необходимости завоевания политической власти Маркс и Энгельс перекликаются с Бланки⁹. Но, в то время как Бланки считал, что государственную власть можно завоевать и поставить на службу интересам пролетариата путем заговора, путем путча ничтожного меньшинства, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что революции нельзя совершать по собственному желанию; они неизбежно возникают при определенных условиях и невозможны до тех пор, пока этих условий не существует; условия же эти складываются только постепенно. Лишь там, где капиталистический способ производства высоко развит, имеется, экономическая возможность превращения капиталистической собственности на средства производства с помощью государственной власти в общественную собственность. С другой стороны, возможность завоевания и удержания в своих руках государственной власти возникает для пролетариата только там, где он превратился в огромную массу, в экономически неотъемлемую часть общества, которая, в большинстве своем, хорошо организована и осведомлена, как относительно положения своего класса, так и относительно сущности государства и общества¹⁰.

Такие предпосылки создаются все в большей мере в результате развития капиталистического способа производства и порождаемой им классовой борьбы между трудом и капиталом; так же как неизбежно и неудержимо распространение капитализма, так неизбежна и неудержима пролетарская революция, которая окажет в конце

концов противодействие этому распространению капитализма.

Она неудержима потому, что неизбежно выступление растущего пролетариата против капиталистической эксплуатации, его организация в профессиональные, кооперативные и политические союзы, его стремление завоевать лучшие условия труда и большее политическое влияние. Пролетариат повсюду развертывает деятельность в этом направлении, независимо от того, придерживается ли он социалистического образа мыслей или нет. Задача социал-демократии заключается в том, чтобы объединить все разнообразные виды выступлений пролетариата против эксплуатации в целеустремленное и единое действие, вершиной которого явятся великие завершающие битвы за завоевание политической власти.

Это мировоззрение, основа которого была заложена в «Коммунистическом манифесте», принято в настоящее время социалистическим движением всех стран, на нем основан международный социализм нашего времени.

Но на своем триумфальном пути ему пришлось встретиться с сомневающимися и критиками внутри самой социал-демократии.

Тем не менее, в действительности, развитие пошло по пути, предсказанному Марксом и Энгельсом. И победоносное поступательное движение международного социализма стало возможным не только благодаря развитию капитализма, а вместе с ним и классовой борьбы пролетариата, но и прежде всего благодаря глубокому проникновению Маркса и Энгельса в условия и задачи этой борьбы.

Однако в *одном* вопросе они ошибались: *они видели революцию слишком уж близко.*

Так, в «Коммунистическом манифесте» (конец 1847 г.) сказано: «На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции» *.

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, j стр. 39. *Ред.*

Манифест совершенно справедливо предсказывал начало немецкой революции, но он заблуждался, когда указывал, что она послужит непосредственным прологом пролетарской революции.

Ближе по времени другое предсказание, опубликованное Энгельсом в 1885 г. в предисловии ко второму изданию брошюры Маркса о Кёльнском процессе коммунистов¹¹. Он говорит там, что следующее потрясение в Европе «должно скоро наступить (промежутки между европейскими революциями — 1815, 1830, 1848—1852, 1870 — делятся в нашем веке от 15 до 18 лет)»*.

Это предсказание также не осуществилось и ожидавшаяся в то время революция до сих пор еще так и не произошла.

Чем объяснить это? Был ли неправильным метод Маркса, на котором основывались эти предсказания революции? Нисколько. Но один фактор в этом расчете был неправильный, его значение было преувеличено. Я писал об этом еще десять лет тому назад: «Оба раза революционная оппозиционная сила буржуазии была переоценена» («Новое время», XVII, 2, стр. 45).

В 1847 г. Маркс и Энгельс ожидали в Германии революцию огромных масштабов,— революцию, подобную великой французской катастрофе, начавшейся в 1789 г. Вместо этого дело дошло только до жалкого восстания, немедленно спугнувшего почти всю буржуазию, которая отступила назад под крылышко своих правительств, что привело к новому усилению последних, в то время как какое бы то ни было быстрое развитие пролетарского движения было пресечено. Буржуазия перепоручила затем отдельным правительствам заботу о дальнейшем продолжении революции, поскольку она в ней еще нуждалась, и не кто иной, как Бисмарк, был тем великим революционером, который, хотя бы частично, объединил Германию, сверг немецких князей с их престолов, способствовал объединению Италии и свержению с трона папы, уничтожил во Франции империю и содействовал созданию в ней республики.

В такие формы вылилась немецкая буржуазная революция, скорое наступление которой предсказывали в 1847 г. Маркс и Энгельс и которая завершилась лишь в 1870 г.

* К. Маркс, ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 223. Ред.

И несмотря на это, Энгельс ожидал еще в 1885 г. «политического потрясения» и предполагал, что «мелкобуржуазная демократия еще и теперь является той партией», которая в результате этого «безусловно должна будет первая прийти к власти» в Германии.

И на этот раз Энгельс правильно предсказывал, предвидя «политическое потрясение»; но он опять просчитался, ожидая чего-то от мелкобуржуазной демократии. Она полностью спасовала, когда дело дошло до краха бисмарковского режима. Поэтому падение канцлера не вышло за рамки династической борьбы и не имело каких-либо революционных последствий.

Все яснее становится, что революция возможна только лишь как *пролетарская революция*, что она невозможна до тех пор, пока организованный пролетариат не станет силой, достаточно большой и сплоченной, чтобы при благоприятных условиях увлечь за собой подавляющее большинство нации. Но если один только пролетариат остался революционным классом внутри нации, то отсюда следует, что всякое падение существующего режима, независимо от того носит ли оно моральный, финансовый или военный характер, означает банкротство всех буржуазных партий, которые все без исключения несут за него ответственность; что единственным режимом, который может в таком случае сменить существующий режим, является *пролетарский*.

Однако не все товарищи приходят к таким выводам. Из того факта, что ожидавшаяся революция еще не наступила, они никак не хотят сделать вывода, что условия и формы будущей революции в результате экономического развития складываются иначе, чем это предполагалось на основании ранее совершившихся буржуазных революций. Напротив, они приходят к заключению, что при изменившихся условиях революцию ожидать вообще не следует; она не нужна и даже вредна.

С одной стороны, они предполагают, что дальнейшего развития уже завоеванных достижений — законов по охране труда, профессиональных союзов и кооперативов, достаточно, чтобы постепенно вытеснить класс капиталистов с занимаемых им позиций и незаметно экспроприировать его, не прибегая к политической революции и не изменяя существа государственной власти. Эта теория постепенного экономического вращивания в государство

будущего представляет собой модернизацию старого антиполитического утопизма и прудонизма.

С другой стороны, считается возможным, что пролетариат достигнет политической власти без революции, т. е. без резкого перехода власти в государстве из рук в руки, а просто путем применения мудрой тактики совместных действий с близкостоящими к пролетариату буржуазными партиями и формирования вместе с ними коалиционного правительства, для создания которого недостаточно какой-либо одной из участвующих партий в отдельности.

Считается, что таким образом можно обойти революцию, которая является, якобы, устаревшим, варварским средством, неуместным в наш просвещенный век демократии, этики и человеколюбия.

Подобные взгляды, если бы им удалось одержать верх, опрокинули бы всю тактику социал-демократии, разработанную Марксом и Энгельсом. Они с ней несовместимы. Конечно, нет оснований заранее считать эти взгляды неправильными, но само собой разумеется, что каждый, кто после тщательной проверки признал их ложными, активно выступит против них, так как здесь дело идет не о несущественных разногласиях, а о благе борющегося пролетариата.

Однако при обсуждении этих разногласий легко можно сбиться на ложный путь, если недостаточно точно определены границы спорных вопросов.

Поэтому здесь нужно еще раз, как это уже неоднократно делалось ранее, подчеркнуть, что дело отнюдь не в том, нужны ли и полезны ли профессиональные союзы и кооперативы, законы об охране труда и прочие законы, защищающие интересы пролетариата. На этот счет у нас не существует двух мнений. Оспаривается лишь точка зрения, будто эксплуататорские классы, обладающие государственной властью, могут допустить такое развитие всех этих факторов, которое означало бы освобождение от капиталистического гнета, не оказав предварительно всеми имеющимися в их распоряжении средствами власти такого сопротивления, которое могло бы быть устранено только в результате решающей битвы.

Далее речь идет не о том, должны ли мы использовать разногласия между буржуазными партиями в пользу пролетариата. Недаром Маркс и Энгельс постоянно

боролись против выражения «реакционная масса», считая, что оно слишком затушевывает противоречия между различными фракциями имущих классов, приобретающие подчас большое значение для успеха пролетарского движения. Как рабочим законодательством, так и расширением своих политических прав, пролетариат, в большинстве случаев, был обязан таким противоречиям.

Оспаривается лишь возможность образования в обычных условиях совместного *правительства* пролетарской¹ партии и буржуазных партий или совместной *правительственной партии* и ставится вопрос, не попадет ли тем самым пролетарская партия в непреодолимые противоречия, которые неизбежно приведут ее к гибели. Государственная власть повсюду является орудием классового господства. Однако классовые противоречия между пролетариатом и имущими классами настолько значительны, что пролетариат никогда не сможет разделять власть в государстве с каким-либо имущим классом. Имущий класс всегда будет и должен требовать в своих интересах, чтобы государственная власть продолжала подавлять пролетариат. А пролетариат всегда будет требовать от правительства, в котором принимает участие его собственная партия, чтобы государственная власть поддерживала его в борьбе против капитала. И это должно неминуемо привести к крушению любого пролетарско-буржуазного коалиционного правительства.

Пролетарская партия в буржуазном коалиционном правительстве всегда окажется соучастницей действий, направленных на подавление пролетариата, что вызовет его презрение к ней, и, в то же время, она всегда будет связана в своих действиях недоверием, проявляемым к ней ее буржуазными собратьями по блоку, что будет препятствовать какой бы то ни было ее успешной деятельности. Ни один режим такого рода не сможет привести к усилению пролетариата,— на это не пойдет ни одна буржуазная партия; это только скомпрометирует пролетарскую партию, собьет пролетариат с толку и приведет к его расколу.

А политическое оскудение буржуазной демократии, из-за которого, начиная с 1848 г. и до наших дней все: оттягивалась революция, и вовсе исключает возможность плодотворного сотрудничества с ней для завоевания и совместного осуществления политической власти.

Решительно выступая за использование разногласий между буржуазными партиями в интересах пролетариата, ведя непреклонную борьбу против выражения «реакционная масса», Маркс и Энгельс дали в то же время меткое определение *диктатуры пролетариата*, за которое Энгельс ратовал еще в 1891 г., незадолго до смерти, определение, утверждающее политическое единовластие пролетариата, как единственную форму, позволяющую ему осуществлять политическую власть.

Если же буржуазно-пролетарское коалиционное правительство не может служить средством развития пролетарской власти, и если возможности проведения социальных реформ и укрепления экономических организаций пролетариата в условиях данной власти ограничены, то это не дает ни малейшего основания считать, что, коль скоро политическая революция еще не наступила, такие революции могли якобы происходить только в прошлом и что в будущем их больше не будет.

Среди сомневающихся в революции есть и такие, которые рассуждают менее категорично. Они допускают, что когда-нибудь еще произойдет революция, но если она и произойдет, то весьма и весьма не скоро. По крайней мере на нашем веку она совершенно исключена. В практической политике нам можно ее не учитывать. По их мнению мы должны придерживаться в ближайшие десятилетия тактики мирного востания и политики пролетарско-буржуазного блока.

Но именно в настоящее время выявляются факты, которые должны заставить нас, больше чем когда бы то ни было, считать такую точку зрения неправильной.

2. ПРЕДСКАЗАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Для того чтобы дискредитировать предсказания марксистов о грядущей революции, нас часто упрекают в том, что мы любим пророчествовать, но проявили себя плохими пророками.

Мы уже выяснили, почему ожидавшаяся Марксом и Энгельсом пролетарская революция до сих пор не наступила. Но если не принимать во внимание несбывшихся

надежд, то приходится удивляться не тому, что исполнилось не все, чего они ожидали, а тому, что сбылось так много из предсказанного ими.

Мы уже знаем, например, что «Коммунистический манифест» возвестил в ноябре 1847 г. революцию 1848 г. Это произошло в то самое время, когда Прудон доказывал, что эра революций закончилась навсегда.

Маркс был первым социалистом, указавшим на значение профессиональных союзов в классовой борьбе пролетариата, в своем полемическом произведении против Прудона «Нищета философии» (1846 г.). Работая над «Капиталом», он уже в 60-х годах предвидел современную систему акционерных обществ и картелей. Во время войны 1870—1871 гг. он предсказывал, что отныне центр тяжести социалистического движения переместится из Франции в Германию. В январе 1873 г. он предсказывал кризис, начавшийся спустя несколько месяцев, и т. д.

То же самое можно сказать и об Энгельсе.

И даже в тех случаях, когда они ошибались, в самой ошибке их содержалось чрезвычайно существенное зерно истины. Достаточно напомнить о том, что говорилось выше по поводу высказанной Энгельсом в 1885 г. надежды на политическое потрясение в ближайшие годы.

Здесь будет уместным выступить против одной легенды, которая грозит утвердиться в умах. В своем «Рабочем вопросе», 5-ое издание которого только что вышло из печати, берлинский профессор Г. Геркнер дает отчет о съезде партии в Ганновере (1899 г.). Он пишет:

«В пылу спора Каутский увлекся до того, что заклеил надежду на скорое наступление катастрофы, которая осуществила бы все чаяния, назвав ее без всякого стеснения идиотизмом, т. е. выступил гораздо резче, нежели это сделал сам Бернштейн¹². Если бы Энгельс действительно предсказал на 1898 г. грандиозный крах (сказал Каутский), то он был бы не тем великим мыслителем, которым он на самом деле являлся, а таким идиотом, что ни один избирательный округ не выбрал бы его своим делегатом на съезд партии. Энгельс имел лишь в виду, что в 1898 г., может быть, наступит крушение нынешней политической системы в Пруссии.

Вопрос о том, что имел в виду Энгельс, остается открытым. Но слова Бебеля¹³ на Эрфуртском съезде партии в 1891 г. о том, что лишь немногие участники этого конгресса не доживут до осуществления самых конечных целей, не допускают никакой спасительной интерпретации. Они были, если воспользоваться выражением, примененным Каутским в 1899 г., идиотскими. В этом эпизоде перемена, происшедшая даже в умах почитателей старой

тактики, проявилась с такой ясностью, что лучше и желать не приходится» (стр. 379).

К сожалению, ясность изложения господина профессора оставляет желать много лучшего. Я никоим образом не назвал «надежду на скорое наступление катастрофы, которая осуществила бы все чаяния (!)», идиотизмом, по той простой причине, что о такой катастрофе и речи не было. Впрочем, я был бы полностью вправе назвать идиотизмом надежду на катастрофу, «которая осуществила бы все чаяния». Я применил слово «идиотизм» к утверждению о том, будто Энгельс установил для начала революции *определенную дату* — 1898 год. Подобного рода предсказание мне действительно казалось идиотским. Но Энгельс никогда в нем повинен не был. Так же как и Бебель. Он и на Эрфуртском съезде партии в 1891 г. не указал точно года начала революции.

Уже тогда раздавались насмешки не по поводу его «предсказаний». На это он ответил:

«Над предсказаниями можно смеяться и издеваться; мыслящие люди без них обойтись не могут. Присущая ныне Фольмару ¹⁴ холодная рассудочность пессимиста была чужда и ему несколько лет тому назад. Энгельс, на которого он нападает, совершенно правильно предсказал в 1844 г. революцию 1848 г. А разве то, что предсказали Маркс и Энгельс во время восстания коммуны в известном адресе Генерального совета Международной Рабочей Ассоциации ¹⁵ относительно будущего положения дел в Европе не осуществилось с предельной точностью? (Совершенно верно!). Либкнехт ¹⁶, также слегка насмеявшийся надо мной, сам нередко предсказывал. (Оживление). Он, как и я, предсказал в 1870 г. в рейхстаге то, что сегодня полностью свершилось. Прочитайте его и мои речи за 1870—1871 гг. и вы в этом убедитесь. Но вот появляется Фольмар и восклицает: довольно этих старых историй и бросьте заниматься предсказаниями. Но он тоже предсказывает. Разница между ним и мной лишь в том, что он обладает великолепнейшим оптимизмом по отношению к нашим противникам и страшнейшим пессимизмом по отношению к принципиальным стремлениям партии и ее будущему» (Протокол, стр. 283).

Одно из важнейших предсказаний Бебеля, претворившихся в жизнь, относится к 1873 г.; он сказал тогда, что партия центра будет вскоре занимать в рейхстаге вместо (50-ти — 100 мест, что «культуркампф»¹⁷ Бисмарка окончится плачевно и будет содействовать падению Бисмарка.

Недавно мне оказали честь, зачислив меня в разряд этих «пророков». Лучшего общества я для себя и не мыслю.

Меня упрекали в том, что сказанное мной в серии моих статей «Allerhand Revolutionares» («Революционные перспективы») ¹⁸ в «Новом времени», а также в предисловии к моей «Этике», в отношении русской революции, было полностью опровергнуто ходом истории.

Так ли это?

В предисловии к «Этике» я писал:

«Мы скоро вступим в период, когда, кто знает на какой срок, для каждого социал-демократа будет исключена возможность спокойной работы, и наша деятельность превратится в непрерывную борьбу... Именно теперь палачи, стоящие на службе царизма, ревностно стараются сравняться с Альбами и Тилли¹⁹ религиозных войн XVI и XVII вв.,— но не военными подвигами, а убийствами и поджогами. Западноевропейские поборники культуры, порядка и прочих самых священных достояний человечества восторженно приветствуют это, как восстановление законного порядка. Но так же, как наемникам Габсбургов ²⁰, несмотря на временные успехи, не удалось восстановить католицизм в Северной Германии и Голландии, так не удастся восстановить абсолютизм и казакам Романовых²¹. У этого режима еще достаточно силы, чтобы опустошать свою страну, но уже нет силы править ею».

«Во всяком случае, русская революция далеко еще не закончилась,— она не может закончиться до тех пор, пока не будет удовлетворено русское крестьянство. Но чем дольше она длится, тем сильнее становится возбуждение пролетарских масс Западной Европы, тем ближе опасность финансовых катастроф, тем вероятнее, что и в Западной Европе начнется эра острейшей классовой борьбы».

Что в этих словах, написанных в январе 1906 г. такого, чего я должен был бы стыдиться? Разве можно считать, что Россия уже обрела основу для дальнейшего спокойного и законного развития? И разве, с тех пор, как я написал цитированные выше строки, весь мир не пришел действительно в состояние величайшего беспокойства?

А теперь о моем «неудачном предсказании» в статье «Революционные перспективы». Я полемизировал в то время с Лусния, который не допускал, что война из-за Кореи может привести к революции в России и назвал переоценкой мои слова о том, что русские рабочие представляют собой гораздо более реальный политический

фактор, нежели английские. На это я ответил в первых числах февраля 1904 г., в начале русско-японской войны:

«Совершенно несомненно, что по своему экономическому развитию Россия значительно отстает от Германии или Англии и ее пролетариат гораздо слабее и менее зрел, чем, например, немецкий или английский. Но все относительно, относительна и революционная сила класса».

Я определил затем, почему пролетариат России обладал в то время исключительной революционной силой, и писал далее:

«Борьба тем скорее решится не в пользу абсолютизма, чем энергичнее Западная Европа откажет ему в своей помощи. Содействовать как можно большей дискредитации царизма,— вот в настоящее время одна из важнейших задач международной социал-демократии...»

«Между тем, несмотря на наличие ценных для него дружеских связей в Западной Европе, все затруднительнее становится положение самодержца всея Руси. Война с Японией может заметно ускорить победу революции в России... То, что произошло после русско-турецкой войны, может повториться, но на этот раз с большей силой: в виде мощной вспышки революционного движения».

После того, как я обосновал это, я продолжал:

«Революция в России не могла бы сразу же установить социалистического режима. Для этого еще недостаточно созрели экономические условия страны. Она может сначала претворить в жизнь только демократический режим, поддерживаемый сильным и неукротимым, стремящимся вперед пролетариатом, который завоюет себе значительные уступки».

«Такой режим должен будет оказать сильное воздействие на соседние с Россией страны. Он приведет, во-первых, к оживлению и усилению в них пролетарских движений, которые, получив тем самым наисильнейший толчок, предпримут со своей стороны штурм политических препятствий, стоящих на пути к подлинной демократии,— в Пруссии это будет прежде всего наступление на трехклассную систему выборов²². А во-вторых, он будет содействовать разрешению разнообразнейших национальных вопросов в Восточной Европе».

Так я писал в феврале 1904 г. В октябре 1905 г. русская революция стала действительностью, а пролетариат —

ее передовым борцом, и сразу же сказало ее воздействие на соседние страны. В Австрии борьба за всеобщее избирательное право вспыхнула с непреодолимой силой и закончилась вскоре победой. Венгрия оказалась на грани подлинного восстания, немецкая социал-демократия согласилась на всеобщую забастовку, и всеми своими силами, особенно в Пруссии, включилась в борьбу за избирательные права, которая уже в январе 1908 г. привела к таким уличным демонстрациям, каких Берлин не видел с 1848 г. А 1907 год принес поразительные готтентотские²³ выборы и полный крах германской демократии. Если же я, наряду с этим, ожидал развертывания национальных движений в Восточной Европе, то мои ожидания оказались сильно превзойденными, благодаря быстрому пробуждению всего Востока, Китая, Индии, Египта, Марокко, Персии, Турции, что в последних двух странах уже привело к победоносным революционным восстаниям.

А в связи с этим мы наблюдаем неуклонное обострение международных противоречий, которые уже дважды, сначала из-за Марокко, потом из-за Турции²⁴, вплотную поставили Европу перед угрозой войны.

Если когда-нибудь и осуществлялось какое-либо «предсказание будущего», если угодно применять такое выражение, то это было предсказание, в котором говорилось о наступлении русской революции, повлекшей за собой эру повышенного политического возбуждения и обострения всех социальных и национальных противоречий.

Конечно,— я не хочу отрицать этого,— я не предсказывал временного поражения русской революции. Но разве тот, кто предсказывал в 1846 г. наступление революции 1848 г., ошибался из-за того, что эта революция была подавлена в 1849 г.?

Разумеется, при всяком значительном движении и восстании мы должны считаться с возможностью поражения. Перед предстоящей борьбой только дурак чувствует себя уверенным и думает, что победа ему уже обеспечена. Мы же можем только исследовать вопрос, идем ли мы навстречу крупным революционным боям. Это может быть установлено до некоторой степени точно. Но относительно исхода какого-либо из этих боев заранее ничего нельзя сказать. Однако мы играли бы жалкую роль и были бы даже прямыми изменниками нашему делу и неспособны к какой-либо борьбе, если бы заранее были убеждены в неиз-

бежности поражения, а не считались с возможностью победы.

Конечно, не каждая надежда может осуществиться. Тот, кто хотел бы выдать себя за непогрешимого пророка или потребовал бы безошибочных предсказаний от других, должен предположить, что человек обладает сверхъестественной силой.

Каждый политик должен считаться с тем, что его ожидания могут не осуществиться. И все же «предсказания» не праздная игра, а если прибегать к ним осмотрительно и методически — занятие необходимое для каждого мыслящего и дальновидного политика, на что указывал еще Бебель.

Только безмозглый рутинер свято верит в то, что все будет продолжаться и впредь по-старому. Политический деятель, являющийся одновременно мыслителем, взвесит при каждом новом событии все возможности, которые оно таит в себе и продумает их до самых отдаленных последствий. Правда, сила косности в обществе чрезвычайно велика, поэтому в девяти случаях из десяти может показаться, что прав рутинер, продолжающий идти по проторенной дорожке, не задумываясь над новыми ситуациями и возможностями. Но в один прекрасный день все же совершается событие, достаточно значительное для того, чтобы преодолеть силу косности, которая уже подорвана изнутри всем ранее происшедшим, хотя внешне все и оставалось по-старому. Тогда развитие внезапно избирает новые пути, от чего все рутинеры теряют голову, и устоять могут только те политики, которые освоились с новыми возможностями и их последствиями.

Но ни в коем случае нельзя считать, что при обычном ходе событий безмозглый рутинер имеет перевес над политиком, размышляющим о будущем или «предсказывающим» его. Так может быть только тогда, когда политик принимает возможности, последствия которых он продумал, за действительность и руководствуется ими в своей повседневной практической деятельности. Едва ли кто решится утверждать, что Энгельс и Бебель или кто-либо другой из «предсказывающих» политиков, о которых здесь идет речь, когда-либо придавали такой смысл своим предсказаниям.

Безмозглый рутинер никогда не почувствует потребности изучать действительность, представляющуюся ему

простым повторением уже знакомых ситуаций, с которыми он до сих пор имел дело. Напротив, тот, кто привык продумывать в каждой данной ситуации все ее возможности и последствия, может осуществлять это только благодаря изучению имеющегося соотношения сил; он стремится прежде всего уделить внимание вновь возникающим и еще мало исследованным факторам.

То, что представляется некоторым филистерам ничем не обоснованным предсказыванием наобум, на самом деле является результатом тщательного исследования и поэтому связано всегда с углубленным познанием действительности. Нападать на Энгельса и Бебеля за их «предсказания» можно было бы только в том случае, если бы они проявили себя оторванными от жизни фантазерами. Фактически же никто еще не давал пролетариату более целесообразных и правильных советов во всех затруднительных положениях, нежели именно эти «пророки», и объясняется это как раз тем, что они занимались «пророческой» деятельностью. До настоящего времени поднимающиеся классы слишком часто сбивались на ложный путь не теми политиками, которые всегда стремились достигнуть самых отдаленных горизонтов, а «политиками-реалистами», которые дальше своего собственного носа ничего не видят, считают реальностью лишь то, во что они упираются носом и объявляют сложным и непреодолимым всякое препятствие, о которое они однажды до крови разбили себе нос.

Но существует и другой вид «предсказаний», отличный от только что описанного. Развитие всякого общества определяется в конечном счете развитием его способа производства, законы которого нам в настоящее время достаточно хорошо известны, чтобы с некоторой уверенностью определить направление неизбежного общественного развития и отсюда сделать выводы о неизбежном ходе политического развития.

Этот вид «предсказаний» часто смешивают с тем, который мы описали выше и все же оба они в корне отличаются друг от друга. В одном случае речь идет о весьма разнообразных возможностях, которыми чреватые особое событие или особая ситуация и вероятные последствия которых нам следует проследить. В другом случае — о необходимом, единственно возможном направлении развития, которое мы и стараемся определить. В первом случае

мы имеем дело с определенными конкретными фактами, во втором нам становятся известны лишь общие тенденции и неизвестно ничего определенного о формах, в которые они выльются. Оба вида исследования не надо смешивать друг с другом даже тогда, когда они приводят к одинаковым на первый взгляд результатам.

Если, например, кто-нибудь скажет, что война между Францией и Германией приведет к революции, а другой будет утверждать, что дальнейшее обострение классовых противоречий в капиталистическом обществе приведет к революции, то последнее утверждение кажется таким же предсказанием революции, как и первое. И все же каждое из них означает нечто иное. Когда я говорю о войне между Францией и Германией, то эта война не является событием, наступление которого можно предсказать с такой же точностью как закон природы. До этого наука еще не дошла. Война — это только одна из многочисленных возможностей, которые могут осуществиться. Но с другой стороны, революция, которая может развиться из войны, связана с определенными формами. Может случиться, что в той из воюющих наций, которая окажется более слабой, стремление освободить все народные силы для борьбы с внешним врагом поставит во главе нации самый беспощадный и энергичный класс — пролетариат, подобно тому, как это Энгельс считал возможным для Германии в 1891 г., если бы она вела войну одновременно с Францией, тогда еще не так сильно отставшей по численности населения, и с Россией, еще не побежденной и не потрясенной революцией.

Но революция, как следствие войны, может возникнуть также из восстания народных масс, когда армия сломлена и сыта по горло войной и ее лишениями, и когда правительство свергается не для того, чтобы еще энергичнее продолжать войну, а для того, чтобы покончить с бесцельной и губительной войной и заключить мир с противником, который также не желает ничего лучшего.

И, наконец, революция, как следствие войны, может вспыхнуть из всеобщего возмущения по поводу заключения позорного и невыгодного мира,— возмущения, которое объединит армию и народ в борьбе против правительства.

Для указанного здесь случая заранее известны определенные формы революции, но если рассматривать революцию как следствие усиливающегося обострения классов-

вых противоречий, то картина ее становится абсолютно неясной. Я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собой война, разразится либо во время войны, либо непосредственно после нее. Но когда я говорю о революции, как результате усиливающегося обострения классовой борьбы, то тем самым я никак не указываю момента ее наступления. В отношении революции, как следствия войны, я могу утверждать с полной определенностью, что она представляет собой однократное действие. В отношении революции, рождающейся из возрастающего обострения классовых противоречий, по этому поводу ничего сказать невозможно. Она может вылиться в очень длительный процесс, в ходе которого революция, как следствие войны, может сыграть лишь роль эпизода. Относительно революции, как следствия войны, нельзя заранее сказать точно, что она будет успешной. Напротив, революционное движение, вытекающее из обострения классовых противоречий, может претерпеть лишь временные поражения,— в конце концов оно должно победить.

Но, с другой стороны, необходимая в первом случае предпосылка революции — война, может, как мы уже видели, наступить, но может и не наступить. Никто не возьмется сказать что-нибудь определенное по этому поводу. Напротив, обострение классовых противоречий неизбежно вытекает из законов капиталистического способа производства. Таким образом, если революция, как следствие войны, есть только одна из многих возможностей, то революция, как следствие классовой борьбы, неизбежна.

Следовательно, каждый из этих двух видов «предсказаний» требует своего особого метода, особых исследований; от глубины этих исследований зависит значимость «предсказаний», которые людям, не имеющим никакого представления об этих исследованиях, кажутся бесплодными фантазиями.

Однако глубоко ошибочным было бы считать, что «предсказываем» только одни мы, марксисты. Даже буржуазные политики, обеими ногами стоящие в действительности, не могут обойтись без того, чтобы не заглянуть в далекое будущее. На этом основана, например, вся сила колониальной политики. Если бы дело заключалось только в колониальной политике, проводимой в наши дни, то с ней очень легко было бы разделаться. Для всех государств, за

исключением Англии, она представляет собой мизерное предприятие. Но это — единственная область, которая позволяет еще питать в капиталистическом обществе большие, хотя и иллюзорные, надежды на будущее. И именно в этом, в расчетах на блестящее будущее, которое предсказывают наши фанатики колониальной политики, а не в жалкой действительности кроется объяснение притягательной силы, которую оказывает колониальная политика на умы всех тех, кто не убежден в приходе социализма. Нет ничего ошибочнее взгляда, что в политике дело решают лишь интересы сегодняшнего дня, что далекие идеалы не имеют практического значения, что в нашей предвыборной агитации нам обеспечен тем больший успех, чем «практичнее», т. е. чем более трезво и мелочно мы будем вести себя, чем больше мы будем ограничиваться разговорами о налогах и пошлинах, придирках полиции, больничных кассах и т. п. и чем больше мы будем относиться к своим великим целям, как к давно минувшей юношеской любви, о которой часто еще вспоминаешь в глубине души, но предпочитаешь не говорить открыто.

3. ВРАСТАНИЕ В ГОСУДАРСТВО БУДУЩЕГО

Без предсказаний в политике не обойтись. Те, которые говорят, что еще долго все будет оставаться по-старому, не подозревают, что и они занимаются предсказаниями.

Конечно, нет такого пролетарского политика, который был бы доволен существующим положением и не стремился бы к коренному его изменению. И нет такого умного политика, какого бы направления он ни был, который, если он хоть мало-мальски свободен от предвзятых мнений, не считал бы абсурдным предположение, что экономическое преобразование общества и дальше будет продолжаться в столь же быстром темпе, как сейчас, а политическое положение в течение долгого времени останется неизменным.

Если политик, несмотря на это, ничего не хочет знать о политической революции, т. е. о решительном изменении соотношения сил в государстве, то ему остается только искать такие формы, при которых классовые противоречия устраняются без великой решающей битвы, медленно и незаметно.

Либералы мечтают о социальном мире между классами, между эксплуататорами и эксплуатируемыми, без уничтожения эксплуатации, путем установления каждым классом определенных самоограничений по отношению к другому классу и добровольного отказа от каких-либо «эксцессов» и «преувеличенных требований». Есть люди, которые думают, что противоречие, существующее между отдельно взятым рабочим и отдельно взятым капиталистом, можно преодолеть, если рабочие и капиталисты будут *организованно* противостоять друг другу. По их мнению, начало социальному миру должны положить *коллективные договоры*. В действительности же организация только усугубляет проявление противоречий. Схватки между обеими сторонами происходят реже, но становятся ожесточеннее и потрясают общество гораздо сильнее, чем прежние одиночные стычки. Само противоречие противоположных интересов проявляется благодаря организации гораздо резче и воспринимается все больше не как *случайное* противоречие между отдельными *личностями*, а как *неизбежное* противоречие между целыми *классами*.

Социалист не может разделять иллюзии о примирении классов и социальном мире. Именно то, что он не разделяет этой иллюзии, делает его социалистом. Он знает, что не химерическое *примирение* классов, а лишь *уничтожение* классов может установить мир в обществе. Но если он потерял веру в революцию, то ему остается только ожидать мирного и незаметного уничтожения классов в результате экономического развития и роста и усиления рабочего класса, который постепенно вбирает в себя другие классы.

Это и есть теория *врастания* в социалистическое общество.

В этой теории содержится весьма реальное зерно. Она исходит из фактов, подтверждаемых действительным развитием и свидетельствующих о том, что мы и в самом деле идем навстречу социализму. Ведь именно Маркс и Энгельс охарактеризовали этот процесс и доказали его закономерность.

Мы вращаем в социализм одновременно двумя путями. Во-первых, через развитие капитализма в результате концентрации капитала. Конкуренция приводит к тому, что крупный капитал, ввиду своего превосходства

над мелким, угрожает ему, притесняет и, в конце концов, во всем вытесняет его. Одно это, не говоря уже о неудержимой жажде наживы, заставляет каждого капиталиста стремиться к увеличению своего капитала, к расширению своего предприятия. Все крупнее становятся предприятия, все большее число их объединяется в одних руках. В настоящее время дело дошло уже до того, что банки и союзы предпринимателей держат в своих руках значительную часть капиталистических предприятий самых различных наций и организуют их. Таким образом происходит все большая подготовка общественной организации производства.

Одновременно с этой централизацией предприятий идет рост больших капиталов, причем форма акционерного общества ни в коей мере не стесняет этого роста. Напротив, акционерное общество не только обеспечивает в настоящее время господство немногих банков и организаций предпринимателей над производством, но и является средством превращения мелких и мельчайших состояний в капитал, отдавая их тем самым во власть капитализма.

С помощью акционерных обществ сбережения простых людей предоставляются в распоряжение капиталистов, которые используют их как свои собственные капиталы, и, таким образом, еще больше увеличивают централизующую силу принадлежащих им крупных состояний.

Благодаря системе акционерных обществ, сам капиталист, как личность, становится совершенно ненужным для капиталистического предприятия. Устранение его деятельности из экономической жизни перестает быть вопросом экономической *возможности* или *целесообразности*. Оно становится только лишь вопросом *силы*.

Но подготовка социализма путем концентрации капитала представляет собой только одну сторону вращающегося в государство будущего. Наряду с этим, внутри рабочего класса также происходит развитие, представляющее собой движение в направлении к социализму. По мере роста капитала увеличивается и число пролетариев в обществе. Они становятся его самым многочисленным классом. Одновременно растут и организации пролетариата. Рабочие создают кооперативы, устраняющие посредничество в торговле, и организующие производство для собственного потребления; они основывают профессиональные

союзы, ограничивающие единовластие предпринимателей и стремящиеся приобрести влияние на процесс производства; они избирают депутатов в органы самоуправления общин и в парламенты государств; эти депутаты стремятся проводить там реформы, добиться принятия законов по охране труда, превратить государственные и общинные предприятия в образцовые и постоянно увеличивать число этих предприятий.

Движение это происходит непрерывно, и мы, по словам наших реформистов, переживаем уже период социальной революции, более того, по мнению некоторых, уже вступили в социализм. Необходимо только дальнейшее развитие на существующей основе и не нужна никакая катастрофа,— она может лишь помешать вращению в социализм; поэтому откажемся от всякой мысли о ней и направим все наши усилия на «положительную» работу.

Подобная перспектива, безусловно, очень заманчива, и нужно обладать поистине дьявольским характером, чтобы быть сторонником катастрофы, которая нарушила бы этот столь великолепный «постепенный реформистский подъем». Если бы желание было отцом наших мыслей, мы, марксисты, все без исключения, должны были бы прийти в восторг от этой теории вращения.

Однако в этой теории есть одна маленькая ошибка: рост, о котором в ней говорится, не есть рост *одного единственного элемента*, это — рост *двух* и при том весьма *противоположных* элементов: капитала и труда. То что кажется «реформистам» мирным вращением в социализм, является не чем иным, как ростом сил двух антагонистических классов, которые стоят друг против друга в непримиримой вражде. Это означает, что противоречие между трудом и капиталом, которое первоначально было противоречием между небольшим числом лиц, представлявших в государстве незначительное меньшинство, теперь разрастается в борьбу огромных сплоченных организаций, определяющих направление всей общественной и государственной жизни. Таким образом, вращение в социализм означает вращение в великие битвы, которые потрясут все устои государства, неминуемо будут усиливаться и могут завершиться только свержением и экспроприацией класса капиталистов. Пролетариат необходим обществу; он может терпеть временные поражения, но его никогда нельзя будет уничтожить. Класс капиталистов, напротив, стал

лишним; первое большое поражение, которое он потерпит в борьбе за государственную власть, должно привести его к полной и окончательной гибели.

Тот, кто не хочет признавать этих последствий нашего неуклонного вращающегося в социализм,— слепец, не видящий основного фактора нашего общества: классового противоречия между трудом и капиталом. Вращающееся в социализм есть лишь иное обозначение для постоянного обострения классовых противоречий, для вращающегося в эпоху великих решающих классовых битв, которые мы вправе объединить под названием социальной революции.

Ревизионисты не хотят, конечно, признавать этого, но до сих пор им не удалось привести каких-либо веских доводов против такой точки зрения. Их возражения представляют собой факты, которые, будь они даже существенными и убедительными, доказывали бы не «вращающееся в социализм», а движение общества прочь от социализма; таково, например, предположение, что капитал не централизуется, а децентрализуется. Это логическое противоречие заложено в самой сущности ревизионизма: если он хочет доказать вращающееся в социализм, то должен признать марксистскую теорию капитализма; и он должен отказаться от этой теории, если хочет убедить в том, что дальнейшее развитие общества пойдет по мирному пути и классовые противоречия будут сглаживаться.

Но ревизионисты и близкие к ним по убеждениям люди начинают все же догадываться, что сама идея мирного вращающегося в государство будущего не без изъяна.

Показательна в этом отношении статья Наумана²⁵ о «Судьбе марксизма», опубликованная первоначально в октябрьском номере «Neue Rundschau» («Новое обозрение») за 1908 год, а затем в «Hilfe» («Помощь»). В ней бывший вождь «национал-социалов» довольно путанно излагает нам эту судьбу. Он считает, что концентрация капитала и создание союзов предпринимателей является для нас, марксистов, чем-то неожиданным, приводит нас в замешательство и застаёт врасплох. С другой стороны, он утверждает, что ревизионистские деятели профессионального движения, в противовес марксистам, впервые подчеркнули значение законодательства по охране труда и профессиональной организации рабочих. Бедняга, он и не подозревает, что не кто иной, как Маркс был первым пропагандистом этих двух институтов на европейском

континенте, и что Маркс намного раньше других социалистов признал их значение, так же как и значение союзов предпринимателей.

Однако мы уже привыкли к невежеству этих господ в подобных вопросах, и на это не следовало бы даже обращать внимания. Напротив, достойным внимания является то, что Науман в своей статье открывает превосходство сил концентрированного капитала; по его мнению, экономическое развитие ведет не к социализму, а к «новому феодализму, располагающему необычайно мощными экономическими средствами». Кооперативам и профессиональным союзам, говорит Науман, не устоять перед союзами предпринимателей.

«Руководство промышленностью будет сосредоточено в ближайший период в руках синдикатов, работающих совместно с банками. Именно там укрепилась господствующая, которых никакая социальная революция не сможет вышибить из седла до тех пор, пока тяжелые времена безработицы и голода не вызовут массовой ненависти, которая слепо разрушит все, но не сможет создать ничего лучшего. Идея социальной революции по существу пришел конец. Все это очень мучительно для всех социалистов старого склада, так же как и для нас, социальных идеологов, надеявшихся, что рабочие смогут быстрее достигнуть успехов; но самообман нам не поможет,— ближайший период принадлежит союзам предпринимателей».

Это ничуть не похоже на вращение в социализм и меньше всего на мирное вращение. Сам Науман не может указать иного средства для свержения нового феодализма, кроме «массовой ненависти», которая все «разрушит», т. е. революции,— но здесь Науман внезапно совершает логический кульбит. Сначала он признает, что союзы предпринимателей могут быть выбиты из седла только революцией. Затем он отказывается от мысли о подобной революции, утверждая, что она должна быть голодным бунтом, который «слепо все разрушит, но не сможет: создать ничего лучшего». Почему это должно быть именно так, почему с самого начала предполагается, что революция будет бесплодной, остается тайной Наумана.

Но, уничтожив одним росчерком пера, без всякого обоснования, идею революции, он никоим образом не впадает в состояние полной безнадежности, а приободряется, преисполненный оптимизма. Он делает открытие, что

союзы предпринимателей неодолимы только для марксистов, которые признают экономическую необходимость и отрицают свободную волю. Стоит нам только признать эту волю, и мы справимся с союзами предпринимателей, а «необычайно мощные средства» «нового феодализма» потеряют свою непреодолимую силу.

То, чего не в состоянии свершить возмущение масс, может быть осуществлено путем признания свободной воли индивидуума, т. е. может быть достигнуто «личностью». Это указание и есть «практическая», «реальная политика».

Наумаи сообщает нам:

«Маркс не очень-то признавал обращение к свободной воле, так как рассматривал все как естественную необходимость событий. Во всяком случае так это сказано в его теории. Правда, сам он, как человек, представлял собой личность огромной силы воли и умел будить энергию в других людях. В настоящее время в рядах мыслящей социал-демократии происходит известное возвращение от естественно-научного учения к учению о воле, т. е. к учению, лежащему в основе всех либеральных движений. Эдуард Бернштейн яснее других выразил мысль о том, что надо вновь припасть к стопам Канта²⁶. И даже в родственных социал-демократии анархистских или полуанархистских движениях наблюдается тот же отход от веры в слепо действующий в экономической жизни рок, к убеждению, что воля придает тот или иной вид вещам. Этот возврат к учению о воле есть следствие укрепления нового господства индустрии. Становится ясным, что это господство индустрии не падет само собой, что уступки у него должны быть отвоеваны путем волевых актов».

Те люди, которым это только теперь становится ясным,— поклонники мирного вращивания в социализм. Мы, марксисты, поистине не нуждаемся в таких откровениях. А для ревизионистов, так же как и для их анархистских и национал-социальных отпрысков, это представляет собой огромное открытие. Но они — пчелы, которые умеют извлечь мед из любого цветка, так что и в этом открытии они усматривают опровержение взглядов Маркса, так же как и их либеральные, социал-национальные, анархистские и полуанархистские собратья по духу. Все они обвиняют Маркса в том, что он признавал только «слепо действующее», «автоматическое» экономическое развитие

и никакого не имел представления о человеческой воле. А ведь выявление этой воли является, по их мнению, нашей главной задачей.

Так учит не только Науман, но и Фридеберг, так учат те элементы, которые, подобно маятнику, качаются внутри социал-демократии между Науманом и Фридебергом то в одну, то в другую сторону, такие, как, например, Эйснер и Мауренбрехер, так учат и теоретики ревизионизма, такие, как Туган-Барановский ²⁷:

«Автор «Капитала» преувеличивал значение стихийной стороны исторического процесса и не понимал всей огромной творческой роли в этом процессе *живой человеческой личности*».

Все это отчетливо доказывает, что в теории мирного «врастания» в социализм имеется большая брешь, которую необходимо заполнить огромной творческой ролью человеческой личности и ее свободной волей. Но эта свободная воля, которая должна дополнить врастание в социализм, означает в действительности упразднение теории врастания. Если Науман прав в том отношении, что воля свободна и «придает тот или иной вид вещам», тогда она может «придавать тот или иной вид» и направлению экономического развития, но в таком случае положительно невозможно установить, есть ли у нас гарантия, что мы растаем именно в социализм. Тогда вообще нельзя познать, в каком направлении развивается общество и невозможно никакое научное его познание.

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВОЛЯ

На все вышеизложенные замечания ревизионисты возразят, что еще большее противоречие обнаруживается у самого Маркса, который, как мыслитель, не признавал свободной воли и полностью полагался на неизбежное экономическое развитие, происходящее в виде автоматического процесса, но, как революционный борец, всегда проявлял максимальную волю и апеллировал к активности пролетариата.

Ревизионисты, анархисты и либералы в полнейшем единодушии возвещают нам, что в этом у Карла Маркса заключается непреодолимое противоречие между теорией и практикой.

В действительности у Маркса такого противоречия найти невозможно. Это — результат путаницы в умах его критиков, неисправимой путаницы, от которой они никак не могут отделаться. Она объясняется прежде всего тем, что между волей и свободной волей ставится знак равенства. Маркс никогда не отрицал значения воли и «огромной роли человеческой личности» для общества, он отрицал только свободу воли, что совсем не одно и то же. Об этом говорилось уже настолько часто, что здесь нет смысла еще раз на этом останавливаться.

Кроме того, эта путаница основана на очень своеобразном представлении об экономике и экономическом развитии. Все эти ученые господа полагают, что поскольку экономическое развитие подчинено определенным законам, то оно происходит автоматически, самостоятельно, без участия активных человеческих личностей; они утверждают, следовательно, что человеческая воля проявляется *наряду* с экономикой и стоит *над* экономикой, как особый элемент, который дополняет ее и способствует «приданию того или иного вида» явлениям, обусловленным экономикой. Подобная точка зрения может родиться лишь в умах тех, кто совершенно схоластически воспринимает экономику, кто почерпнул свои познания из книг и продолжает орудовать ими весьма отвлеченно, не имея ни малейшего представления о действительном экономическом процессе. По крайней мере в этом отношении пролетарии обладают преимуществом над подобными господами, поэтому им, вопреки Мауренбрехеру и Эйснеру, более свойственно понять данный процесс и его историческую роль, нежели буржуазным теоретикам, которым чужда экономическая практика, или же тем буржуазным практикам, которым чужд какой бы то ни было теоретический интерес, какая бы то ни было потребность познать экономику в большем объеме, чем это необходимо для успешного выколачивания прибылей.

Вся экономическая теория превращается в пустое жонглирование понятиями для каждого, кто не исходит из признания человеческой *воли* движущей силой всякого экономического процесса. Разумеется, не *свободной* воли, не желания самого по себе, а *определенного* желания. В конечном счете, в основе всякой экономики лежит *воля к жизни*, возникающая вместе с жизнью у организмов, наделенных способностью движения и познания. Любая

форма проявления воли сводится, в конце концов, к воле к жизни.

Различные формы, принимаемые этой волей организма к жизни в каждом отдельном случае, зависят от частных условий его существования, причем понятие «условия» берется в самом широком смысле и включает не только средства сохранения жизни, но и опасности и препятствия, встречающиеся на жизненном пути. Условия жизни определяют характер желаний, формы деятельности и успех этой деятельности. Это положение служит исходной точкой для материалистического понимания истории. Разумеется, отношения, которые можно объяснить таким образом, просты только у простейших организмов; у организмов, достигших более высоких ступеней развития, между простой волей к жизни и разнообразными формами проявления воли имеется много промежуточных звеньев.

Подробное изложение этого вопроса не входит в мои задачи. Но я позволю себе сделать несколько замечаний по этому поводу.

Условия жизни организма бывают двоякого рода: во-первых, такие, которые все время повторяются и не изменяются на протяжении жизни многих поколений. Целесообразное волевое устремление, приспособленное к этим условиям, становится в таком случае привычкой, которая передается по наследству и усиливается в результате естественного отбора; оно превращается в инстинкт, непреодолимую склонность, которой, в конце концов, следует индивидуум при всех обстоятельствах, даже в необычных условиях, где подчинение инстинкту не способствует жизни и не сохраняет ее, а вредит ей, и может даже привести к смерти. И все же первопричиной этого устремления воли всегда служит воля к жизни.

Наряду с условиями жизни, неизменно повторяющимися, существуют и такие, которые возникают только изредка или же очень непостоянны. В таких условиях перестает действовать инстинкт, и сохранение жизни зависит в основном от способности организма к познанию, т. е. от того, сможет ли он познать сложившуюся ситуацию и приспособить к ней свое поведение. Чем дольше живет какой-нибудь вид животных в быстро изменяющихся жизненных условиях, тем быстрее развивается его интеллект, отчасти благодаря тому, что к органам мыш-

ления предъявляются большие требования, отчасти потому, что индивиды с менее развитым интеллектом скорее гибнут.

И, наконец, у человека разум достигает такой степени развития, что он в состоянии создать себе искусственные органы — оружие и орудия, чтобы лучше закрепиться при данных условиях жизни. Но тем самым он одновременно создает для себя и новые условия жизни, к которым ему нужно приспособиться. Таким образом, развитие техники, являющееся результатом высокоразвитого интеллекта, со своей стороны становится стимулом дальнейшего его формирования.

Развитие техники есть также результат воли к жизни, но влечет за собой значительное ее видоизменение. Животное хочет жить так же, как оно жило до сих пор; большего оно не требует. Изобретение нового оружия или орудия дает возможность жить лучше, чем до настоящего времени, обеспечивает более обильную пищу, больший досуг, большую безопасность или позволяет, наконец, удовлетворить новые, до сих пор неизвестные, потребности. Чем больше развивается техника, тем более воля к жизни превращается в волю к лучшей жизни.

Эта воля характеризует культурного человека.

Но техника изменяет не только отношение человека к природе, но и отношение человека к человеку.

Человек относится к общественным животным, жизненные условия которых не дозволяют им жить изолированно, а требуют обязательного объединения в общество. Воля к жизни приобретает здесь форму воли жить с членами общества и для них. Развитие техники преобразует, попутно с прочими жизненными условиями, также и условия коллективной совместной жизни и деятельности в обществе, прежде всего тем, что оно предоставляет человеку органы, существующие отдельно от его тела. Естественными орудиями и естественным оружием, — ногтями, зубами, рогами и т. п., одинаково обладают все индивиды одинакового возраста и пола, принадлежащие к одному и тому же виду. Напротив, искусственные орудия и искусственное оружие могут находиться в распоряжении только отдельных лиц и не предоставляться всем остальным. Те люди, которые одни только владеют подобными орудиями и оружием, живут в иных условиях, нежели те, которые их лишены. Так образуются различные классы

и у каждого из них воля к жизни принимает разные формы.

Капиталист, например, не может существовать в условиях, в которых он живет, если он не добивается прибылей. Воля к жизни побуждает его получать прибыли, а воля к лучшей жизни — стремиться к приумножению прибылей. Уже одно это заставляет его увеличивать свой капитал; в том же направлении, но с еще большей силой действует конкурентная борьба, угрожающая ему гибелью, в том случае, если он не сможет постоянно увеличивать свой капитал. Концентрация капитала не представляет со-, бой автоматического процесса, протекающего помимо воли и сознания причастных к нему лиц. Она была бы совершенно невозможна без сильной воли капиталистов к богатству и к победе над своими более слабыми конкурентами. Помимо их воли и сознания совершается лишь тот факт, что, в результате таких желаний и стремлений, создаются условия социалистического производства. Этого капиталисты безусловно не хотят. Но отсюда не следует, что из экономического процесса исключается воля людей и «огромная роль творческой личности».

Та же воля к жизни, что воодушевляет капиталистов, проявляется и у рабочих. Но в связи с различием в условиях жизни она принимает у них иные формы. Рабочие стремятся не к прибылям, а к продаже своей рабочей силы, к высоким ценам на рабочую силу и низким на продукты питания; отсюда проистекает их стремление к организации кооперативов и профессиональных союзов, к законам об охране труда, отсюда вытекает, наконец, наряду с тенденцией к конкуренции капитала, вторая тенденция, которую называют вращением в социализм. Но и в данном случае это не означает того бессознательного процесса, совершающегося помимо воли людей, который обычно подразумевается под словом «вращение».

Наконец, говоря об общественном процессе, необходимо принять во внимание еще одну особенность воли к жизни. При определенных условиях воля к жизни индивидуума или общества может проявляться только в результате преодоления воли к жизни других индивидуумов. Хищный зверь может жить только уничтожая других зверей. Но зачастую его воля к жизни требует также вытеснения представителей одного с ним вида, которые оспаривают у него добычу или уменьшают приходящуюся

на его долю пищу. Это вытеснение требует не уничтожения соперников, а подчинения себе их воли в результате превосходства силы мускулов или нервов.

И у людей дело доходит до подобных конфликтов, но преимущественно не между отдельными индивидуумами, а между целыми коллективами из-за средств к существованию, начиная от участков для охоты и рыбной ловли, и кончая рынками и колониями. Такие конфликты завершаются обычно либо уничтожением одной из сторон, либо, и это бывает чаще, воля одной из сторон оказывается сломленной или подчиненной, что всегда представляет собой только преходящее явление. Но, наряду с этим, человек постоянно подавляет волю других людей, поддерживая длительные отношения эксплуатации.

Классовые противоречия представляют собой противоречия волевых стремлений. Воля к жизни капиталистов всегда сталкивается с условиями, которые побуждают их сломить и подчинить себе волю рабочих. Без такого подавления воли не было бы никаких капиталистических прибылей, не могли бы существовать капиталисты. А воля рабочих к жизни побуждает их, в свою очередь, восставать против воли капиталистов. Отсюда — классовая борьба.

Итак, мы видим, что воля является движущей силой всего экономического процесса. Она образует его исходную точку; волей проникнуто любое его проявление. Нот ничего более абсурдного, чем видеть в воле и экономике два независимых друг от друга фактора. За этим скрывается фетишистское воззрение, смешивающее экономику, т. е. формы общественного сотрудничества людей и их деятельности, направленной друг против друга, с материальными предметами этой деятельности, т. е. сырьем и орудиями, воззрение, полагающее, что так же, как человек использует сырье и орудия, чтобы производить по своему усмотрению определенные предметы, так и «творческая личность» со свободной волей использует экономику, чтобы «так или иначе», в зависимости от своих потребностей создавать определенные общественные условия. Экономист-фетишист считает, что поскольку рабочий стоит вне орудий и сырья, а над ними, и управляет ими, то человек находится вне экономики, над ней и управляет ею, руководствуясь своей свободной волей. И из того факта, что сырье и орудия не обладают ни волей, ни созна-

нием, он заключает, что в экономике все происходит автоматически, без участия воли и сознания.

Более забавной ошибки и не придумаешь.

Экономическая необходимость не означает безволия. Она вытекает из необходимости воли к жизни у живых существ и неизбежности для них использовать при этом жизненные условия, в которые они попадают. Это — необходимость определенного волевого устремления.

Таким образом, нет более ошибочного мнения, будто познание экономической необходимости означает ослабление воли; будто ее нужно еще пробудить в рабочих, используя для этого биографии генералов и других волевых личностей и доклады о свободе воли. Если людям внушать, что что-то существует, то оно и впрямь начнет существовать и станет их достоянием. Тот, кто уверует в свободу воли, приобретет тем самым волю и притом свободную! Полюбуйтесь-ка на наших профессоров и прочих буржуазных интеллигентов, какой избыток непреклонной воли они приобрели, пройдя, с одной стороны, школу Канта, а с другой — школу преклонения перед сильными волей Гогенцоллернами.

Если бы первооснова всякой экономической необходимости — воля к жизни не проявлялась в рабочих с особой силой, если бы эту волю нужно было пробуждать в них искусственным путем, тогда все наши стремления были бы напрасны.

Но мы отнюдь не хотим сказать этим, что воля человека не связана с его сознанием и не определяется последним. Сила воли к жизни не зависит, разумеется, от нашего сознания, но зато сознание определяет *формы*, которые принимает эта воля в том или ином случае, и силу, которую расходует воля на каждую из этих форм в отдельности. Мы уже убедились, что наряду с инстинктом, волей руководит также и сознание, и формы воли зависят от того, как и в какой мере сознание познает жизненные условия. Поскольку различные индивидуумы обладают различной способностью познания, то их одинаковая воля к жизни может по-разному реагировать даже на одинаковые условия жизни; именно это различие и создает видимость свободы воли, вызывает впечатление, что характер желаний индивидуума зависит не от его условий жизни, а от его воли.

Не назидательными легендами и умозрительными

рассуждениями о свободе воли, а лишь более глубоким раскрытием общественных условий можно оказывать воздействие в интересах пролетариата на формы его воли и энергию, которую он расходует на каждую из этих форм.

Воля к жизни является тем фактом, из которого мы должны исходить и который должны рассматривать как заранее нам данный. Формы, принимаемые ею, и интенсивность ее проявления, зависят у отдельных индивидуумов, классов, наций и т. д. от познания ими данных условий жизни; там, где эти условия порождают у двух классов противоречащую друг другу волю, они представляют собой одновременно и *условия борьбы*. Здесь мы рассмотрим только условия борьбы. Воля как желание борьбы определяется: 1) ценой борьбы, которая привлекает борющихся; 2) чувством силы и 3) действительной силой.

Чем выше награда за борьбу, тем сильнее воля, тем больше дерзание, тем с большей энергией борцы напрягают свои силы, чтобы завоевать эту награду. Но это относится лишь к тем случаям, когда есть уверенность в наличии сил и способностей, необходимых для завоевания награды. Если же необходимая вера в свои силы отсутствует, то как бы ни была заманчива цель борьбы, она пробудит не волю, а лишь желание, тоску, которая может быть очень сильной, но не породит никакого действия и будет практически совершенно бесполезна.

Точно так же бесполезно и чувство силы, если оно основано на пустых иллюзиях, а не на действительном знании как своих собственных сил, так и сил противника. Сила без ощущения силы остается мертвой, не порождает целевых устремлений. Чувство силы без наличия силы может при известных обстоятельствах привести к действиям, которые захватят врасплох или запугают противника, сломят или парализуют его волю. Но длительных успехов без действительной силы добиться нельзя. Успехи, достигнутые не действительной силой, а только благодаря тому, что противник введен в заблуждение относительно своих собственных сил, должны неминуемо, рано или поздно, потерпеть полный крах и повлечь за собой тем больший упадок духа, чем более блестящи были первые успехи.

Если применить все сказанное к классовой борьбе пролетариата, то становится ясным, каковы задачи тех, кто хочет привлечь пролетариат к совместной борьбе и способствовать его успехам, и станет понятным, какое воздействие на него оказывает социал-демократия. Нашей первой и важнейшей задачей является умножение сил пролетариата. Мы, разумеется, не можем увеличивать их по своему усмотрению. Силы пролетариата при каждом данном состоянии капиталистического общества определяются экономическим положением общества и не могут быть произвольно увеличены. Но действие имеющихся сил может быть усилено путем противодействия их нецелесообразному расходованию. В природе бессознательные процессы есть не что иное, как бесконечное расточение сил, если рассматривать их с точки зрения наших целей. Ведь природа не имеет цели, которой бы она служила. Сознательное желание человека не только ставит перед ним цели, но показывает ему также пути для их достижения с минимальной затратой сил, без излишнего их расходования.

Это относится и к классовой борьбе пролетариата. Разумеется, с самого начала она развивается не помимо сознания ее участников; но сознательная воля охватывает при этом только ближайшие их личные потребности. Вытекающие из классовой борьбы общественные преобразования остаются вначале скрытыми от борющихся. Поэтому, классовая борьба, как *общественный процесс*, долгое время остается бессознательным процессом и, в качестве такового, отличается тем излишним расходованием сил, которое присуще всем бессознательным процессам. Только *познание* общественного процесса, его тенденций и целей может положить конец этому расточительству, сконцентрировать силы пролетариата, сосредоточить их в крупных организациях, объединенных великими целями и планомерно подчиняющих личные действия и действия, диктуемые моментом, постоянным классовым интересам, которые, в свою очередь, служат делу общественного развития в целом.

Иными словами, теория является фактором, способствующим максимально возможному развертыванию сил пролетариата, так как учит целесообразно применять эти обусловленные экономическим развитием силы и противодействует их бесцельному расточению.

Но теория не только увеличивает действительную силу пролетариата, но и повышает сознание им своей силы. И это не менее необходимо.

Мы видели, что воля определяется не только сознанием, но также привычками и инстинктами. Условия, постоянно повторяющиеся в течение десятилетий и даже столетий, порождают привычки и инстинкты, которые продолжают еще действовать и после того, как исчезнет их материальная основа. Класс, господствовавший прежде благодаря превосходству своих сил, давно уже мог ослабеть, а эксплуатируемый им класс, прежде слабый и потому подчинявшийся эксплуататорскому классу, за это время мог стать сильным. Но утвердившееся ранее у обеих сторон сознание своих сил долго еще продолжает действовать, пока, наконец, не наступает испытание сил, например, война, вскрывающая всю слабость правящего класса. Тогда угнетаемый класс внезапно сознает свою силу и дело доходит до революции и неожиданной катастрофы.

Точно так же и у пролетариата долго еще продолжает сохраняться чувство его первоначальной слабости и вера и непобедимость капитала.

Капиталистический способ производства возник в период, когда массы пролетариев были беспомощными, лишенными крова и представляли для общества паразитический и совершенно ненужный элемент. Капиталист, который брал их к себе на службу, был их спасителем, «кормильцем» или «работодателем», как сейчас принято говорить, хотя это звучит не намного лучше. Воля к жизни пролетариев вынуждала их продавать себя. Другой возможности к существованию, кроме этой, они не видели, так же как не видели и возможности оказать капиталисту сопротивление. Но положение стало постепенно изменяться. Из надоедливых нищих, которым дают работу из шалости, пролетарии превращаются в рабочий класс, за счет которого живет общество; напротив того, личность капиталиста становится все более излишней для дальнейшего развития производства, о чем наглядно свидетельствуют акционерные общества и тресты. Отношения найма все больше превращаются из экономической необходимости в простое соотношение сил, поддерживаемое властью государства. А пролетариат становится самым многочисленным классом в государстве, так же как и в армии, на которую опирается государственная власть.

В государстве с высокоразвитой промышленностью, например, в Германии или Англии, он, пожалуй, и сейчас уже обладал бы достаточной силой для завоевания государственной власти, а экономические условия позволили бы ему использовать государственную власть для вытеснения капиталистического производства и замены его общественным.

Но пролетариату не хватает сознания своей силы. Только отдельные его слои обладают этим сознанием, в целом оно у пролетариата отсутствует. Социал-демократия делает все возможное, чтобы внушить ему это сознание. В этих целях она использует не только просвещение масс в области теории, но и другие средства. Для формирования классового сознания практика всегда эффективнее всей теории вместе взятой. Своими успехами в борьбе с противником социал-демократия наиболее наглядно демонстрирует пролетариату его мощь и наиболее эффективно развивает в нем чувство силы. Однако этими успехами она опять же обязана тому, что руководствуется теорией, которая позволяет сознательной, организованной части пролетариата расходовать в любой момент максимум имеющихся в его распоряжении сил.

Стимулом, породившим и развившим профессиональное движение за пределами англо-саксонских стран, была теория социал-демократии.

Наряду с этими успехами значительному росту чувства силы и самой силы пролетариата содействовала успешная борьба за парламенты и в парламентах. Это объясняется не только материальными выгодами, выпавшими на долю отдельных слоев пролетариата, но, главным образом, тем, что неимущие, запуганные до сего времени и потерявшие надежду народные массы увидели проявление новой силы, которая смело поднялась на борьбу со всеми, кто стоит у власти, одерживала победу за победой, являясь при этом не чем иным, как организацией самих же неимущих.

Вот почему такое большое значение приобретает празднование Первого мая, борьба в период предвыборной кампании, а также борьба за избирательные права. Не всегда эта борьба приносит пролетариату значительные материальные преимущества; зачастую они и в сравнения не идут с понесенными жертвами, и все же там, где борьба заканчивается победой, она всегда влечет за собой

огромный рост активных сил пролетариата, так как заметно укрепляет в нем чувство силы и умножает тем самым энергию и его волю в классовой борьбе.

Наши противники ничего так не боятся, как роста того чувства силы. Они знают, что гигант не опасен для них до тех пор, пока он не осознает своей силы. Главной их заботой является подавление в нем чувства силы; даже материальные уступки им менее ненавистны, чем моральные победы рабочего класса, поднимающие его самосознание. Поэтому они зачастую гораздо энергичнее борются за единоличную, неограниченную власть на фабрике, за власть «хозяина в своем собственном доме», чем против повышения заработной платы; поэтому они крайне враждебно относятся к прекращению работ в день первомайского праздника и стремятся задушить всеобщее и равное избирательное право повсюду, где оно превратилось в средство наглядной демонстрации народу победоносного и неудержимого поступательного движения социал-демократии. Это их стремление вызвано не боязнью социал-демократического большинства, — в этом отношении можно было бы спокойно переждать еще не одни выборы, — а боязнью, что постоянные победы социал-демократии на выборах внушат пролетариату такое чувство силы и настолько запугают его противников, что он станет непобедимым, а средства государственной власти окажутся недейственными и соотношение сил в государстве полностью изменится.

Поэтому мы должны быть готовы к тому, что наша ближайшая крупная победа на выборах вызовет наступление на существующую систему выборов в рейхстаг, чем я отнюдь не хочу сказать, что это наступление окажется успешным. Скорее всего оно развяжет борьбу, которая, в конце концов, нанесет сильным мира сего еще более тяжелые и опасные поражения, чем наши победы на выборах.

Разумеется, наша партия имеет на своем счету не только победы, но и поражения. Однако эти поражения будут наводить на нас тем меньшее уныние, чем больше мы приучим себя к преодолению локальной ограниченности и ограниченности во времени и будем рассматривать наше движение во всей его совокупности у всех народов, на протяжении жизни двух поколений. Неудержимое и быстрое продвижение вперед всего пролетариата в целом, несмотря на отдельные очень тяжелые поражения, станет

тогда настолько очевидным, что ничто не сможет сломить нашей уверенности в победе.

Но чем больше мы пытаемся рассматривать наши поединки в связи со всем общественным развитием в целом, тем отчетливее и значительнее встает перед нами конечная цель всех наших стремлений,— освобождение рабочего класса, а тем самым и всего человечества от какого бы то ни было классового господства; тем более благородной представляется наша мелкая повседневная работа, которую непрерывно и неизбежно навязывает пролетариату его воля к жизни; тем в большей степени стремление к великой конечной цели максимально напрягает волю пролетариата, порождая революционную страсть, которая представляет собой не безрассудное возбуждение, вызванное неожиданностью происходящего, а продукт ясного познания.

Именно таким путем социал-демократия воздействовала до сего времени на волю пролетариата и добилась столь блестящих результатов, что не имеет ни малейших оснований для изменения своей тактики.

5. НИ РЕВОЛЮЦИЯ, НИ ЗАКОННОСТЬ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

С одной стороны, нас, марксистов, упрекают в том, что мы исключаем из политики волю и превращаем ее в автоматический процесс. Но, с другой стороны, те же критики утверждают совершенно противоположное,— будто наши желания для нас выше, чем познание действительности. Будто познание действительности должно было бы убедить нас в невозможности какой бы то ни было революции. Мы же из единого лишь фанатизма цепляемся за идею революции и упиваемся ею. Будто мы стремимся любой ценой к политической революции ради самой революции, даже тогда, когда можем добиться больших успехов, используя существующие законные основы.

Между прочим, меня пытаются противопоставить *Фридриху Энгельсу*, который, как утверждают некоторые в свое время был также очень революционно настроен, но незадолго до своей смерти облагоразумился, осознал и более того, признал необоснованность своей революционной точки зрения. Действительно, в 1895 г. Энгельс в своем известном

предисловии к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» указал, насколько сильно по сравнению с 1848 г. изменились условия революционной борьбы. Для того, чтобы победить, говорит он, нам нужно повести за собой широкие массы, которые «поняли, что нужно делать», и мы, «революционеры», «разрушители», гораздо больше преуспели бы с помощью законных средств, чем с помощью незаконных средств и переворота. Но не надо забывать, что Энгельс имел в виду только сложившуюся и то время ситуацию. Тот, кто хочет правильно понять эти слова Энгельса, должен сравнить их с тем, что сказано в письмах Энгельса, на которые я ссылался недавно к «Новом времени» (XXVII, 1, стр. 7). Из этих писем видно, что Энгельс энергично выступал против попыток изобразить его «мирным поклонником законности во что бы то ни стало». По этому поводу я писал в «Новом времени» следующее:

«Введение» к «Классовой борьбе» Маркса датировано 6 марта 1895 г.²⁸ Спустя несколько недель книга вышла » свет. Я просил Энгельса разрешить мне напечатать в «Новом времени» это «Введение» до опубликования его и книге.

На это он ответил мне 25 марта:

«На твою телеграмму сейчас же ответил: «С удовольствием». Посылаю бандеролью текст в корректуре, под заглавием: Ф. Энгельс. «Введение к новому изданию «Классовой борьбы во Франции в 1848—1850 гг.» Маркса». Что содержание является перепечаткой старых статей из «Обозрения Новой Рейнской газеты»²⁹, сказано в тексте. *Мой* текст несколько пострадал из-за нерешительности наших берлинских друзей, опасавшихся законопроекта против попыток ниспровержения существующего строя,— нерешительности, с которой мне при данных обстоятельствах все же пришлось считаться».

Чтобы понять это, необходимо вспомнить, что так называемый законопроект против попыток ниспровержения существующего строя, предлагающий значительно усилить строгость существующих законов, с тем чтобы затруднить социалистическую пропаганду, был внесен 5 декабря 1894 г. в германский рейхстаг и передан 14 января в комиссию, где он обсуждался более 3 месяцев (до 25 апреля). Именно в это время Энгельс и написал свое введение».

Насколько серьезным Энгельс считал создавшееся положение, показывает другое место этого же письма, где он писал:

«Я считаю, что в Австрии совершенно обеспечена избирательная реформа, которая приведет нас в парламент, если только не начнется внезапно период всеобщей реакции. В Берлине этого, по-видимому, изо всех сил добиваются, но берлинцы, увы, сами никогда не знают, чего хотят».

Еще раньше, 3 января, перед тем, как начать работу над «Введением», Энгельс писал мне:

«Вам предстоит, по-видимому, очень оживленный год в Германии. Если г. фон Келлер³⁰ и дальше так будет действовать, то возможно все: конфликт, роспуск, октроирование, государственный переворот. Удовлетворятся, конечно, и меньшим. Юнкеры вполне довольствовались бы увеличением подачек, но чтобы этого добиться, им пришлось бы апеллировать к известной жажде личной власти и до некоторой степени потакать ей, причем в игру вмешались бы факторы сопротивления, а затем на сцену выступил бы случай, т. е. непредвиденное и не поддающееся учету. Чтобы обеспечить себе подачки, надо угрожать конфликтом, но еще шаг вперед — и первоначальная цель, подачка, превратится во второстепенную, корона встанет против рейхстага — согнуть или сломить! — и тут может начаться пляска. Я как раз читаю сейчас «Единоличное правление Карла I» Гардинера. Все иной раз до смешного совпадает с нынешней Германией. Например, доводы относительно неприкосновенности депутатов в связи с их деятельностью в парламенте. Революционный конфликт был бы неизбежен, если бы Германия была романской страной, а так «nix Gewisses weiss man nit», как говорил Жоллимейер» *.

Такой серьезной и чреватой конфликтами ситуацию Энгельс считал в то самое время, когда он, по утверждениям ревизионистов, возвещал, что наступила и навеки упрочилась эра безусловно законного и мирного развития, что эра революций уже позади.

Совершенно ясно, при такой оценке ситуации Энгельс избегал всего, что могло бы быть использовано противниками во вред партии; он безусловно оставался непреклон-

* Жоллимейер — дружеское прозвище К. Шорлеммера. Энгельс приводит его слова на местном диалекте. Смысл их: «Ничего нельзя знать определенно». *Ред.*

ным во всем, что касалось дела, но высказывался как можно более сдержанно.

Однако когда «Vorwarts» («Вперед») ³¹, очевидно с целью оказать благотворное влияние на комиссию, обсуждавшую законопроект против попыток ниспровержения существующего строя, опубликовал несколько отрывков из его «Введения», подав их таким образом, что они, вырванные из общего текста, произвели впечатление, которое, как утверждали впоследствии ревизионисты, было задумано Энгельсом, это вызвало его неистовый гнев. В письме от 1 апреля он писал:

«К моему величайшему изумлению, я нахожу сегодня в «Vorwarts» напечатанное *без моего ведома* извлечение из моего «Введения», которое обкорнали таким образом, что я предстаю в нем в виде миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало. Тем более хотел бы я, чтобы «Введение» целиком появилось в «Neue Zeit» и это позорное впечатление изгладилось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые — кто бы они ни были — предоставили ему эту возможность исказить мои взгляды...» *

Энгельс не подозревал, что пройдет немного времени и близкие друзья, которым надлежало бы в первую очередь оберегать его взгляды от искажений, придут к выводу, будто эта искаженная точка зрения принадлежала ему в действительности, а то, что казалось ему позорным, явилось самым блистательным подвигом его жизни, будто революционный борец окончил свой путь «в виде миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало».

Если этих выдержек недостаточно для определения точки зрения Энгельса на революцию, то можно сослаться еще на одну статью, опубликованную им в «Новом времени» в 1892 г., за несколько лет до «Введения» к «Классовой борьбе» Маркса, а именно на статью о «Социализме в Германии» ³², в которой он писал:

«Сколько раз требовала от нас буржуазия, чтобы мы навсегда отказались от применения революционных средств и оставались в легальных рамках, особенно теперь, когда пал исключительный закон и восстановлено равноправие для всех, даже для социалистов! К сожалению, мы

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 487. Ред.

не имеем возможности доставить господам буржуа это удовольствие, хотя и верно, что в данный момент не мы находимся в положении тех, кого «губит законность». Напротив, она так превосходно работает в нашу пользу, что мы были бы дураками, если бы нарушили ее, пока дело идет таким образом. Гораздо естественнее поставить вопрос, не нарушит ли именно буржуазия и ее правительство закон и право, чтобы раздавить нас силой? Подождем — увидим. А пока: «стреляйте, пожалуйста, первыми, господа буржуа!»

Без сомнения, они *будут* стрелять первыми. В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоест смотреть, сложа руки, на затопляющий все и вся прилив социализма; они прибегнут к беззаконию, к насильственным действиям. Что толку от этого? Насилием, можно задушить маленькую секту на ограниченном пространстве, но нет еще такой силы, которая была бы в состоянии истребить партию в два-три миллиона человек, разбросанную по целому обширному государству. Мимолетный перевес контрреволюционных сил в состоянии, быть может, замедлить на несколько лет торжество социализма, но лишь для того, чтобы затем оно стало еще полнее и решительнее» *.

Эта выдержка, так же как и соответствующие письма, должны быть приняты во внимание каждым, кто хочет правильно понять слова, взятые из «Введения» Энгельса о законности, при которой мы преуспеваем. Менее всего они означают отказ от идеи революции.

Но, разумеется, они означают решительный отказ от взгляда, будто нам следует все поставить на карту грядущей революции и будто эта революция должна повториться по образцу революций 1830 и 1848 гг. Тот, кто считает, что моя точка зрения здесь вступает в противоречие с точкой зрения Энгельса,— ошибается. В действительности я еще до «Введения» Энгельса в иной связи и в иной форме развил ту же мысль, которую мы находим у Энгельса.

В декабре 1893 г. в 12-ом томе «Нового времени» я опубликовал статью о «Социал-демократическом катехизисе», в которой подробно рассмотрел и вопрос о революции. Там говорится:

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 244—245. Ред.

«Мы — революционеры, причем не только в том смысле, в каком революционна паровая машина. Социальный переворот, к которому мы стремимся, может быть достигнут только путем политической революции, путем завоевания политической власти борющимся пролетариатом. И единственной государственной формой, при которой может быть осуществлен социализм, является республика, причем республика в самом общепринятом смысле этого слова, т. е. демократическая республика.

Социал-демократия — революционная партия, но не партия, устраивающая революции. Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты только путем революции, но мы знаем также, что не в наших силах осуществить эту революцию, так же как наши противники не в силах воспрепятствовать ей. Поэтому нам и в голову не приходит затевать или подготавливать революцию. И поскольку мы не можем по своему желанию устроить революцию, мы не можем ничего сказать и о том, когда, при каких обстоятельствах она наступит и в каких формах будет протекать. Мы знаем, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом не закончится до тех пор, пока пролетариат не завоюет всей политической власти, которую он использует для создания социалистического общества. Мы знаем, что эта классовая борьба должна все шириться и становиться все интенсивнее, что численность пролетариата и его моральная и экономическая сила все больше возрастают и что поэтому победа пролетариата и поражение капитализма неизбежны, но мы можем лишь смутно предугадывать, когда и как произойдут последние решающие сражения в этой социальной войне. Во всем этом нет ничего нового...

Поскольку мы ничего не знаем о решающих битвах этой социальной войны, мы, конечно, также не можем сказать ничего и о том, будут ли они кровопролитными, будет ли в них играть значительную роль физическая сила или же они будут решаться исключительно средствами экономического, законодательного и морального принуждения.

Однако имеются все основания полагать, что в революционных боях пролетариата последнего рода средства будут преобладать над физической, т. е. военной силой в большей мере, чем это имело место в революционной борьбе буржуазии.

Одной из причин, по которой грядущие революционные бои будут, очевидно, реже решаться военными средствами, является, как это уже нередко указывалось колоссальное превосходство вооружения современных правительственных армий над оружием, которым располагают «гражданские лица», превосходство, которое, как правило, заранее обрекает на неудачу всякое сопротивление гражданских лиц.

Зато революционные слои располагают в настоящее время лучшим оружием экономического, политического и морального сопротивления, чем в XVIII в. Исключение в этом отношении составляет только Россия.

Свобода коалиций, свобода печати и всеобщее избирательное право (а при известных условиях и всеобщая воинская повинность) представляют собой не только оружие обеспечивающее пролетариату в современных государствах преимущество по сравнению с классами, участвовавшими в революционных сражениях буржуазии; они проливают кроме того свет на соотношение сил отдельных партий и классов и на воодушевляющие их идеи, чего не было в период абсолютизма.

В те времена как господствующие, так и революционные классы блуждали в потемках. Так как не допускалось никаких проявлений оппозиции, то ни правительства, ни революционеры не знали своих сил. Каждой из сторон одинаково грозила опасность переоценки своих сил, пока она не померилась ими в борьбе с противником, или же их недооценки в результате первого же поражения, что приводило к отказу от борьбы. Очевидно, в этом кроется одна из основных причин, почему во времена революционной буржуазии одним ударом было подавлено столько путчей, одним ударом свергнуто столько правительств; очевидно, этим объясняется чередование революции с контрреволюцией.

Совсем иное положение, по крайней мере теперь, слов жилось в странах, располагающих до некоторой степени демократическими институтами. Эти институты называют предохранительным клапаном общества. Если этим хотят сказать, что в демократическом государстве пролетариат перестает быть революционным, что он удовлетворяется возможностью открыто выражать свое возмущение и говорить о своих страданиях и отказывается от политической и социальной революции, то такое название ошибочно.

Демократия не может устранить классовых противоречий капиталистического общества и предотвратить их неизбежный конечный результат — ниспровержение этого общества. Она может сделать только одно: предотвратить не революцию, а некоторые преждевременные бесперспективные попытки революций и сделать излишними некоторые революционные восстания. Демократия создает ясное представление о соотношении сил различных партий и классов; она не устраняет противоречий между ними и не отодвигает их конечных целей, но старается, с одной стороны, помешать поднимающимся классам браться за разрешение задач, которые им еще не под силу, а с другой стороны, заставить господствующие классы пойти на уступки, отказывать в которых они уже больше не в силах. Все это не изменяет направления, по которому происходит развитие, но делает ход развития более плавным, более спокойным. Поступательное движение пролетариата в государствах с более или менее демократическими учреждениями не характеризуется такими разительными победами, но и не отмечено такими крупными поражениями, как это было у буржуазии в ее революционный период. С момента пробуждения современного социал-демократического рабочего движения в 60-х годах европейский пролетариат потерпел только одно большое поражение — Парижскую Коммуну 1871 г. В то время Франция еще страдала от последствий империи, которая не предоставила народу подлинно демократических учреждений, французский пролетариат лишь в небольшой своей части проникся самосознанием, и восстание ему было навязано. Демократический пролетарский метод борьбы может показаться более скучным, нежели метод, применявшийся в революционную пору буржуазии; он, несомненно, менее драматичен и эффектен, но требует и гораздо меньшего числа жертв. Это, пожалуй, совершенно безразлично литературной братии, играющей в социализм ради спортивного интереса и получения увлекательного материала, но не безразлично тем, кто действительно должен вести борьбу*.

* «Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропроходящи, быстро достигают своего апогея, и обще-

Этот, так называемый мирный метод классовой борьбы, ограничивающийся невоенными средствами, парламентаризмом, забастовками, демонстрациями, прессой и тому подобными средствами воздействия, имеет в каждой стране тем большие перспективы на будущее, чем действеннее в ней демократические учреждения, чем шире политический и экономический кругозор народа и чем больше его выдержка.

При прочих равных условиях хладнокровие сохранит скорее тот из двух противников, который чувствует свое превосходство над другим. Напротив, тот, кто не верил в себя и в свое дело, слишком легко теряет спокойствие и выдержку.

Во всех современных культурных странах именно пролетариат является тем классом, который больше всего верит в себя и в свое дело. Для этого ему вовсе не надо» предаваться иллюзиям; ему достаточно изучить историю последнего поколения, чтобы понять, что он повсюду непрерывно движется вперед, и достаточно проследить современное развитие, чтобы убедиться в неизбежности своей победы. Поэтому не следует думать, что пролетариат в какой-либо из стран, где он достиг более высокого развития, легко потеряет свое спокойствие и свою выдержку и прибегнет к политике авантюризма. Ожидать этого имеется тем меньше оснований, чем выше уровень образования и кругозор рабочего класса и чем демократичнее государство.

Однако в отношении господствующих классов такой уверенности выразить нельзя. Они чувствуют и видят, что слабеют с каждым днем, они становятся все раздражительнее и трусливее, а поэтому постепенно теряют способность взвешивать свои поступки. Их настроение все больше и больше заставляет опасаться приступа бешенства, при котором, охваченные слепой яростью, они набросятся на противника, чтобы уничтожить его, не задумываясь о тех ранах, которые нанесут как обществу в целом, так и са-

ство охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, революции XIX века, постоянно критикуют сами себя...» и т. п. (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 8, стр. 122—123). При сравнении буржуазной революции с пролетарской Маркс в 1852 г., конечно, не мог еще учесть влияния демократических институтов на пролетарскую революцию.

мим себе, и не заботясь о тех ужасных опустошениях, которые они произведут.

Политическое положение пролетариата позволяет предполагать, что он будет стараться применять как можно дольше только лишь упомянутые выше «законные» методы. Опасность нарушения этой тенденции заложена прежде всего в нервозности господствующих классов.

Государственные деятели господствующих классов хотят обычно, чтобы такой приступ бешенства, причем по возможности не только одних господствующих классов, но и всей индифферентной массы, произошел как можно скорее, пока социал-демократия еще недостаточно сильна, чтобы оказать сопротивление. Это единственная оставшаяся у них возможность отсрочить хотя бы на несколько лет победу социал-демократии. Правда, они играют в этом случае «ва-банк», так как, если буржуазии не удастся подавить пролетариат, она раньше падет обессиленная и скорее наступит торжество социал-демократии. Но политики господствующих классов в большинстве своем дошли уже до такого состояния, что полагают, будто единственный для них выход — поставить все на карту. Из страха перед революцией они хотят спровоцировать гражданскую войну.

Социал-демократия, напротив, не имеет никаких оснований применять такую политику отчаяния; у нее есть (Корее все основания попытаться как можно дольше отсрочить приступ бешенства господствующих классов, если он уж неизбежен, с тем чтобы он произошел только тогда, когда пролетариат станет достаточно сильным для победы над беснующимся и его обуздания, чтобы этот приступ был последним, а опустошения, которые он принесет, и жертвы, которые он повлечет за собой, по возможности незначительными.

Поэтому социал-демократия должна избегать всего и даже бороться против всего, что может превратиться в бессмысленную провокацию господствующих классов, против всего, что может послужить для их государственных деятелей отправной точкой, чтобы привести буржуазию и ее приверженцев в состояние буйного социалистоненавистнического помешательства. Когда мы заявляем, что революции устраивать невозможно, когда считаем бессмысленным, даже пагубным, стремление затеять революцию, и когда соответственно этому и действуем, то делается это

не в угоду германским прокурорам, а в интересах борющегося пролетариата. И в этом отношении немецкая социал-демократия солидарна со всеми братскими партиями. Благодаря такой установке, государственным деятелям господствующих классов не удалось до сего времени достигнуть желательных для них результатов в борьбе с пролетариатом.

Несмотря на то, что политическое влияние социал-демократии еще сравнительно невелико, все же в современных государствах она представляет настолько большую силу, что буржуазные политики не могут не считаться с ней. Применение незначительных административных мер им ничего не дает; эти меры только озлобляют тех, кого затрагивают, не запугивая и не ослабляя их способности к борьбе. А всякая попытка проведения решающих мероприятий, которые сделали бы пролетариат неспособным к борьбе, грозит гражданской войной, которая, каков бы ни был ее исход, неизбежно несет с собой чудовищные опустошения. Это понятно сейчас каждому мало-мальски мыслящему человеку. И хотя буржуазные политики имеют все основания желать, чтобы социал-демократия была как можно скорее подвергнута такому испытанию сил, какое ей возможно еще не по плечу, буржуазные дельцы ничего и слышать не хотят об эксперименте, который может разорить любого из них, по крайней мере до тех пор, пока они еще в нормальном состоянии, пока их еще не охватил приступ бешенства. А уж тогда буржуа будет, конечно, способен на все, и чем сильнее его страх, тем отчаяннее будет он жаждать крови.

Интересы пролетариата требуют в настоящее время настойчивее, чем когда-либо, избегать всего, что могло бы бесцельно спровоцировать господствующие классы на применение политики силы. В соответствии с этим и действует социал-демократия.

Но существует течение, называющее себя пролетарским или социал-революционным, которое своей наиважнейшей задачей, наряду с борьбой против социал-демократии, считает провоцирование политики силы. То, о чем мечтают государственные деятели господствующих классов и что одно могло бы еще задержать триумфальное шествие пролетариата, стало главной целью представителей этого течения, которое пользуется явной благосклонностью Путткамера³³ и компании. Приверженцы этого

направления стараются не *ослабить*, а *разъярить* буржуазию.

Поражение Парижской Коммуны 1871 г. было, как мы уже указывали, последним крупным поражением пролетариата. С тех пор он, пользуясь описанным выше методом, непрерывно продвигался вперед в большинстве стран, правда медленнее, чем нам бы этого хотелось, но увереннее, чем какое бы то ни было из прежних революционных движений.

После 1871 г. пролетарское движение только в нескольких случаях терпело довольно крупные поражения, и каждый раз виной этому было вмешательство отдельных лиц, применявших средства, которые, пользуясь современной терминологией, могут быть названы *анархистскими*, и которые соответствуют проповедуемой подавляющим большинством современных анархистов тактике «пропаганды действием». Здесь можно указать, кстати, на вред, нанесенный анархистами «Интернационалу» и революционному восстанию в Испании в 1873 г.³⁴ Через пять лет после этого восстания разразился приступ всеобщего бешенства, вызванный покушениями Гедела и Нобилинга; без этих покушений Бисмарку едва ли удалось бы протащить закон против социалистов; этот закон ни в коем случае не применялся бы с такой строгостью, как в первые годы его существования; немецкому пролетариату удалось бы избежать огромных жертв, его триумфальное шествие не было бы задержано ни на одно мгновение.

Следующее поражение было нанесено рабочему движению в 1884 г. в Австрии, в результате мошенничества и зверств Каммереров, Штельмахеров и компании³⁵. Бурно поднимавшееся социалистическое движение было там разбито одним ударом без малейшего сопротивления, было задушено не властями, а всеобщей яростью населения, которое вину за действия этих анархистов свалило на социализм.

Другое поражение имело место в Америке в 1886 г. В то время там быстро и бурно развивалось рабочее движение. Оно шло вперед гигантскими шагами так стремительно, что некоторые наблюдатели уже считали возможным, что оно скоро опередит европейские движения и возглавит их. Весной 1886 г. рабочий класс Соединенных Штатов усиленно готовился к завоеванию 8-часового рабочего дня. Рабочие организации разрослись до колоссаль-

ных размеров. Стачки следовали одна за другой, рабочие были охвачены радостным воодушевлением, и социалисты, как везде впереди и как всегда полные рвения, забирали уже в свои руки руководство движением.

И тут, во время одного из происходивших тогда многочисленных столкновений между полицией и рабочими, 4 мая в Чикаго были брошены бомбы. До сих пор еще не установлено, кем это было сделано. Казненные по этому делу 11 ноября анархисты и их товарищи, приговоренные к длительным срокам тюремного заключения, стали жертвой судебного убийства. Но это выступление соответствовало тактике, постоянно проповедуемой анархистами. Оно привело в ярость всю буржуазию Америки, сбило с толку рабочих и дискредитировало социал-демократов, которых не умели, а часто и не хотели отличать от анархистов. Борьба за 8-часовой рабочий день закончилась поражением рабочих, рабочее движение потерпело крах, а значение социал-демократии было низведено до ничтожного. В настоящее время она очень медленно начинает вновь укреплять свои позиции в Соединенных Штатах.

Немногочисленные, но значительные удары, нанесенные рабочему движению за последние двадцать лет, были вызваны действиями самих анархистов или же действиями, продиктованными той тактикой, которую они усиленно проповедуют. Только поэтому стали возможны за кон против социалистов в Германии, чрезвычайное положение в Австрии, судебное убийство в Чикаго со всеми его последствиями...

Однако сейчас имеется меньше чем когда либо оснований ожидать, что анархизм снова где-нибудь овладеет массами.

Двумя основными причинами, сделавшими массы восприимчивыми к анархизму, были недостаточная широта их кругозора и охватившая их безнадежность, вызванная мнимой невозможностью добиться даже незначительных улучшений путем политической борьбы.

В первой половине 80-х годов, когда отмечалось массовое увлечение рабочих Австрии и Соединенных Штатов анархистскими лозунгами, в обеих странах наблюдалось необычайно быстрое нарастание рабочего движения, несмотря на почти полное отсутствие вождей. Рабочие батальоны состояли из одних только необученных рекрутов,

без опыта и без офицеров. К этому следует еще добавить наличие неоправданного неверия в возможность поколебать господство капитала политической борьбой. В Австрии рабочие не пользовались избирательным правом и у них не было никакой надежды получить его законным путем в ближайшее время. В Америке рабочие не надеялись покончить с государственной коррупцией политическими средствами борьбы *. И не только в этих двух, но и в других странах в начале 80-х годов в рабочем движении стали проявляться пессимистические настроения.

Теперь это повсюду изменилось к лучшему.

В Австрии успеху анархистов благоприятствовало еще одно обстоятельство: *массы потеряли доверие к социал-демократии*. Когда политические и экономические средства борьбы немецкого пролетариата — организации и пресса — стали жертвой закона против социалистов, анархизм, только появившийся в то время на арене, сумел втолковать рабочим Австрии, что партия, которой зажали рот, сложила оружие и отказалась от своих революционных принципов. Австрийские социал-демократы, вставшие на защиту своих немецких товарищей, достигли этим не реабилитации последних в глазах большинства австрийских рабочих, а своей собственной дискредитации. Прокурор, граф Ламецан, оказал анархистам, которые ему, конечно, были милее, услугу, презрительно заявив, что социал-демократы — это лишь «революционеры в домашнем халате».

* В одном из последних номеров органа нашей братской партии в Америке «Вперед» помещена выдержка из речи недавно освобожденного из тюрьмы Михаэля Шваба, который стал одной из жертв дела о бомбах в 1886 г. Он признал, что анархистская тактика ошибочна и безрассудна. Он объяснил также, почему анархизм мог получить распространение в 80-е годы в Чикаго: «Нужно как можно чаще повторять, что эта (анархистская) тактика распространилась в Чикаго лишь после того, как один из судей решил, что по отношению к коммунистам допускается подделка избирательных бюллетеней. Большинство из вас помнит выборы, на которых господин Франк Штаубер был вторично избран в государственный совет. Результаты выборов были самым наглым образом подделаны двумя инспекторами по выборам. Это было подтверждено под присягой полицейскими и другими свидетелями, а во время заключительного заседания, которое по возможности оттягивали, одним признанием обвиняемых. И судья оправдал фальсификаторов! Возмущение среди рабочих было всеобщим, они больше и слышать не хотели о методах, которых ранее придерживались. С тех пор многие у нас поняли, что в политике нельзя руководствоваться одними только чувствами».

И теперь еще анархисты усердно пытаются доказать рабочим, что социал-демократы — это революционеры в домашнем халате. До сего времени им это не удавалось. Но если бы в Германии когда-либо оказалось возможным возникновение значительного анархистского движения, то это случилось бы не в результате агитации «независимых»³⁶, а в результате наступления господствующих классов, которое вызвало бы в рабочих массах ощущение безнадежности и воспрепятствовало бы укреплению их самосознания, или же в результате прозвучавших из нашей среды заявлений, которые создавали бы впечатление, что мы отрекаемся от своих революционных принципов. Чем «умереннее» мы станем, тем больше воды будем лить на мельницу анархистов и, таким образом, содействовать именно тому движению, которое ставит своей основной целью замену цивилизованных форм борьбы ее наиболее жестокими формами. Можно сказать, что в настоящее время только одно обстоятельство могло бы побудить пролетарские массы к добровольному отказу от изложенных выше «мирных» методов борьбы, а именно: потеря веры в революционный характер нашей партии. Слишком большим миролюбием мы можем только нанести вред мирному развитию.

Нет необходимости пояснять, какие беды могло бы причинить вообще любое стремление к примирению. Враждебное отношение власть имущих этим не было бы смягчено, а верных друзей таким путем тоже не приобретешь. Но в наши собственные ряды это внесло бы замешательство, пассивные стали бы еще пассивнее, а энергичных оттолкнуло бы.

Движущей силой наших успехов является революционный энтузиазм. В будущем он нам понадобится более чем когда-либо, так как самое трудное у нас еще впереди, еще не пройдено нами. Тем отрицательнее будет сказываться все, что способно ослабить эту силу.

Но современная ситуация опасна тем, что нас легко признать более «умеренными», чем мы есть на самом деле. Чем сильнее мы становимся, тем больше выступают на передний план практические задачи, тем шире нам необходимо вести нашу агитацию, не ограничиваясь промышленным пролетариатом, тем больше нам следует остерегаться ненужных провокаций, а главным образом пустых угроз. При этом очень трудно соблюдать нужную меру,

воздавать должное настоящему, не упуская из виду будущего, учитывать психологию крестьянства и мелкой буржуазии, не отказываясь от пролетарской точки зрения, по возможности избегать всякого вызова и все же довести до общего сознания, что мы являемся партией борьбы, непримиримой борьбы против всего существующего общественного строя».

Все это говорилось в статье, написанной в 1893 г. И здесь мы снова находим сбывшееся позднее предсказание. То, чего я опасался в 1893 г., произошло спустя несколько лет. Во Франции наши товарищи временно стали правительственной партией. У масс создано впечатление, что социал-демократия отрекается от своих революционных принципов, они потеряли доверие к партии, и поэтому немалая часть их увлеклась новейшей разновидностью анархизма, *синдикализмом*, который также как и старый анархизм, пропагандировавший действие, не столько стремится усилить пролетариат, сколько напрасно запугать буржуазию, привести ее в бешенство и несвоевременно спровоцировать такое испытание сил, которое пролетариату в данных условиях еще не по плечу.

Из числа социалистов Франции именно революционные марксисты наиболее решительно выступают против подобной деятельности. Они борются с синдикализмом также энергично, как с министриализмом, считая их одинаково вредными.

Революционные марксисты и по сей день еще придерживаются той точки зрения, которая была развита Энгельсом и мной в цитированных выше статьях 1892—1895 гг.

Мы не сторонники законности во что бы то ни стало, также как и не революционеры во что бы то ни стало. Мы знаем, что не можем создавать исторические ситуации по своему усмотрению, что наша тактика должна согласовываться с ними.

В начале 90-х годов я признал, что в сложившейся в то время ситуации дальнейшее спокойное развитие пролетарских организаций и пролетарской классовой борьбы на существующей государственной основе дальше всего продвинет вперед дело пролетариата. Поэтому меня нельзя упрекнуть в чрезмерном увлечении революцией и радикализмом, если в результате изучения современного положения я прихожу к выводу, что обстоятельства с начала

90-х годов коренным образом изменились и у нас есть все основания считать, что мы вступили теперь в период борьбы за государственные учреждения и государственную власть, борьбы, которая может тянуться десятилетиями с переменным успехом, формы и продолжительность которой пока еще нельзя установить, но которая, по всей вероятности, уже в недалеком будущем приведет к значительному усилению пролетариата, если не к диктатуре его в Западной Европе.

Основания для подобной точки зрения будут вкратце изложены мною ниже.

6. РОСТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Мы уже видели, что марксисты показали себя в общем не такими уж плохими пророками, как их любят изображать, но что все же некоторые из них до сих пор всегда ошибались в *одном*, а именно в определении момента наступления великих революционных битв и значительных политических сдвигов в пользу пролетариата.

Каковы же причины, позволяющие нам предполагать, что теперь приближается, наконец, долгожданный момент, когда будет сломлен лед политического застоя и вновь начнется жизнь, преисполненная радости борьбы, начнется победоносное продвижение по пути к политической власти?

В уже упомянутом «Введении» к «Классовой борьбе» Маркса, Энгельс справедливо указал, что великие революционные битвы в условиях нашего времени могут быть выиграны только широкими народными массами, которые знают, что им надо делать. Прошли времена, когда ничтожное меньшинство могло свергнуть государственную власть путем неожиданных и энергичных действий и поставить на ее место другую.

Это было возможно в централизованных государствах, где вся политическая жизнь была сконцентрирована в столице, господствовавшей над всей страной, где в деревнях и небольших городах, совершенно не связанных друг с другом, не было и следа политической жизни. Тот, кому удавалось парализовать армию и бюрократию столицы, или же привлечь их на свою сторону, мог захватить государственную власть, и если общая ситуация требо-

вала социальной революции, то и действовать в этом направлении.

В наше время, в век железных дорог и телеграфа, газет и собраний, магазинных винтовок и пулеметов, в век, когда создано множество промышленных центров, меньшинство не в состоянии парализовать армию в столице, если только она не была уже ранее полностью дезорганизована; точно также совершенно невозможно вести политическую борьбу только лишь в столице. Политической жизнью живет теперь вся нация в целом.

Там, где сложилась подобная обстановка, крупных политических потрясений, способных подорвать враждебный народу режим, можно ожидать только в том случае, если налицо следующие условия:

1) Режим должен быть решительно враждебен народным массам.

2) Должна существовать крупная партия, находящаяся в непримиримой оппозиции к этому режиму и поддерживаемая организованными массами.

3) Эта партия должна представлять интересы огромного большинства населения и пользоваться его доверием.

4) Доверие к господствующему режиму, вера в его силу и устойчивость должны быть поколеблены у самих орудий его — бюрократии и армии.

На протяжении последних десятилетий, по крайней мере в Западной Европе, нигде не создавалось такого положения, при котором существовали бы одновременно все эти условия. Долгое время пролетариат не составлял большинства населения, а социал-демократия не была самой сильной партией. И если мы в течение прошедших десятилетий ожидали скорого начала революции, то рассчитывали при этом не только на пролетариат, но и на мелкобуржуазную демократию, как на революционную массовую партию, и на стоящие за ней массы мелкой буржуазии и крестьянства. Однако буржуазная демократия никак не оправдала этих ожиданий. В настоящее время она не представляет собой в Германии даже оппозиционной партии.

С другой стороны, начиная с 1870 г., в крупных государствах Европы, исключая Россию, прекратилось существовавшее там неустойчивое состояние. Правительства укрепились, они стали сильнее и устойчивее. И каждому из них удалось внушить своему народу уверенность в том, что оно представляет его интересы.

Таким образом, именно в первые десятилетия с момента возникновения постоянного и самостоятельного рабочего движения, т. е. начиная с 60-х годов прошлого века, возможность политической революции в течение некоторого времени продолжала уменьшаться, тогда как пролетариат все больше в ней нуждался и, исходя из опыта последних семидесяти лет, считал ее уже близкой.

Однако постепенно положение изменяется в пользу пролетариата. Растет *организация пролетариата*. Пожалуй, наиболее заметно это проявляется в Германии. За последние двенадцать лет этот рост происходит особенно быстро, и мы знаем, что число членов социал-демократической организации возросло до *полумиллиона*, а близких ей по духу профессиональных союзов до *двух миллионов*. Одновременно с этим укреплялась и их *пресса*, являющаяся не частным предприятием, а делом самой организации; политические ежедневные газеты увеличили свой тираж приблизительно до *одного миллиона* экземпляров; тираж периодических, в большинстве своем еженедельных, изданий профессиональных союзов возрос еще больше.

Такой организованной силы эксплуатируемых рабочих масс еще не знала история.

Преимущество эксплуататорских классов над эксплуатируемыми основывалось до сих пор в значительной мере на том, что эксплуататоры располагали организованными средствами государственной власти, в то время как эксплуатируемые классы почти совсем не были организованы, во всяком случае не были организованы в общегосударственном масштабе. Трудящиеся классы не могли, конечно, обойтись вообще без организации, но в древности, в средние века и до нового времени это были организации, объединявшие представителей отдельных узких *профессий* или же действовавшие в пределах отдельных *местностей*; это были *цеховые* или *коммунальные* организации, а также местные товарищества. В частности община могла при известных обстоятельствах служить мощным оплотом в борьбе против государственной власти,— нет ничего ошибочнее, чем без оговорок ставить знак равенства между общиной и государством и рассматривать их, как равноценные организации классового господства. Община *может* быть такой организацией и часто ею бы-

ваает, но она может также представлять интересы эксплуатируемых классов внутри государства, в том случае, если эти классы составляют большинство в общине и занимают в ней ведущее положение. За последние столетия эта функция общины проявилась наиболее ярко в *Парижской Коммуне*. Коммуна становилась подчас организацией низших классов общества.

Но в наше время ни одна община в одиночку не в силах отстаивать свою самостоятельность перед современной мощной державой и ее государственной властью. Тем большее значение приобретает объединение низших классов в крупные организации, охватывающие самые различные профессии в пределах всего государства.

Лучше всего это удалось в Германии. Во Франции, а также в Англии с ее старыми тред-юнионами, как профессиональные, так и политические организации еще очень раздроблены. Но как бы сильно ни росла пролетарская организация, она в обычное, не революционное время, никогда не сможет охватить все трудящиеся классы государства, а всегда будет объединять только избранную их часть, которой профессиональные и местные условия или индивидуальные особенности позволили подняться над общей массой. Напротив, в революционные периоды, когда даже самые слабые чувствуют себя способными к борьбе и жаждут борьбы, притягательная сила классовых организаций зависит лишь от численности тех классов, интересы которых они представляют.

В связи с этим интересно отметить, что наемные рабочие составляют в настоящее время в Германии не только большую часть *населения*, но и большую часть *избирателей*.

Точными данными относительно состава рабочего населения по переписи 1907 г. мы еще не располагаем; в нашем распоряжении имеется лишь цифровой материал переписи 1895 г. Если мы сравним эти цифры с данными о составе избирателей в 1893 г., то получим следующую картину:

В 1893 г. число *избирателей* достигло 10 628 292, а число мужчин, имеющих самостоятельный заработок, составляло в 1895 г. 15 506 482 чел. Если вычесть из этой цифры не достигших двадцатилетнего возраста, а также половину лиц в возрасте от 20 до 30 лет, то число мужчин избирательного возраста, имеющих самостоятельный зара-

боток, составит приблизительно 10 742 989. Это число почти совпадает с числом избирателей в 1893 г.

Среди мужчин, достигших избирательного возраста и занятых в сельском хозяйстве, промышленности и торговле (как установлено тем же методом расчета) было 4172 269 самостоятельных хозяев, 5 590 743 наемных рабочих и служащих. Но если учесть, что в промышленности и торговле из 3144 977 предприятий больше половины (1 714351) были карликовыми предприятиями, владельцы которых, в подавляющем большинстве случаев, по своим интересам близки к пролетариату, то не будет преувеличением считать, что в 1895 г. среди избирателей на 3,5 миллиона самостоятельных хозяев, заинтересованных в сохранении частной собственности на средства производства, приходилось более 6 миллионов пролетариев, заинтересованных в ликвидации этой частной собственности.

Можно считать, что и для всех остальных слоев населения, которые могут быть приняты во внимание, но не имеют особого значения, сохраняется подобное процентное соотношение; имеются в виду, например, «самостоятельные», не имеющие профессии, причем к этой категории относятся, с одной стороны, богатые капиталисты—рантье и, с другой стороны, бедняки, получающие пенсии по инвалидности и по старости.

Однако среди населения, имеющего самостоятельный заработок, преобладает пролетариат, причем в гораздо большей степени, чем среди избирателей, потому что возрастные группы, имеющие самостоятельный заработок и не пользующиеся избирательным правом, представлены почти исключительно пролетариатом.

Таким образом, в Германии насчитывалось:

Возраст	«Самостоятельных»	Рабочих и служащих
от 18 до 20 лет	42 711	1 335 016
» 20 » 30 »	613 045	3 935 592
в возрасте:		
от 30 до 40 лет	1 319 201	3 111 115
» 40 » 50 »	1 368 261	1 489 317
свыше 50 лет	2 102 814	1 648 085

Всего в 1895 г. в сельском хозяйстве, промышленности и торговле на 5 474 046 «самостоятельных» приходилось 13 438 377 рабочих и служащих. Если же вычесть из первой цифры еще и тех, кто работает на дому, и лиц, также считающих себя «самостоятельными», но по существу являющихся замаскированными пролетариями, то можно смело сказать, что уже в 1895 г. слои населения, заинтересованные в сохранении частной собственности на средства производства, составляли не многим более *одной четверти* населения, имеющего самостоятельный заработок, в то время как они все еще составляли добрую *треть* избирателей.

Тринадцать лет тому назад, в 1882 г., положение не было еще столь благоприятным. Если мы сравним данные профессиональной статистики 1882 г. с данными по выборам 1881 г. и произведем те же расчеты, что и для 1895 г., мы получим следующие результаты:

	Всего Избирателей	Избирателей «самостоятельных»	Избирателей рабочих
1882	9 090 381	3 947 192	4 744 021
1895	10 628 292	4 172 269	5 590 743
Прирост	1537 911	225 077	846 722

Число карликовых предприятий в 1882 г. было примерно равно числу их в 1895 г. и составляло 1877 872. Однако число непролетарских элементов среди «самостоятельных» было в 1882 г. безусловно еще выше чем в 1895 г. Следовательно, можно считать, что число избирателей, заинтересованных в частной собственности на средства производства, в 1882 г. было приблизительно таким как в 1895 г. и составляло около 3,5 миллиона, а число пролетарских элементов — приблизительно 5 миллионов. Таким образом, число сторонников частной собственности в период с 1882 по 1895 г. оставалось неизменным, а число ее противников среди избирателей увеличилось на *1 миллион*.

Еще больше возросло за этот же период число избирателей, голосовавших за социал-демократов, а именно с 311901 до 1780 989. Правда, в 1881 г. число голосов,

поданных за социал-демократов, было искусственно снижено законом против социалистов.

После 1895 г. развитие капитализма, конечно, продолжалось, а одновременно продолжался и рост пролетариата. Мы, к сожалению, не располагаем еще полными статистическими данными по Германии на 1907 г., которые могли бы подтвердить это.

По предварительным данным, число мужчин — самостоятельных хозяев, занятых в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, возросло с 1895 по 1907 г. на 33 084 чел., т. е. почти не увеличилось; а число мужчин — служащих и наемных рабочих, т. е. пролетариев, возросло на 2891 228 чел., т. е. почти в сто раз.

Таким образом, пролетарские элементы, которые уже в 1895 г. составляли большинство населения и избирателей, получили с тех пор огромный перевес.

Предположим, что в настоящее время процент избирателей мужчин из числа самостоятельных хозяев и рабочих остался таким же как в 1895 г.; тогда мы можем дополнить предыдущую таблицу следующим образом:

	Всего избирателей	Избирателей «самостоятельных»	Избирателей рабочих
1895	10 628 292	4 172 269	5 590 743
1907	13 352 900	4 202 903	7 275 944
Прирост	2 724 608	30634	1 685 201

Львиная доля прироста избирателей приходится на пролетариат, причем еще в большей степени, чем в период с 1882 по 1895 г.

Но для промышленного развития характерны также и данные последней переписи населения 1905 г.

Города, как правило, более благоприятствуют развитию политической жизни, организации пролетариата и распространению нашего учения, чем сельские местности. Поэтому большое значение приобретает тот факт, что численность сельского населения уменьшается по сравнению с численностью городского населения.

Приведенная ниже таблица показывает, с какой скоростью совершается этот процесс. Под сельским населением здесь следует понимать население общин, насчиты-

вающих менее 2000 жителей, под городским населением — население общин, насчитывающих не менее 2000 жителей. Итак:

Год	Сельское население		Городское население	
	абсолютн.	проц.	абсолютн.	проц.
1871	26 219 352	63,9	14 790 798	36,1
1880	26 513 531	58,6	18 720 530	41,4
1890	26 185 241	53,0	23 243 229	47,0
1900	25 734 103	45,7	30 633 075	54,3
1905	25 822 481	42,6	34 818 797	57,4

Таким образом, в течение 30 лет городское население увеличилось более чем *вдвое*, а сельское население уменьшилось не только относительно, но и *абсолютно*. В то время, как городское население увеличилось на *двадцать миллионов*, сельское население уменьшилось почти что на *один миллион*. К моменту основания Германской империи сельское население составляло еще почти *две трети* всего населения, а в настоящее время оно составляет лишь немногим больше *двух пятых* его.

Если рассматривать отдельные государства, входящие в империю, то опять же быстрее растет население тех государств, которые стоят на более высокой ступени экономического развития. Из всего населения империи в ее теперешних границах на отдельные государства приходится (в процентах):

	1816	1855	1871	1905
Пруссия	55,2	59,0	60,1	61,5
Саксония	4,8	5,6	6,2	7,4
Всего	60,0	64,6	66,3	68,9
Бавария	14,5	12,5	11,8	10,8
Вюртемберг	5,7	4,6	4,4	3,8
Баден	4,1	3,7	3,6	3,3
Гессен	2,3	2,2	2,1	2,0
Эльзас-Лотарингия	5,2	4,3	3,8	3,0
Всего	31,8	27,3	25,7	22,9

Итак, на территории, занимаемой теперь Пруссией и Саксонией, в 1816 г. проживало 60% населения того времени, а в 1905 г.— уже почти 70% всего населения. Напротив, на юге Германии в 1816 г. численность населения составляла более *половины* численности населения тех районов, которые в настоящее время принадлежат Пруссии и Саксонии, а в 1905 г.— только лишь *одну треть* его. На территории теперешней Пруссии и Саксонии в 1816 г. проживало 15 миллионов жителей, а в четырех южногерманских государствах вместе с Эльзас-Лотарингией — 8 миллионов человек. В 1905 г. в двух первых государствах было 42 миллиона жителей, а в остальных, перечисленных в таблице государствах — 14 миллионов жителей. Иными словами, в первых двух государствах численность населения почти что *утроилась*, а в остальных даже не *удвоилась*.

Таким образом, экономическое развитие всегда способствует росту революционных элементов в народе за счет консервативных элементов, а также закреплению их перевеса в государстве; под революционными элементами имеются в виду элементы, заинтересованные в изменении существующего ныне государственного строя и права собственности.

Но эти революционные элементы революционны первоначально только в *потенции*, а не в *действительности*. Они образуют резерв, откуда революция черпает своих рекрутов, но не все эти рекруты сразу же становятся «солдатами революции».

Вышедшие в большинстве своем из среды мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, многие пролетарии долгое время сохраняют родимые пятна этой среды; они не чувствуют себя пролетариями и жаждут владеть собственностью. Они копят деньги, чтобы приобрести клочок земли, открыть жалкую лавчонку, или карликовую мастерскую с двумя несчастными учениками и чувствовать себя «самостоятельными хозяевами». Некоторые уже потеряли надежду на это, или же поняли, какое жалкое существование им сулит такой путь, но чувствуют себя неспособными, да и не хотят бороться вместе со своими товарищами за лучшую жизнь. Они думают, что добьются большего, если предадут своих товарищей. Они становятся штрейкбрехерами или членами так называемых желтых профессиональных союзов. Есть и такие, которые стоят

уже на более высокой ступени и признают необходимость бороться со своими противниками — капиталистами, но не чувствуют еще в себе достаточной уверенности и силы для того, чтобы объявить войну всей капиталистической системе. Они ищут помощи у буржуазных партий и правительств.

Но даже среди тех, кто дошел до признания необходимости массовой борьбы пролетариата, еще не мало таких, которые не хотят выйти за рамки существующего общества, сомневаются в победе пролетариата или же совсем потеряли в нее веру.

Чем быстрее совершается экономическое развитие, а с ним и пролетаризация населения, чем большие толпы народа устремляются из деревни в город, с востока на запад, из рядов мелких собственников в ряды неимущих, тем многочисленнее в самом пролетариате элементы, не осознавшие еще значения социальной революции, более того, даже не понимающие классовых противоречий современного общества.

Превращение их в сторонников идеи социализма—необходимая, но в обычных условиях чрезвычайно трудная задача, требующая величайшей преданности и мудрости, задачу, которую, несмотря на все старания нельзя все же выполнить так быстро, как нам хотелось бы. Наш рекрутский резерв включает в настоящее время, пожалуй, *три четверти* населения, а может быть и того больше; число поданных за нас голосов не составляет и одной трети всех голосовавших,— оно равно *одной четверти* всех избирателей.

Однако темп движения вперед сразу становится очень быстрым, когда наступают времена революционного брожения. В такой период народные массы учатся с невообразимой быстротой и начинают ясно осознавать свои классовые интересы. С невероятной силой в них пробуждаются не только смелость и жажда борьбы, но и политические интересы, так как они начинают понимать, что наступил, наконец, момент, когда им можно вырваться из мрака к солнцу. В такое время даже самый ленивый становится активным, самый трусливый — смельчаком, а кругозор самого ограниченного расширяется. В такое время массы получают за несколько лет политическое воспитание, на которое в обычных условиях потребовалась бы жизнь нескольких поколений.

Если такая ситуация сложилась, если режим, раздираемый внутренними противоречиями, вот-вот должен рухнуть и если в самой нации имеется класс, заинтересованный в завоевании политического господства и обладающий необходимой для этого силой, тогда, для того чтобы повести поднявшийся класс к победе, нужна только партия, пользующаяся доверием этого класса, питающая непримиримую вражду к неустойчивому режиму и ясно представляющая себе создавшееся положение.

Такой партией издавна является социал-демократия. Налицо и революционный класс, который с некоторых пор составляет большинство нации. Но можно ли рассчитывать на моральное падение существующего режима?

7. СМЯГЧЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Энгельс, как мы уже указывали, заметил в 1885 г., что со времени французской революции, которая вместе со всеми ее последствиями продлилась с 1789 по 1815 г., все революции и крупные политические перевороты повторялись в Европе примерно через каждые 15—18 лет, а именно, в 1815, 1830, 1848-52, 1870-71 гг. Поэтому он предполагал, что в конце 80-х, начале 90-х годов произойдет следующая революция. И, действительно, в это время наступил политический перелом, пала система Бисмарка и оживились демократические и политические движения во всей Европе. Но подъем был незначительным и кратковременным; с тех пор прошло уже почти, два десятилетия, а настоящая революция, по крайней мере в Западной Европе, все еще не началась.

Чем это объясняется? Почему с 1789 по 1871 г. в Европе царило постоянное беспокойство и почему затем наступила стабилизация политической обстановки, сменившаяся в последнее время полным политическим застоєм?

В течение всей первой половины XIX в. до 1848 г. слои населения, имевшие важнейшее значение для экономической и духовной жизни того периода, нигде в Европе не были допущены к государственной власти, которая, будучи представительницей дворянства и духовенства, противостояла им иногда безучастно, а иногда откровенно враждебно. Раздробленность Германии и Ита-

лии на мелкие государства препятствовала какому бы то ни было экономическому подъему. В период с 1846 по 1870 г. обстановка сильно изменилась. В это время промышленный капитал одержал победу над землевладением, в первую очередь в Англии, где в 1846 г. были отменены пошлыны на хлеб и начался расцвет торговли; в других государствах, например, в Германии и Австрии, промышленный капитал добился по крайней мере равных прав с землевладением. Интеллигенция получила свободу печати и передвижения, а мелкая буржуазия и мелкое крестьянство — избирательное право. Национальное объединение Германии и Италии удовлетворило самые сокровенные чаяния народов этих стран. Правда, это произошло после поражения революции 1848 г. не в результате народного движения внутри этих государств, а вследствие внешних войн. Крымская война 1854—1856 гг.³⁷ уничтожила в России крепостное право и вынудила царское правительство считаться с промышленной буржуазией. В 1859, 1866 и 1870 гг. произошло объединение Италии, в 1866 и 1870 гг. — хотя и неполное — объединение Германии; в 1866 г. началась эра либерализма в Австрии, а в Германии были созданы предпосылки для введения всеобщего избирательного права, некоторой свободы печати и свободы коалиций. 1870 год завершил эти начинания и дал Франции демократическую республику. В Англии в 1867 г. была проведена избирательная реформа, предоставившая избирательное право верхушке рабочего класса и низшим слоям мелкой буржуазии, которые были лишены его до этого времени. Тем самым в Европе для всех классов, за исключением пролетариата, были созданы государственные основы, на которых они могли отныне строить свое существование. Они, хотя и не в полной мере, добились того, к чему неуклонно стремились, начиная с великой революции. Если и не все их желания были осуществлены, да и не могли быть осуществлены полностью из-за того, что интересы различных слоев имущих классов бывают довольно противоречивы, то слои, оставшиеся обделенными, не чувствовали себя достаточно сильными для борьбы за единовластие в государстве, а то, чего им недоставало, было не настолько значительным, чтобы пойти из-за этого на риск революции. В европейских странах революционным остался только один класс — *пролетариат*, причем в первую оче-

редь городской пролетариат. В нем продолжал еще жить революционный дух. Несмотря на то, что этот перелом в корне изменил политическую обстановку, пролетариат продолжал питать надежды, основанные на опыте периода 1789—1871 гг., т. е. почти целого столетия; на скорое наступление новой революции, конечно, еще не чисто пролетарской, а мелкобуржуазно-пролетарской, руководство которой, в силу своего возросшего значения, взял бы на себя пролетариат. Такую революцию ожидали не только некоторые «догматики-марксисты», вроде Энгельса и Бебеля, но и те из политиков-реалистов, которые не имели совершенно никакого отношения к марксизму, например, Бисмарк. Если он еще в 1878 г. считал необходимым принятие исключительных законов против социал-демократии, хотя она в то время не получила на выборах и полмиллиона голосов (т. е. менее 10 проц. всех голосовавших и менее 6 проц. общего числа избирателей), и если он уже тогда носился с безнадежной мыслью спровоцировать социал-демократию на уличные бои, пока она еще не получила перевеса, то это можно объяснить лишь тем, что он считал очень близким наступление пролетарско-мелкобуржуазной революции.

Недействительно, такая точка зрения подтверждалась рядом обстоятельств, не говоря уже об уроках прошлого столетия.

В 70-х годах в Европе разразился *экономический кризис* такой силы, продолжительности и размаха, какого она еще не переживала; он длился до второй половины 80-х годов. Обнищание пролетариата и мелкой буржуазии и уныние в кругах капиталистов, вызванные этим кризисом, были еще более обострены действием *конкуренции в области продовольственных товаров*, в первую очередь со стороны Америки и России, конкуренции, которая ставила под угрозу все товарное производство в сельском хозяйстве Западной Европы.

Всеобщая нищета крестьянства, ремесленников и пролетариев, все меньшая уверенность в своих силах у буржуазии, жесточайшее преследование социалистического движения — начиная с 1871 г. во Франции, с 1878 г. в Германии, а также в Австрии, все, казалось, указывало на наступление в самое ближайшее время катастрофы. Но основы государственного устройства, созданные за период с 1848 по 1871 г., настолько отвечали потребно-

стям широких слоев населения, что не могли еще быть подорваны в те годы. Напротив, чем ближе казалась опасность революции, которая могла быть только пролетарской, антикапиталистической, тем теснее спланивались имущие классы вокруг своих правительств. Мелкая буржуазия и мелкое крестьянство обрели в новых политических правах, в частности в избирательном праве, чрезвычайно эффективные средства воздействия на правительства в целях получения от них различного рода материальных уступок. Они тем охотнее пытались путем политических услуг заручиться поддержкой правительства, чем страшнее для них становился их прежний союзник по политической борьбе.

Итак, недовольство в широких слоях населения, вызванное экономической депрессией и политическим гнетом, вылилось лишь в незначительное движение, которое, как мы уже заметили, достигло своего апогея в падении Бисмарка (1890), наряду с чем можно еще назвать буланжизм ³⁸ во Франции (1889), проложивший путь к насильственному изменению конституции. Однако на этом закончилась всякая *видимость* революционной ситуации.

Именно в период этого политического перелома закончилась и крайне продолжительная промышленная депрессия. Начался период чрезвычайно оживленного экономического подъема, продолжавшийся с небольшими перерывами, до самого недавнего времени. Капиталисты и их идеологи, профессора, журналисты и прочие интеллигенты вновь воспаряли духом. Ремесленники приняли участие в этом подъеме; положение сельского хозяйства также улучшилось. В лице быстро растущего промышленного населения оно получило более широкий рынок сбыта, в частности для таких продуктов, как мясо и молоко, которые в меньшей степени зависели от иностранной конкуренции в области продовольственных товаров. Не аграрные покровительственные пошлины спасли сельское хозяйство Европы — об этом свидетельствует подъем сельского хозяйства и в странах беспошлинной торговли, например в Англии, Голландии, Дании,— а быстрый подъем промышленности с конца восьмидесятых годов.

Но этот подъем в свою очередь явился следствием быстрого расширения мирового рынка, того самого расширения, которое вызвало приток продовольственных товаров в Европу из дальних стран, а тем самым и аграрный кри-

зис. Расширение мирового рынка стало в частности возможным благодаря развитию сети железных дорог за пределами Западной Европы.

Длина железных дорог в километрах составляла:

	1880	1890	1907	Прирост за 1880—1907 гг. в проц.
Германия	33 634	42 869	58 040	72
Франция	25 932	26 895	47 823	84
Англия	28 854	32 297	37150	29

По сравнению с этим длина железных дорог в перечисленных ниже странах составляла:

	1880	1890	1907	Прирост за 1880—1907 гг. в проц.
Россия	22 664	32 390	72 020	218
Британская Индия	14 772	27 316	48106	226
Китай	11	200	6 698	60800
Япония	121	2 333	8067	6 666
Америка	171 669	331 559	487 506	183
Африка	4 607	9386	29 798	547

Отсюда видно, насколько быстрее с 1880 г., а особенно с 1890 г., строительство железных дорог происходит в молодых капиталистических странах, нежели в старых.

Но одновременно отмечается и скачкообразный рост морского транспорта. Грузоподъемность морских пароходов составляла (в тоннах):

	1882	1893	1907
Германия	249 000	783 000	2 256 783 (1908)
Великобритания	3 700 000	6 183 000	10 838 531
Норвегия и Швеция	140 000	392 000	1 347 533
Дания	67 000	123 000	404 946
Франция	342 000	622 000	739 819
Соединенные Штаты	617 000	826000	2077 477
Япония	40000	108 000	1 115 880

Эти цифры свидетельствуют об огромном расширении мирового рынка за последние два десятилетия, что позволило ему поглощать в течение некоторого времени огромное количество товаров. Во всех промышленных странах благодаря этому на передний план выдвинулся интерес к мировому рынку, а тем самым и к *колониальной политике*, как к средству расширения внешнего рынка. Разумеется, завоевание новых заокеанских владений, начиная с 80-х годов, почти никакого отношения не имело к расширению мирового рынка. Новейшая колониальная политика, проводившаяся с этого времени, распространилась почти исключительно на Африку, так как только здесь, по мнению европейских держав, оставалось еще много «свободной» земли, т. е. земли, не захваченной ни одной из сильных держав. Но достаточно взглянуть на помещенную выше таблицу протяженности железных дорог, чтобы убедиться, какими незначительными цифрами в ней представлена Африка. Правда, длина ее железнодорожной сети увеличилась с 1880 по 1907 г. с 4600 почти до 30 000 км, но как незначительна эта цифра по сравнению с увеличением длины железнодорожной сети в Азии с 16 000 до 90 000 км, а тем более в Америке, где протяженность железных дорог увеличилась с 171 000 до 487 000 км. В самой же Африке львиная доля железнодорожных линий приходится не на новые колонии, захваченные после восьмидесятых годов, а на старые колонии и самостоятельные государства, как это видно из следующей таблицы:

Длина железнодорожных линий в километрах:

	1880	1890	1907
Алжир	1405	3 104	4 906
Египет	1449	1547	5 544
Абиссиния	-	-	309
Капская земля	1457	2 922	6123
Наталь	158	546	1571
Трансвааль	-	120	2 191
Оранжевая республика	-	237	1425
Прочая Африка	438	919	7 729
<i>Итого</i>	4 607	9 356	29 798

Таким образом, только 7700 км, т. е. одна четверть всех железных дорог Африки и менее одного процента (0,8%) железных дорог всего мира, приходится на те области, большая часть которых была захвачена в результате новой колониальной политики европейских держав. Это показывает, что колониальная политика оказала весьма незначительное влияние на расширение мирового рынка за последние 20 лет и на новое оживление производства.

Это новое оживление было тесно связано с открытием внешних рынков, которое, в свою очередь, совпадало по времени с новой колониальной политикой, проводимой с 80-х годов. Именно поэтому подавляющее большинство буржуазии связывало колониальную политику с экономическим расцветом, и для буржуа великих европейских держав возник новый идеал, который они в 90-х годах начали противопоставлять социализму, тому самому социализму, перед которым кое-кто из их идеологов капитулировал еще в 80-х годах. Этим новым идеалом было присоединение заморских стран к европейской метрополий, т. е. так называемый *империализм*.

Но империализм великой державы подразумевает захватническую политику и враждебное отношение к другим великим державам, которые стремятся вести такую же захватническую политику в тех же заморских странах. Империализм неосуществим без усиленного вооружения, без больших регулярных армий, без флота, который может вести бои в далеких морях.

До 60-х годов включительно буржуазия была, как правило, настроена против милитаризма, так как занимала враждебную позицию по отношению к правительству. Она ненавидела регулярную армию, содержание которой столь дорого обходилось и которая служила самой прочной опорой враждебному ей правительству. Буржуазная демократия считала регулярную армию излишней, так как ее интересы ограничивались собственной страной и она не хотела вести захватнических войн.

Начиная с 70-х годов, буржуазия проявляет все больше симпатии к армии, причем не только в Германии и Франции, где война 1870 г. создала популярность военщине, в Германии — в связи с блестящими победами, во Франции — в связи с тем, что армию рассматривали как средство защиты от таких же опустошений, какие при-

несла прошедшая война. И в других странах начинают увлекаться армией, как средством подчинения внутренних и покорения внешних врагов. Имущие классы тем дружелюбнее относятся к армии, чем лучше у них отношения с правительством. Какие бы противоречивые интересы их ни разделяли, все они едины в своей готовности приносить жертвы во имя милитаризма, все, начиная от самых радикальных демократов до самых консервативных феодалов. Только пролетариат, в лице социал-демократии, образует оппозицию.

Таким образом, за последние десятилетия правительства неизмеримо усилились, и возможность свержения правительств, возможность революции, казалось, отодвинулась бесконечно далеко.

Радикальную оппозицию, которую не следует смешивать с враждебным отношением к правительству со стороны не входящей в него, но жаждущей власти клики,— все больше представлял один только пролетариат; однако некоторые его слои утратили после политического перелома 1890 г. свои революционные тенденции.

Этот перелом устранил самые крайние проявления политического подавления пролетариата в Германии и Австрии. Во Франции еще раньше прекратились последние остатки преследований, начавшихся в период после восстания Коммуны.

Правда, в области социальных реформ, рабочего законодательства, не отмечалось никаких сдвигов. Наибольшие успехи в этой области относятся к периоду, когда промышленный капитализм достиг уже развития, при котором его пагубное влияние на здоровье населения сказывалось настолько явно, что требовало принятия срочных мер, но когда промышленный капитал не стал еще господствующей силой в государстве и обществе, а мелкая буржуазия, землевладельцы и часть интеллигенции находились в сильной к нему оппозиции; тогда можно было надеяться, что удастся удовлетворить незначительным рабочим законодательством пролетариат, который превращался в серьезную силу. Такое положение сложилось в Англии еще в сороковых годах прошлого столетия. Самое значительное мероприятие в области рабочего законодательства Англии — принятие закона о *десятичасовом рабочем дне* для женщин — относится именно к этому времени (1847 г.).

Континентальная Европа плелась далеко позади. Только в 1877 г. в *Швейцарии* был принят фабричный закон, *по которому максимальная продолжительность рабочего дня для мужчин не должна превышать 11 часов. Такую же максимальную продолжительность рабочего дня ввела у себя *Австрия* в 1885 г. Период политического оживления после падения Бисмарка привел также к некоторым успехам в *Германии* и во *Франции*. В 1891 г. в *Германии* был принят закон, устанавливавший *одинадцатичасовой* рабочий день для женщин, которые до сего времени не были защищены законом. В 1892 г. такое же постановление было принято и во *Франции*.

И это все. С тех пор не было достигнуто никаких успехов, достойных упоминания. В *Германии* за последние 17 лет был введен только 10-часовой рабочий день для женщин-работниц. Права мужчин-рабочих все еще не защищены законом.

В области рабочего законодательства, а также любых других социальных реформ, царит полнейший застой.

Но экономический подъем, начавшийся в конце 80-х годов, позволил некоторым слоям рабочего класса, благодаря быстро увеличивающемуся спросу на рабочую силу, улучшить свое положение без помощи законодательства, путем «прямых действий» профессиональных союзов. О растущем спросе на рабочую силу свидетельствует уменьшение числа переселенцев из *Германии*.

Число переселенцев из *Германии* составляло:

1881	220 902
1887	104 787
1891	120089
1894	40964
1900	22 309
1908	19 883

Такой быстрый рост спроса на рабочую силу поставил многие слои рабочего класса в сравнительно благоприятное положение по отношению к капиталу. Профессиональные союзы, которые в течение первых двух десятилетий новой эры, начиная с 1870 г., вследствие экономической депрессии и политического гнета развивались в *Германии*, *Франции* и *Австрии* крайне медленно, теперь стали очень быстро расти, особенно в *Германии*, экономическое развитие которой было наиболее мощным. Эти

союзы догнали и даже перегнали старых борцов за дело рабочего класса — английские профессиональные союзы, и добились значительных успехов в повышении заработной платы, в отношении сокращения продолжительности рабочего дня и других улучшений условий труда.

В Австрии, например, число членов профессиональных союзов за период с 1892 г. по 1907 г. возросло с 46 606 до 501094, в Германии число членов центральных союзов увеличилось с 1893 г. по 1907 г. с 223 530 до 1 865 506. В то же время, с 1892 г. по 1907 г., число членов английских тред-юнионов возросло лишь с более чем 1 500 000 до 2 406 746. Таким образом, в Англии число членов профессиональных союзов увеличилось на 900 000 чел., а в Германии на 1 600 000 человек.

Но немецкие профессиональные союзы обогнали за этот период английские не только быстрым ростом своих рядов, они представляют собой и более высокую форму профессионального движения. Английские тред-юнионы образовались совершенно самобытно, их породила одна лишь практика; немецкие профессиональные союзы были основаны социал-демократами, осуществлявшими их руководство и опиравшимися в своей работе на плодотворную теорию марксизма. Благодаря этому профессиональное движение в Германии смогло принять более рациональные формы. Вместо локально и профессионально раздробленных английских тред-юнионов, в Германии были созданы крупные централизованные промышленные союзы; здесь в большей мере, чем в английских тред-юнионах удалось ограничить споры отдельных союзов о пределах их компетенции и избежать корпоративного окостенения и аристократизма. Деятели немецких профессиональных союзов чувствовали себя гораздо больше, чем англичане, представителями всего пролетариата в целом, а не только представителями работников одной с ними профессии, организованных в союзы. Лишь постепенно удастся англичанам отделаться от этой передававшейся из поколения в поколение ограниченности. Руководство международным профессиональным движением все больше переходит к немецким профессиональным союзам, благодаря тому, что они сознательно или бессознательно находились до сего времени под большим влиянием теории марксизма, чем их английские товарищи.

Такое блестящее развитие, в особенности немецких профессиональных союзов, производило на пролетарские массы тем большее впечатление, чем сильнее тормозилось в парламентах проведение социальных реформ и чем меньших практических успехов добивался в этот период рабочий класс политическим путем.

Профессиональные союзы, а наряду с ними и кооперативы, казалось, были призваны без какого бы то ни было политического потрясения, а лишь используя имеющиеся законодательные основы, добиваться все большего подъема рабочего класса, все более сужать рамки действия капитала, заменить капиталистический абсолютизм «конституционной фабрикой» и через эту переходную стадию постепенно, без резкой ломки и каких-либо катастроф достигнуть «промышленной демократии».

Но в то время, как классовые противоречия, казалось, все больше смягчались, уже возникали элементы, которые должны были вновь привести к их обострению.

8. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Одновременно с профессиональной организацией создавалась другая мощная организация, которая представляет все большую для нее угрозу. Такой организацией является *союз предпринимателей*.

Мы уже упоминали выше об *акционерных обществах*. Вначале они захватили банки и торговые предприятия. А с 70-х годов прошлого столетия стали все больше проникать и в промышленность. Мы уже указывали, что акционерные общества содействовали централизации предприятий в руках немногих владельцев, начало которой было положено все большим укрупнением производства. Они способствовали экспроприации вложенных в акции мелких состояний крупными финансистами, которые куда лучше мелких «сберегателей» ориентируются в опасном фарватере современной экономической жизни, а отчасти даже искусственно создают в нем водовороты и пучины. Благодаря системе акционерных обществ, небольшие, вложенные в акции состояния также превращаются в орудия власти, которые передаются в полное распоряжение крупных представителей финансового мира, возглав-

ляющих акционерные общества. И, наконец, акционерные общества позволяют отдельным крупным финансистам, отдельным миллиардерам и крупным банкам подчинить себе многочисленные однотипные предприятия до того еще, как они попали в их полную собственность, и объединить их, таким образом, в одну общую организацию.

Поэтому, начиная с 90-х годов во всех капиталистических странах, как грибы, растут организации предпринимателей, причем, в зависимости от существующего законодательства, они принимают самые различные формы, но ставят себе одну и ту же цель: создание искусственных монополий для повышения прибылей. Это достигается отчасти путем повышения цен на продукты, т. е. усиленной эксплуатации потребителей, отчасти путем снижения издержек производства, причем последнего можно добиться самыми различными способами, которые все, в конце концов, ведут либо к увольнению, либо к усилению эксплуатации рабочих, а часто и к тому и другому вместе взятому.

Еще легче, чем объединение предпринимателей в картели и тресты, ставящие себе целью поддержание высоких цен, совершается объединение их в союзы для подавления рабочих. Здесь среди предпринимателей нет конкуренции, нет противоречий и царит полное единодушие. В этой области сходятся интересы не только предпринимателей одной отрасли производства, но и самых различных отраслей производства. Как бы ни были враждебны друг другу на товарном рынке, где они выступают в качестве покупателей и продавцов, на рынке рабочей силы они по-братски объединяются, выступая в качестве покупателей одного и того же товара — рабочей силы.

Эти организации предпринимателей чинят все большие препятствия дальнейшему развитию профессиональных организаций рабочего класса. Науман преувеличивает их силу в приведенных выше цитатах. Не так уж бессильны по отношению к ним профессиональные союзы. Но за последние годы их победоносное продвижение все больше тормозится, они вынуждены переходить повсюду к обороне; против стачки все чаще и все с большим успехом применяется локаут. Все реже наступают благоприятные моменты, когда профессиональным союзам удастся вести победоносную борьбу.

Такое положение еще усугубляется все усиливающимся притоком очень нетребовательных иностранных рабочих. Это — естественное последствие промышленного подъема, который, в свою очередь, является результатом расширения мирового рынка, благодаря строительству железных дорог и развитию пароходства, позволяющих доставлять продукты капиталистического производства в самые отдаленные уголки земного шара. Во вновь открытых для сбыта районах эти продукты заменяют изделия местной, преимущественно крестьянской, кустарной промышленности; отсюда у населения данных районов развиваются новые потребности и возникает потребность в *деньгах*. Одновременно в этих отсталых районах, в результате упадка местной промышленности, создается излишек рабочей силы. Люди не могут найти себе применения на родине, а тем более работы, обеспечивающей заработок. Новые средства сообщения, железные дороги и пароходы, поставляющие промышленные товары из капиталистических стран, дают им теперь также возможность легко попасть обратным рейсом в качестве живого груза в эти промышленные страны, сулящие выгодную работу.

Обмен людей на товары является неизбежным следствием расширения рынка капиталистической промышленности. Сначала она поставляет промышленные товары из города в деревню в пределах своей собственной страны и получает из деревни не только сырье и продукты питания, но и рабочую силу. Когда же промышленная страна превращается в страну, экспортирующую товары, она вскоре становится и страной, импортирующей людей. В качестве примера можно назвать Англию, куда в начале прошлого столетия потянулись толпы рабочих, в частности из Ирландии.

Конечно, этот приток отсталых элементов создает серьезное препятствие для классовой борьбы пролетариата, но он неизбежно связан с развитием промышленного капитализма. Нельзя, как это любят делать современные «политики-реалисты», проповедующие социализм, восхвалять подобное развитие промышленного капитализма как благо для пролетариата, а иммиграцию иностранцев считать проклятием, ничего общего с развитием капитализма не имеющим. Всякий экономический прогресс при капитализме несет с собой какое-нибудь проклятие для

пролетариата. Если рабочие Америки недовольны притоком в страну японцев и китайцев, то они должны противиться и тому, что американские пароходы вывозят американские товары в Японию и Китай, что на американские деньги там строятся железные дороги. Одно неразрывно связано с другим.

Иммиграция иностранцев точно так же служит средством притеснения пролетариата, как введение машин, замена мужского труда женским, квалифицированных рабочих — неквалифицированными. Ее отрицательные последствия должны призывать к выступлению не против иностранных рабочих, а против господства капитала, должны привести к отказу от иллюзий, будто быстрое развитие капиталистической промышленности обеспечивает рабочим постоянные выгоды. Эти выгоды всегда преходящи. В конце концов наступает горькое разочарование. Это отчетливо проявляется и в настоящее время.

Мы уже указывали выше, как сильно сократилась эмиграция из Германии за последние 20 лет. Но одновременно возросло число иностранцев, переселившихся в Германию. Их насчитывалось:

в 1880 г.. . .	276 057
» 1890 г.....	433 254
» 1900 г.. . .	778 698
» 1905 г.. . .	1007 179

Подсчет всегда производился 1 декабря, т. е. в период, когда в сельском хозяйстве и на строительствах прекращаются работы. Многочисленные рабочие-иностранцы, которые заняты в Германии только летом, а осенью возвращаются на родину, при этом не учитывались.

Трудности профессиональной борьбы, связанные с существованием союзов предпринимателей и притоком непритязательных, неорганизованных, беззащитных иностранных рабочих, стали восприниматься вдвое острее, когда началось повышение цен на продовольственные товары.

Для поддержания жизненного уровня рабочего класса Европы чрезвычайно большое значение имело снижение цен на продовольственные товары, начавшееся, как мы уже указывали, с семидесятых годов. Это снижение цен повысило покупательную способность их заработной

платы, смягчило отрицательные последствия снижения заработной платы во время кризиса, позволило после преодоления кризиса повысить реальную заработную плату быстрее номинальной, если только аграрные пошлины не уничтожали благотворного действия низких цен на продовольственные товары.

Но в течение последних лет цены на продовольственные товары снова начали подниматься.

Удобнее всего проследить движение цен в Англии, где на них не влияют аграрные пошлины. Согласно таблице Конрада, в Англии цена 1 тонны (т. е. 1000 кг) пшеницы составляла:

1871—75	246,4 марки
1876—80	206,8 »
1881-85	180,4 »
1886-90	142,8 »
1891—95	128,2 »
1896	123,0 »

За последние годы, по данным немецких статистических ежеквартальников (1908 г., 4 выпуск), происходило следующее движение цен. В Ливерпуле лаплатская пшеница с июля по сентябрь месяц стоила:

1901	129,1 марки
1902	—
1903	139,3 »
1904	152,1 »
1905	144,8 »
1906	138,0 »
1907	160,0 »
1908	176,0 »

Разумеется, цены различных лет колеблются в ту или иную сторону в зависимости от урожая. Но все же можно считать, что повышение цен на продовольственные товары в настоящее время представляет собой не временное, а длительное явление.

Банкротство сельского хозяйства России и превращение Соединенных Штатов из аграрной страны в промышленную заставляют предполагать, что массовый приток дешевых продовольственных товаров в Европу постепенно прекратится.

В Америке, например, производство пшеницы перестало увеличиваться в течение последних лет. Оно составляло:

Год	Площадь обработанной земли в акрах*	Урожай в бушелях**	Средняя цена бушеля на 1/XII
1901	49,9 млн.	748 млн.	62.4 цента
1902	46,2 »	670 »	63,0 »
1903	49.5 »	638 »	69.5 »
1904	44.1 »	552 »	92,4 »
1905	48,9 »	693 »	74,8 »
1906	47,3 »	735 »	66,7 »
1907	45.2 »	634 »	87,4 »
1908	47.6 »	664 »	92,8 »

Как видно, производство пшеницы скорее уменьшается, чем возрастает. А цены проявляют совершенно определенную тенденцию к росту.

Помимо сокращения ввоза продовольственных товаров, росту цен содействуют также и союзы предпринимателей, искусственно повышающие все цены и плату за провоз. Мы уже не говорим здесь об аграрных пошлинах, которые еще сильнее усугубляют бремя, лежащее на плечи рабочего люда, так как позволяют государству увеличивать цены на продовольственные товары.

Если ко всему этому присоединяется еще и кризис, подобный кризису, наступившему в конце 1907 г. и сопровождавшемуся огромной безработицей, то положение пролетариата становится ужасным, таким, например, как в настоящее время. Но не следует ожидать, что окончание кризиса принесет пролетариату такой же подъем, как в период с 1895 по 1907 г. Высокие цены на продовольствие сохранятся и будут еще больше повышаться; не прекратится и приток дешевой рабочей силы из-за

* Акр — 4047 м².

** Бушель — английская мера емкости, равняется 36,36 литра (американский бушель равен 35,23 литра. *Ред.*)

границы; напротив, с наступлением более благоприятной конъюнктуры он возобновится с еще большей силой. Кроме того, союзы предпринимателей сожмут рабочих еще более крепким железным кольцом, которое невозможно будет разорвать одними только средствами профессиональной борьбы.

Как бы важны и даже необходимы ни были профессиональные союзы в прошлом и настоящем, нам не приходится надеяться, что они вновь сумеют дать такой же мощный толчок развитию дела пролетариата чисто профессиональными методами борьбы, как это им удавалось в течение последних двенадцати лет. Более того, мы должны считаться с тем, что наши противники могут стать достаточно сильными, чтобы временно оттеснить пролетариат.

Достоинно внимания, что в последние годы процветания, когда промышленность была полностью загружена и раздавались постоянные жалобы на нехватку рабочей силы, рабочие уже не в состоянии были повысить свою реальную заработную плату, т. е. заработную плату, выраженную не в денежных знаках, а в продуктах питания,— их реальная заработная плата скорее даже уменьшалась. В Германии это было установлено для различных слоев рабочего класса путем исследований, производившихся частными лицами. В Америке же, по *официальному признанию*, это затрагивает весь рабочий класс в целом.

Начиная с 1890 г., рабочее бюро в Вашингтоне ежегодно проводит обследование условий труда на нескольких предприятиях важнейших отраслей промышленности Соединенных Штатов. За последние годы были обследованы состояние заработной платы и продолжительность рабочего дня на 4169 фабриках и мастерских, а также бюджет рабочей семьи, основные предметы потребления и цены на них. Полученные таким путем цифры были затем сопоставлены, чтобы установить, происходит ли повышение или понижение жизненного уровня рабочих.

Для каждой рубрики средние цифры за 1890—1899 гг. были приняты за 100. Число 101 обозначает, таким образом, повышение на 1 проц. по сравнению с средней цифрой за 1890—1899 гг., число 99 —понижение на 1 проц.

Итак, бюро получило следующие данные:

Год	Недельная заработная плата при полной занятости рабочего	Розничные цены на продукты питания, употребл. рабочими	Покупательная способность недельной заработной платы
1890	101,0	102,4	98,6
1891	100,8	103,8	97,1
1892	100,3	101,9	99,4
1893	101,2	104,4	96,9
1894	97,7	99,7	98,0
1895	98,4	97,8	100,6
1896	99,5	95,5	104,2
1897	99,2	96,3	103,0
1898	99,9	98,7	101,2
1899	101,2	99,5	101,7
1900	104,1	101,1	103,0
1901	105,9	105,2	100,7
1902	109,2	110,9	98,5
1903	112,3	110,3	101,8
1904	112,2	111,7	100,4
1905	114,0	112,4	101,4
1906	118,5	115,7	102,4
1907	122,4	120,6	101,5

Эта таблица показывает нам прежде всего, что собой представляет в действительности так называемый «реформистский подъем» пролетариата. Последние 17 лет были необычайно благоприятны для рабочего класса, это были годы бурного экономического расцвета в Америке, расцвета, который, возможно, никогда больше не повторится. Как известно, нигде рабочий класс не пользуется такими свободами, как в Америке, нигде он не придерживается более реальной политики, свободной от всяких революционных идеологий, которые могут отвлечь его от мелкой повседневной работы, направленной на улучшение его положения. И все же в 1907 г., который был годом экономического подъема, когда заработная плата в денежном выражении поднялась в среднем на 4 проц. по сравнению с предыдущим годом, реальная

заработная плата была лишь не намного выше чем в 1890 г., когда дела шли далеко не блестяще. Конечно, безработица и неуверенность в завтрашнем дне создают огромное различие между кризисом и периодом процветания; но покупательная способность недельной заработной платы полностью занятого рабочего лишь незначительно изменилась в 1907 г. по сравнению с 1890 г.

Правда, *номинальная* заработная плата значительно повысилась. Она понизилась в период депрессии 1890 — 1894 гг. со 101,0 до 97,7, т. е. больше, чем на 3 проц., но с тех пор неуклонно возрастает и в 1907 г. достигла 122,4, т. е. увеличилась почти на 25 проц.

Напротив, цены на *продукты питания* за период с 1890 по 1896 г. снизились еще быстрее, чем номинальная заработная плата, т. е. с 102,4 до 95,5, почти на 7 проц., так что покупательная способность недельной заработной платы понизилась не так сильно, как ее денежное выражение. Реальная заработная плата за период с 1890 по 1894 г. понизилась с 98,6 до 98,0, т. е. лишь на 0,6 проц., в то время как номинальная заработная плата уменьшилась на 3 проц. С 1894 по 1896 г. номинальная заработная плата поднялась с 97,7 до 99,5, в то время как цены на продукты питания продолжали падать. Благодаря этому покупательная способность номинальной заработной платы рабочего в 1896 г. составляла 104,2.

С тех пор номинальная заработная плата рабочего не имела больше такой покупательной способности. Несмотря на период процветания, реальная заработная плата рабочих в *течение более, чем десяти лет ниже*, чем в 1896 г. И это называется медленным, но верным *улучшением положения* рабочего.

Также достойно внимания и то обстоятельство, что даже в период наибольшего оживления промышленности, когда капиталисты загребали огромные барыши, реальная заработная плата рабочих не только не могла удержаться на достигнутом уровне, но начала *снижаться*. Правда, с 1906 по 1907 г. номинальная заработная плата повысилась со 118,5 до 122,4, т. е. почти на 4 проц., но цены на продукты питания одновременно подскочили со 115,7 до 120,6, т. е. почти на 5 проц., так что даже в этот период реальная недельная заработная плата понизилась на 1 проц. В действительности, на сегодняшний день по-

ложение, по-видимому, еще хуже. Американских статистиков нельзя упрекнуть в том, что они склонны рассматривать существующую обстановку в слишком мрачном свете.

Это дает основание предполагать, что и по окончании кризиса и наступлении нового периода расцвета пролетариату нечего рассчитывать на повторение недавней блистательной эры профессиональной борьбы.

Но, повторяем, мы отнюдь не хотим сказать, что профессиональные союзы становятся в связи с этим бессильными или, более того, излишними. Они остаются крупнейшими массовыми организациями пролетариата, без которых он будет незащищен и обречен на полное обнищание. Изменение ситуации не уменьшает значения профессиональных союзов, но требует линии, применения других методов борьбы. Там, где профессиональные союзы имеют дело с крупными организациями предпринимателей, они, пожалуй, ничего не могут добиться от них прямым путем; но их борьба с подобными организациями достигает гигантского размаха, способна потрясти все общество, все государство, и оказать влияние на правительства и парламенты, если предприниматели отказываются от каких бы то ни было уступок.

В тех отраслях промышленности, которые подчинены союзам предпринимателей и имеют существенное значение для всей экономики, стачки все больше приобретают *политический* характер. С другой стороны, все чаще создаются условия, при которых в чисто политической борьбе, например, в борьбе за избирательные права в качестве оружия успешно могут быть использованы массовые стачки.

Таким образом, перед профессиональными союзами все больше встают *политические задачи*; как в Англии, так и во Франции, Германии и Австрии, они все больше вторгаются в область политики. Это — вполне здоровое зерно в синдикализме романских стран, который, однако, ввиду своего анархистского происхождения, к сожалению, заглушает это зерно в шелухе антипарламентаризма. И все же «прямые действия» профессиональных союзов могут служить лишь целесообразным *дополнением и усилением*, а не *заменой* парламентской деятельности рабочих партий.

Центр тяжести борьбы, пролетариата еще в большей степени, чем за последние двадцать лет, перемещается

в область *политики*. Пролетариат, естественно, вновь начинает проявлять большой интерес к социальным реформам, к рабочему законодательству. Но здесь он сталкивается со всеобщим застоем, который при данном соотношении сил и при данном государственном строе преодолеть невозможно.

Под застоем следует понимать не абсолютное затишье, которое невозможно в таком беспокойном обществе, как наше, а настолько замедленный темп развития, что он превращается в затишье, более того в регресс, если сравнивать этот темп с темпами технического и экономического переворота и ростом эксплуатации. И этот несказанно медленный прогресс приходится все в большей степени подготавливать и завоевывать серьезной, преимущественно профессиональной борьбой, связанной с такими быстро растущими тяготами и жертвами, что они все больше перевешивают конечные положительные результаты.

Но не следует забывать, что именно наша «положительная» и «реформистская» деятельность не только укрепляет пролетариат, но и побуждает наших противников ко все более энергичному сопротивлению. Чем больше борьба за социальные реформы вновь превращается в политическую борьбу, тем больше стремятся союзы предпринимателей «натравить» парламенты и правительства на рабочих и их организации и свести на нет их политические права.

Так в политической жизни снова на передний план выступает борьба за политические права, и вопросы конституции, вопросы, касающиеся основ государственной жизни, приобретают решающее значение.

Противники пролетариата все больше стремятся вновь урезать его политические права. В Германии после каждой крупной победы пролетариата на выборах множатся угрозы замены всеобщего и равного избирательного права плюральным избирательным правом³⁹. Во Франции и Швейцарии военщина жестоко расправляется с забастовщиками; в Англии и Америке свободу действий пролетариата ограничивают суды, так как парламент и конгресс не решаются открыто против нее выступить.

Но пролетариат не может ограничиться одной только борьбой против попыток зажать ему рот. Его положение

будет все затруднительнее, если ему не удастся завоевать новых государственных основ, которые позволят навсегда поставить государственный аппарат на службу классовым интересам пролетариата. Если не считать России, то больше всего в этом нуждается теперь *Германская империя*. Сама система выборов в рейхстаг все сильнее обращается против городского пролетариата. В настоящее время сохранилось такое же разделение на избирательные округа при выборах в рейхстаг, что и в 1871 г. Но мы уже видели, как с тех пор изменилось соотношение между городом и деревней. Если в 1871 г. две трети населения жили в деревне, а одна треть в городах, то теперь мы имеем другое соотношение, хотя разделение на избирательные округа осталось прежним. Преимущество все больше отдается сельским местностям за счет городов. На последних выборах в рейхстаг за социал-демократию было подано 29 проц. всех голосов, а получила она лишь 10,8 проц. мандатов. Партия центра, напротив, получила 19,4 проц. голосов и 26,4 проц. мандатов, а консерваторы 9,4 проц. голосов, но зато 15,7 проц. мандатов.

Обе последние партии вместе взятые получили меньше голосов, чем социал-демократия, но зато 42,1 проц., т. е. в четыре раза больше, мандатов. При пропорциональном избирательном праве социал-демократия получила бы в 1907 г. не 43, а 116 мандатов; консерваторы и центр, вместе взятые, 115 вместо 164.

Дальнейшее сохранение нынешнего разделения на избирательные округа для самых отсталых слоев населения по существу означает плюральное избирательное право, неравенство которого усиливается с каждым годом в той же мере, в какой растет численность городского пролетариата.

При этом существующая у нас система подачи голосов подчеркивает, как в деревнях, так и в небольших городах, политическую зависимость пролетариата от имущих классов почти в той же мере, как и его экономическую зависимость, поскольку применяемые в настоящее время конверты для бюллетеней способны сохранить тайну выборов еще в меньшей степени, чем прежняя система.

Конечно, одно только устранение этих недостатков ни к чему бы не привело. Что пользы от увеличения нашего влияния и нашей силы в рейхстаге, если сам рейхстаг

но обладает ни влиянием, ни властью. Сначала нужно завоевать ему эту власть, установить подлинно парламентский режим; имперское правительство должно стать комитетом рейхстага.

Но беда рейхстага заключается не только в том, что имперское правительство от него не зависит; в наименьшей степени его беда заключается и в том, что империя фактически еще не представляет собой единого государства. Компетенция рейхстага крайне ограничена, на каждом шагу он наталкивается на суверенитет отдельных государств, их правительств и ландтагов и на их ограниченный партикуляризм. С мелкими государствами он, правда, легко бы справился, но на его пути стоит мощное препятствие — Пруссия с ее трехклассной системой выборов в ландтаг. Прежде всего необходимо сломить прусский партикуляризм. Прусский ландтаг должен перестать служить оплотом всевозможной реакции. К самым неотложным политическим задачам дня относится также завоевание тайного и равного избирательного права для выборов в северогерманские ландтаги, и прежде всего для прусского ландтага, а также превращение рейхстага в решающую силу в государстве.

Но если таким путем и удастся превратить Германию в демократическое государство, то этого еще недостаточно, чтобы открыть путь пролетариату. Немецкий пролетариат, который в настоящее время составляет уже подавляющее большинство населения, получит, пожалуй, тем самым ключи к законодательству, но это мало что даст ему, если у государства не будет достаточных средств, необходимых для осуществления социальных реформ.

В настоящее время все средства государства идут на *вооружение и укрепление военно-морского флота*. Неуклонное увеличение расходов на армию и флот приводит к тому, что современное государство пренебрегает даже теми задачами в области культуры, которые должны быть решены в интересах не только пролетариата, но и всего населения; такими задачами являются, например, реформа народного образования, улучшение путей сообщения — каналов и дорог и т. п., т. е. мероприятия, которые необычайно повысили бы производство в стране и ее способность к конкуренции, а поэтому диктуются и чисто деловыми капиталистическими интересами.

Но на эти мероприятия невозможно выделить крупных ассигнований, так как все средства поглощаются армией и флотом и будут ими все больше поглощаться до тех пор, пока существует современный строй.

Упразднение постоянных армий и разоружение — необходимые предпосылки для проведения государством значительных социальных реформ. Это все больше признают даже буржуазные элементы, но они неспособны создать этих предпосылок. Болтовня о мире на зуттнеровский лад⁴⁰ не приближает их к этой цели ни на один шаг.

Современная гонка вооружений есть прежде всего следствие *колониальной политики и империализма*, и нет смысла заниматься пропагандой мира, пока принимаешь участие в этой политике. Кто согласен с колониальной политикой, должен согласиться и с милитаризмом и борьбой за господство на море, так как было бы бессмысленным ставить себе определенные цели и отказываться от средств, необходимых для их достижения. Об этом следует подумать тем из наших друзей, которые мечтают о мире во всем мире и разоружении, участвуют во всевозможных буржуазных конгрессах и в то же самое время считают необходимым проведение колониальной политики, конечно, этической, социалистической, но все же колониальной политики. Они напоминают тех прусских прогрессистов 60-х годов, которые, будучи *буржуазными* политиками, боялись революции и стремились добиться объединения Германии не путем революции, а с помощью победоносной гогенцоллерновской монархии. Но будучи одновременно *демократическими* политиками, они старались ограничить милитаризм и по возможности не давать в руки Гогенцоллернов военных средств, необходимых для выполнения этой задачи. Подобное противоречие и погубило их.

Тот, кто ратует за колониальную политику, неминуемо должен принимать участие и в гонке вооружений. Тот же, кто хочет положить конец этой гонке вооружений, должен убеждать народ в бесполезности, более того, пагубности колониальной политики.

В данной ситуации это самые безотлагательные политические задачи, стоящие перед борющимся пролетариатом. Это и есть та «положительная» политика, которую он должен проводить в жизнь. До тех пор, пока эти

задачи не будут решены, ему нечего рассчитывать на сколько-нибудь значительный «реформистский» подъем, ввиду роста союзов предпринимателей, повышения цен на продовольственные товары, притока в промышленность отсталых слоев рабочих, невозможности проведения законодательным путем каких-либо социальных реформ и увеличения государственных налогов, лежащих на плечи пролетариата.

Реформа избирательного права для выборов в рейхстаг, завоевание равного избирательного права при тайном голосовании для выборов в ландтаги, в частности в Саксонии и Пруссии, завоевание для рейхстага господствующего положения по отношению к правительствам и ландтагам отдельных государств — таковы задачи, стоящие только перед немецким пролетариатом, которому необходимо прежде всего добиться полной демократии и государственного единства. Борьба против империализма и милитаризма составляет общую задачу всего международного пролетариата.

Некоторые, возможно, полагают, что решение этих задач ни к чему нас не приведет. Разве Швейцария не представляет собой государства, отвечающего всем указанным требованиям: полная демократия, система милиции, отсутствие какой бы то ни было колониальной политики? И все же и в Швейцарии социальная политика развивается недостаточно успешно, предприниматели точно так же, как и в других странах, эксплуатируют и порабащают пролетариат.

В связи с этим следует прежде всего заметить, что Швейцария не остается в стороне от гонки вооружений, проводимой другими странами, а наоборот, усердно вооружается, что стоит ей не малых денег. Часть военных расходов оплачивается кантонами, но, несмотря на это, расходы федерации скачкообразно возрастают, как это показывают следующие цифры:

1875	39	млн.франков
1885	41	»
1895	79	»
1905	117	»
1906	129	»
1907	139	»
1908	151	»

Особенно быстро растут *военные расходы*, так же как и *таможенные доходы*. Таким образом:

	Расходы федерации на военные нужды	Доходы департамента финансов и пошлин
1895	23 млн.	4 млн.
1905	31 »	64 »
1906	35 »	62 »
1907	42 »	73 »
1908	40 »	70 »

Если отбросить доходы и расходы почты и телеграфа, которые почти что покрывают друг друга (расходы составляют 63 миллиона, доходы — 66 миллионов), то доходы на 1908 г. составят 81 миллион, из которых 70 миллионов получено за счет пошлин, а расходы составят 88 миллионов, из которых 40 миллионов приходится на военные нужды и 6 миллионов на уплату процентов по государственному долгу.

Таким образом, даже в Швейцарии милитаризм поглощает львиную долю государственных доходов, и его потребности продолжают быстро расти.

Кроме того, существует огромная разница между тем, унаследовано ли право, получено ли оно в дар или же завоевано в упорной самоотверженной борьбе.

Пожалуй, никто не будет так наивен, чтобы утверждать, будто мы без борьбы, незаметно перейдем от милитаризма и абсолютизма к демократии и «врастем» из воинствующего империализма в содружество свободных народов. Идея вращивания могла возникнуть лишь в период, когда считали, что все дальнейшее развитие будет происходить исключительно на экономической основе, и не потребуются никаких изменений в расстановке политических сил и в политических институтах. Когда же выясняется, что такие изменения насущно необходимы для пролетариата, если он хочет продолжать идти по пути экономического подъема, возникает необходимость политической борьбы, политических потрясений и переворотов.

В этой борьбе пролетариат должен значительно окрепнуть; он не может одержать в ней победу, не может достигнуть указанных выше целей — демократии и уничтожения милитаризма, не заняв в государстве господствующего положения.

, Поэтому в современном крупном государстве завоевание демократии и уничтожение милитаризма должны привести к совершенно иным результатам, нежели существующие с давних пор и доставшиеся по наследству система милиции и республиканские учреждения в Швейцарии.

Это будет тем очевиднее, чем больше такие преобразования явятся делом рук одного лишь пролетариата. Пролетариату не приходится рассчитывать на верных союзников в грядущих боях. В прежние годы мы надеялись найти союзников в лагере буржуазии, главным образом, из среды мелкой буржуазии и мелкого крестьянства. Мы уже видели, что Маркс и Энгельс долгое время надеялись на участие мелкобуржуазной демократии в революции, по крайней мере на первых порах, как это было в 1848 г. и даже еще в 1871 г. в Париже. Когда демократические партии и политики стали все больше сдавать свои позиции, мы, марксисты, еще надеялись привлечь на свою сторону массы мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, заинтересовать их в наших революционных целях. Эти надежды нашли свое отражение в моей цитированной выше статье, относящейся к 1893 г., а еще яснее они были выражены Энгельсом в его «Введении», написанном в 1895 г.:

«Если так будет продолжаться, мы завоюем к концу этого столетия большинство среди средних прослоек общества, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, и вырастем в стране в решающую силу...».

Наши надежды не осуществились и это еще раз подтверждает, что мы, марксисты, ошибались в своих ожиданиях или «предсказаниях», в тех случаях, когда переоценивали революционность мелкой буржуазии. Но вместе с тем это показывает, насколько обоснован упрек в том, что марксистский догматический фанатизм изгоняет подобные элементы из партии. Если Энгельс в 1894 г. выступил против французской аграрной программы, а я годом позже против немецкой аграрной программы, то это было «делано не потому, что мы считали излишним привлечение на свою сторону крестьянства, а потому, что мы признавали неправильным предложенный нам особый способ привлечения его. За истекшее время наши товарищи по партии во Франции, Австрии и Швейцарии попытались таким путем добиться успеха у крестьян, но безрезультатно.

То же самое относится и к мелкой буржуазии. О широких массах средних слоев населения можно сказать, что какая бы социалистическая пропаганда среди них не проводилась, на сегодняшний день нам труднее чем когда-либо привлечь их на свою сторону. Такая точка зрения объясняется не марксистской «ортодоксальностью»; мы уже видели, что марксизм можно обвинить скорее в преувеличенно радужных, чем в преувеличенно мрачных ожиданиях, в этом отношении — она результат горького опыта последних лет. Наш марксистский «догматический фанатизм» лишь помог нам признать этот опыт и понять его, т. е. вскрыть его причины, что является необходимой предпосылкой для проведения успешной «реальной политики».

И здесь мы еще раз убеждаемся, что в тех случаях, когда наша «положительная» работа укрепляет пролетариат, она обостряет противоречия между ним и другими классами.

Некоторые из нас надеялись, что картели и ринги⁴¹ капиталистов так же, как и таможенная политика, от которых так сильно страдают средние слои населения, приведут эту часть населения в наши ряды. В действительности же случилось обратное. Аграрные пошлины и союзы предпринимателей появились одновременно с профессиональными союзами. В результате этого *ремесленники* оказались стесненными со всех сторон. Пошлины и союзы предпринимателей вызвали рост цен на продовольственные товары и сырье, а профессиональные союзы в то же самое время добивались повышения заработной платы. Правда, при этом повышалась обычно номинальная, а не реальная заработная плата, так как цены росли быстрее, чем заработная плата. Тем не менее борьба вокруг заработной платы вызывала озлобление у мелких ремесленников, которые видели в союзах предпринимателей и партиях, стоявших за повышение пошлин, своих союзников в борьбе против организованных рабочих. Они считали, что эти рабочие, а не пошлины и картели, повинны не только в повышении заработной платы, но и в высоких ценах на сырье и жилище, которые были якобы следствием повышения заработной платы.

Повышение цен также отрицательно сказывалось и на положении мелких торговцев, так как покупательная способность их клиентов, по большей части рабочих, не могла угнаться за ростом цен. Но они обрушили свой гнев не на

таможенную политику и союзы предпринимателей, а па рабочих, причем озлобление их все увеличивалось по мере того, как рабочие, стараясь избежать последствий роста цен, создавали потребительские кооперативы, т. е. исключали посредничество в торговле.

Повышение цен всегда обостряет противоречия между покупателями и продавцами. Оно усилило и противоречия между пролетариями, как покупателями продуктов питания, и *крестьянами*, как продавцами их.

Нельзя забывать, что рабочий играет особую роль на товарном рынке. Все остальные выступают на нем не только как покупатели, но и как продавцы товаров. То, что проигрывают эти продавцы при общем повышении цен, выступая в качестве покупателей других товаров, они выигрывают благодаря повышению цен на их собственный товар. Только рабочий выступает на мировом рынке в качестве покупателя, а не продавца товаров. Его рабочая сила представляет собой совершенно своеобразный товар, цены на которых! определяются своими особыми законами, так что изменение цен не влечет за собой немедленного изменения заработной платы. Ведь рабочая сила не является изолированным от человека продуктом, она неразрывно связана со всей его жизнью, цена на нее зависит от физиологических, психологических и исторических условий, которые не принимаются во внимание для других товаров и которые придают денежной заработной плате более *устойчивый* характер, чем это свойственно ценам на продукты. Заработная плата лишь очень медленно и только до известной степени следует за колебаниями цен на продукты. Таким образом, при снижении цен рабочий выигрывает больше, чем остальные покупатели товаров, а при повышении цен больше всех проигрывает. Его позиция на товарном рынке прямо противоположна позиции продавцов, несмотря на то, что он производит все, а потребляет лишь часть тех продуктов, которые производит. Он находится в положении потребителя, а не производителя. Ведь производимые им продукты принадлежат не ему, а его эксплуататору, капиталисту. Именно капиталист появляется на товарном рынке с продуктами труда наемного рабочего в качестве их производителя и продавца. А рабочий выступает там лишь в роли покупателя продуктов питания. Отсюда его антагонизм к продавцам этих продуктов,

а следовательно и к крестьянам, поскольку они играют до отношению к нему роль продавцов. Не только в отношении аграрных пошлин, но и в ряде других случаев, например, при попытках повысить цены на молоко, энергичнее всего против крестьян выступали именно рабочие.

Но среди крестьян, пользующихся наемной рабочей силой, не меньшее озлобление вызывало повышение заработной платы и улучшение условий труда в промышленности. Период промышленного расцвета, усиления профессиональных союзов и их побед, был и периодом нехватки рабочих в сельском хозяйстве. Не только батраки и батрачки, но даже дети крестьян все больше стали тянуться в промышленность, спасаясь бегством от варварских условий труда в сельском хозяйстве. Виновниками возникшей в связи с этим нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве считались, конечно, проклятые «соци».

Это привело к тому, что растущие слои тех классов населения, которые составляли вначале ядро мелкобуржуазной демократии и были энергичными поборниками революции, а затем хотя и малоактивными, но союзниками революционного пролетариата, теперь повсюду превратились в злейших его врагов. В меньшей степени это относится к «отравленной марксизмом» Германии, и гораздо больше к Франции, Австрии, Швейцарии.

В крупных государствах враждебное отношение средних слоев населения к пролетариату еще усугубляется диаметрально противоположными их установками по вопросу об империализме и колониальной политике. Тому, кто не стоит на позициях социализма, кто отрицает его, не остается,— если он не хочет впасть в отчаяние,— ничего, кроме веры в колониальную политику. Это — единственная перспектива, которую еще может предложить капитализм своим сторонникам. Но с колониальной политикой неизбежно связано признание милитаризма и борьбы за господство на море. Поэтому те представители средних слоев, которые по своим интересам не связаны с ремеслом, посреднической торговлей и производством продуктов питания, т. е.— *интеллигенты*, если они не пришли к социализму, отворачиваются от пролетариата и его идеологов, из-за того что пролетариат отвергает империализм и милитаризм. Все эти господа Брентано⁴², Науманы и прочие, столь благосклонно относящиеся к профессиональным и кооперативным организациям пролетариата и

к его демократическим стремлениям, все они восторженные поклонники флота и мировой политики, и остаются друзьями социал-демократии лишь до тех пор, пока дело не коснется империализма и его орудий.

Таким образом, эта политика кажется призванной завершить изоляцию пролетариата и обречь его тем самым на политическое бесплодие именно в тот момент, когда он более чем когда-либо нуждается в развертывании своей политической силы.

И все же именно политика империализма может послужить точкой опоры для подрыва господствующей системы.

9. НОВАЯ ЭРА РЕВОЛЮЦИЙ

Мы уже видели, как быстро в Швейцарии растут военные расходы. Но это лишь слабое отражение того, что совершается в больших милитаристских государствах. Возьмем, например, Германскую империю, где (по данным, опубликованным в статистическом ежегоднике Германской империи) расходы в миллионах марок составляли:

	1873	1880/81	1891/92	1900	1909
Сухопутная армия	308	370	488	666	814
Военно-морской флот.	26	40	85	152	409
Управление колониями	—	—	—	21	32
Пенсионный фонд	21	18	41	68	115
% государственного долга	-	9	54	78	171
<i>Итого</i>	355	437	668	985	1541
Ежегодный прирост		12	21	35	62
Общие государственные расходы	404	550	1118	2056 или 1640*	2850
Ежегодный прирост		21	52	58	88

* Начиная с 1900 г. расходы на почту, железные дороги и государственные типографии приводятся в рубрике расходов, где они до сих пор не указывались. В 1900 г. они составляли 416 миллионов.

Мы видим, что расходы непрерывно растут, причем темп этого роста все увеличивается; за первое десятилетие существования империи они увеличились на 21 миллион, а за последнее десятилетие на 88 миллионов в год. В последние годы этот прирост достиг уже сотен миллионов в год (в 1905 — 2195; в 1906 — 2392; в 1907 — 2810; в 1908 — 2791; в 1909 — 2850 миллионов), т. е. в течение 4 лет — 700 миллионов.

Рост этот происходит, главным образом, за счет расходов на вооружение, причем, в первую очередь, не на сухопутную армию, а на флот. В то время, как население империи с 1891 по 1909 г. возросло с 50 миллионов до 64 миллионов, т. е. на *одну четверть*, расходы на сухопутную армию за этот же период увеличились почти *вдвое*, на пенсионный фонд и проценты государственного долга — *втрое*, а на военно-морской флот — почти *в пять раз*. Этот безумный рост не приостановится до тех пор, пока существующий режим не будет *коренным образом* изменен. Непрерывное развитие техники, связанное с механизацией капиталистического производства и использованием в нем достижений естественных наук, сказывается и на военном деле, создавая и здесь постоянную конкурентную борьбу вокруг новых изобретений, непрерывное обесценивание уже достигнутого, постоянное укрепление средств государственной власти. Но в отличие от того, что происходит в промышленности, в военном деле это не приводит к увеличению производительности труда, а влечет за собой систематическое увеличение разрушений во время войны, и постоянное повышение непроизводительных расходов в мирное время.

Не только развитие техники, но и мировая политика великих держав, направленная на расширение их господства или, по крайней мере, сферы влияния, влечет за собой необходимость постоянного укрепления средств, позволяющих им осуществлять свою власть. До тех пор, пока существует политика борьбы за мировое господство, безумная гонка вооружений неминуемо будет все увеличиваться, пока не наступит полное изнеможение. Империализм, как мы уже видели, это — единственная надежда и единственная перспектива, которая осталась еще у существующего ныне общества. Кроме нее имеется лишь один исход — социализм. Поэтому безумие будет все усиливаться, до тех пор пока пролетариат не станет достаточно

сильным, чтобы определять политику государства, преодолеть политику империализма и заменить ее политикой социализма. Чем дольше продолжается гонка вооружений, тем большие тяготы несет она каждому народу. Но тем упорнее стремится каждый класс переложить эти тяготы на плечи других классов и тем больше гонка вооружений обостряет все классовые противоречия.

В Германской империи основное бремя возлагается, конечно, на рабочих. Это бремя было уже достаточно тяжелым в годы промышленного подъема, низких цен на продукты питания, успехов профессионального движения. Оно становится невыносимым в период кризиса, дороговизны, превосходства сил союзов предпринимателей.

Но растущее бремя налогов не только сокращает доходы рабочего и снижает покупательную способность его заработной платы; оно серьезно угрожает и самому промышленному прогрессу, которому якобы должна способствовать мировая политика.

Соединенные Штаты являются самым опасным конкурентом германской промышленности, которая находится в более невыгодном, по сравнению с Соединенными Штатами, положении из-за существующей в Германии системы покровительственных пошлин.

В Америке имеются, правда, еще более высокие покровительственные пошлины, но только *промышленные*, а не *аграрные*. Америка располагает самыми дешевыми продуктами питания и производит самостоятельно почти все сырье. При этом она обладает тем преимуществом, что по соседству с ней нет ни одной сильной континентальной державы. Америке не приходится ежегодно оттягивать из производства полмиллиона человек для никчемной игры в солдатики.

С усилением милитаризма в Европе растет превосходство Соединенных Штатов в промышленности, все больше замедляется экономическое развитие Европы и все неблагоприятнее становится и экономическое положение европейских рабочих. И для того, чтобы еще больше ускорить этот процесс, от рабочих требуют самых тяжелых жертв.

Соединенные Штаты, разумеется, также вступили на путь империализма, а тем самым и на путь усиленного вооружения. Со времени войны с Испанией⁴³ растут и их расходы на армию и флот. И все же это вредит Соединен-

ным Штатам меньше, чем великим державам Европы, так как им нет необходимости содержать многочисленную, постоянную сухопутную армию у себя на родине. На всей территории Соединенных Штатов имеется лишь 70 000 солдат. Соединенные Штаты сумеют выдержать дольше всех как промышленную конкуренцию, так и гонку вооружений и не выдохнуться при этом.

В отношении Соединенных Штатов мы располагаем следующими данными:

Год	Население в млн. человек	Государ. долг в млн. доллар.	Расходы на сухопутную армию в млн. доллар.	Расходы на флот в млн. доллар.	Стоимость экспорта		
					продов. товаров	сырья	пром. товаров
					в % к общему экспорту		
1880	50	1724	38	14	56	29	15
1890	63	725	45	22	42	36	21
1900	76	1023	138	56	40	24	35
1907	86	894	125	98	28	32	40
1908	87	897	140	119	28	30	42

Мы видим, что государственный долг в целом не увеличивается. До 1890 г. он сильно уменьшался. С 1890 г. он начал расти так же, как и расходы на армию, вследствие войны с Испанией. Но затем к 1907 г. снова уменьшился, несмотря на рост расходов на армию и флот.

Приведенная таблица показывает, как быстро растет экспорт промышленных товаров из Америки, как Америка выступает на мировом рынке все больше в роли промышленной, а не аграрной страны.

В *Германии* общая сумма экспорта товаров составляла в 1908 г. 7000 млн. марок, из которых 4300 млн. (62 проц.) приходилось на промышленные товары. В *Соединенных Штатах* из общей суммы экспорта товаров отечественного производства в 8000 млн. марок (1835 миллионов долларов) на промышленные товары приходилось свыше 3000 миллионов (750 млн. долларов). В 1890 г. германский экспорт промышленных товаров составлял 2147 млн. марок, американский — лишь около 800 млн. марок (179 млн. долларов). Следовательно, экспорт возрос в первом случае за один и тот же период на 150 проц., во втором — на 300 процентов;

Из этого следует, что Соединенные Штаты, как промышленная страна, начинают наступать нам на пятки.

В то время как Соединенные Штаты с 1900 по 1908 г. уменьшили свой государственный долг на 130 млн. долларов (полмиллиарда марок), Германия увеличила свой долг за тот же период на 17 $\frac{1}{2}$ миллиарда. С тех пор расходы и налоги вновь были повышены, а именно на полмиллиарда, но Молох все еще не насытился.

Если это бремя ложится в первую очередь на рабочий класс, подавляя его, то оно пагубно отражается и на промышленности, затрудняет конкурентную борьбу, что опять-таки ударяет по рабочим, на спинах которых разыгрывается эта борьба. Но и угнетению рабочих положены известные пределы, преступать которые не представляется возможным, поэтому гонка вооружений должна, в конце концов, парализовать развитие промышленности.

В то же время гонка вооружений все больше обостряет национальные противоречия и усиливает опасность войны, тогда как она предназначена якобы для сохранения мира. Непрерывное лихорадочное вооружение становится все нестерпимее для каждого правительства, но ни один из господствующих классов не видит причины этого в проводимой им внешней политике. Да и не может увидеть, так как эта политика служит последним оплотом капитализма. Поэтому каждый старается взвалить вину на другого,— немцы на англичан, а англичане — на немцев. В связи с этим всеобщая нервозность и подозрительность усиливаются, что опять-таки приводит к еще более лихорадочной гонке вооружений, пока, наконец, не начинает напрашиваться вывод: лучше ужасный конец, чем ужас, не имеющий конца.

Подобная ситуация уже давно привела бы к войне, как единственной возможности, наряду с революцией, выбраться из состояния безумного взаимного взвинчивания государственных расходов, если бы именно эта альтернатива революции не стояла еще ближе за войной, чем за вооруженным миром. В течение последних трех десятилетий растущая сила пролетариата препятствовала возникновению какой бы то ни было войны в Европе и теперь еще заставляет каждое правительство опасаться войны. Но государства неудержимо стремятся к такому положению, при котором ружья, в конце концов, сами начнут стрелять.

В том же направлении действует и другой фактор, которых! еще в большей степени, чем гонка вооружений, призван довести мировую политику до абсурда, и тем самым лишить капиталистическое производство последней возможности развития.

Колониальная политика, или империализм, основывается на представлении, что только народы европейской цивилизации способны к самостоятельному развитию. Людей других рас считают детьми, идиотами или вьючными животными, в зависимости от более или менее дружелюбного к ним отношения, но, во всяком случае, низшими существами, которыми можно управлять по своему усмотрению. Даже социалисты руководствуются подобным воззрением как только начинают заниматься — конечно, на этической основе — колониальной политикой. Но действительность быстро показывает им, что основной принцип нашей партии о равенстве всех людей является не пустой фразой, а весьма реальной силой.

Правда, народы, находившиеся вне европейской цивилизации, были в течение последних столетий почти беззащитны и неспособны к длительному сопротивлению, но это объясняется не тем, что они самой природой были поставлены на более низкую ступень развития, как это считает европейская буржуазия, одержимая спесивым чванством,— чванством, нашедшим научное отражение в фантазиях наших теоретиков расизма. Эти народы были просто подавлены превосходством европейской техники, а также и европейского гения, превосходство которого в конечном счете тоже основано на технике. Народы, стоящие вне европейской цивилизации,— за исключением может быть немногих совсем отсталых племен, насчитывающих по несколько тысяч человек,— вполне способны воспринять европейскую цивилизацию, однако до сего времени они не обладали необходимыми для этого материальными предпосылками.

Распространение капитализма долгое время почти не вносило изменений в существующее положение вещей. Капиталистические экспортеры вывозили в районы, находившиеся вне европейской цивилизации (к которой, в настоящее время, относятся, конечно, также Америка и Австралия) вначале лишь *продукты* капиталистического производства, а не само капиталистическое производство. При этом они ограничивались преимущественно районами,

прилегающими к водным магистралям, морским побережьям и берегам нескольких больших рек. Но в течение последних десятилетий, а особенно за последние двадцать лет произошел резкий перелом: началась новая эра в политике заморских завоеваний и кроме того вывоз продуктов из промышленных государств в варварские страны превратился за эти годы в вывоз *средств производства и средств передвижения* современной промышленности.

Мы уже видели, насколько стремительно развивалось в этот период железнодорожное строительство, особенно на Востоке (включая Россию). Но так же быстро развивалась там и капиталистическая промышленность, — текстильная, металлургическая и горная. Последняя произвела полный переворот в южной Африке.

Экспорт *средств производства* обеспечил новый расцвет капиталистической промышленности, начиная со второй половины 80-х годов прошлого столетия. В первой половине 80-х годов капиталистическая промышленность казалась уже неспособной на дальнейший подъем, как это и было в действительности в области вывоза промышленных изделий. Но экспорт орудий производства, обусловивший ее новый, совершенно неожиданный и блестящий подъем, оказался возможен лишь потому, что обеспечивал развитие капиталистического способа производства в странах, лежащих вне сферы европейской цивилизации, и быстро уничтожил сохранявшиеся там от прошлого экономические отношения. Но тем самым был положен конец и привычному для Востока образу мыслей. Одновременно с новым, заимствованным у Европы способом производства внезапно развились и достигли европейского уровня духовные способности народов, пребывавших до сего времени в состоянии варварства. Однако, нельзя сказать, чтобы воцарившиеся там новые веяния были проникнуты любовью к Европе. Новые страны стали конкурентами старых. А конкуренты всегда *враги*. Распространение европейского духа в странах Востока сделало эти страны не друзьями, а *равноправными* врагами Европы. Это проявилось не сразу. Мы уже видели выше, какую роль играет *сознание силы* в общественной жизни и как долго могут пребывать в подчинении вновь поднимающиеся класс или нация, которые обладают уже достаточной силой, чтобы стать самостоя-

тельными, но не сознают еще в себе этой силы. Это подтвердилось и теперь. Европейские народы настолько часто одерживали победу над народами Востока, что последние считали тщетным любое сопротивление им. Того же мнения придерживались и европейцы. На этом основывалась их колониальная политика, дававшая им возможность распоряжаться другими народами, продавать и выменивать их, как скот.

Но стоило только японцам сломить лед, как это сразу же отразилось на всем Востоке. Вся Восточная Азия и весь магометанский мир поднялись и начали вести самостоятельную политику сопротивления любому господству извне.

Тем самым развитие империализма было приостановлено. И теперь он топчется на месте. Но ему необходимо развиваться все дальше, так же как необходимо все больше и больше распространяться капитализму, для того чтобы его эксплуатация не стала совершенно невыносимой.

Единственной возможной для него еще сферой распространения осталась экваториальная Африка, где климат является наилучшим союзником туземцев, где невозможно пустить в дело европейских солдат, где европейцам приходится вербовать в наемные войска туземцев, вооружать их и обучать владению оружием — подготавливая тем самым момент, когда эти наемные войска обратят оружие против своих же начальников.

В Азии и Африке повсюду распространяется бунтарский дух, все больше применяется европейское оружие, растет сопротивление европейской эксплуатации. Нельзя пересадить в какую-нибудь страну капиталистическую эксплуатацию, не заронив туда одновременно и семена протеста против этой эксплуатации.

В первую очередь это выражается в том, что проведение колониальной политики становится все затруднительнее и расходы на нее неуклонно растут. Наши фанатики колониализма утешают нас тем, что тяготы, налагаемые на нас сейчас колониями, возместятся в будущем богатыми доходами. В действительности же военные расходы, которых требует сохранение за собой колоний, отныне должны непрерывно повышаться, но этим дело не ограничится. Большинство стран Азии и Африки приближается к моменту, когда временное возмущение переходит в открытое и постоянное и приводит, наконец, к

свержению чужеземного ига. Ближе всего к такому положению подошли британские владения в Восточной Индии; потеря их была бы для Англии равносильна банкротству.

Мы уже отметили, что со времени русско-японской войны Восточная Азия и магометанский мир поднялись, чтобы дать отпор европейскому капитализму. Таким образом, они борются с тем же врагом, что и европейский пролетариат. Мы, разумеется, не должны забывать, что, хотя они и борются с одним и тем же врагом, но ставят себе при этом иные цели. Они поднялись на борьбу не для того, чтобы повести пролетариат к победе над капитализмом, а для того, чтобы противопоставить внешнему капитализму внутренний, национальный. Нам не следует предаваться иллюзиям на этот счет. Как буры являются злейшими живодерами, а правители Японии самыми отчаянными преследователями социалистов, так и младотурки сочли уже необходимым выступить против бастующих рабочих. Поэтому мы должны критически относиться к противникам европейского капитализма, находящимся за пределами Европы.

Однако это отнюдь не изменяет того факта, что они ослабляют европейский капитализм и его правительства и вносят в мировую обстановку элемент политического беспокойства.

Мы уже видели, что период постоянного беспокойства в Европе продолжался с 1789 по 1871 г., пока промышленная буржуазия не завоевала себе повсюду политических условий, необходимых для ее быстрого развития. Аналогичный период непрерывного политического беспокойства наступил на Востоке со времен русско-японской войны, т. е. с 1905 г. Положение народов Восточной Азии и магометанского мира, так же как и народов России, в настоящее время во многом сходно с положением западноевропейской буржуазии в конце XVIII и начале XIX века. Конечно, условия в том и в другом случае не совсем одинаковы. Различие состоит уже в том, что мир постарел с тех пор на целое столетие. Политическое развитие страны зависит не только от сложившихся в ней самой социальных условий, но и от условий, имеющих в своем окружающем мире, который оказывает воздействие на данную страну. Между различными классами в России, Японии, Индии, Китае, Турции, Египте и т. д.

могут существовать такие же отношения, как между различными классами во Франции до великой революции. Но на них влияет опыт классовой борьбы, приобретенный за это время в Англии, Франции, Германии. Кроме того, их борьба за благоприятные условия национального капиталистического производства является одновременно борьбой против иностранного капитала и его чужеземного ига, борьбой, которую не приходилось вести народам Западной Европы в революционный период 1789—1871 гг.

Но несмотря на эти различия, которые препятствуют простому повторению на Востоке событий, происшедших на Западе сто лет тому назад, сходство ситуации настолько велико, что и на Востоке теперь начинается аналогичный революционный период, период заговоров, государственных переворотов, мятежей, реакции и новых мятежей, постоянных потрясений, который продлится до тех пор, пока в этом районе не будут созданы условия, обеспечивающие свободное развитие и прочную национальную независимость.

Благодаря мировой политике Восток — в самом широком смысле этого слова — настолько тесно связан с Западом в политическом и экономическом отношении, что политическое волнение на Востоке влечет за собой беспокойство и на Западе. Достигнутое с таким трудом политическое равновесие государств становится теперь неустойчивым в результате непредвиденных изменений, на которые эти государства не могут оказать никакого влияния; проблемы, мирное разрешение которых считалось невозможным и которые были в связи с этим отложены в долгий ящик, например, отношение к Балканским странам, неожиданно возникают вновь и требуют своего срочного разрешения. Беспокойство, недоверие, всеобщая неуверенность и нервозность, и без того уже усиленная гонкой вооружений, достигают своего апогея. Всемирная война становится угрожающе близкой. А опыт последних десятилетий показывает, что война означает также и революцию, влечет за собой крупнейшие политические сдвиги. Еще в 1891 г. Энгельс считал, что нам очень не повезло бы, если бы разразилась война, которая повлекла бы за собой революцию и привела бы нас к кормилу власти, так как это было бы преждевременно. Некоторое время пролетариат еще мог бы с большей уверенностью двигаться вперед, используя существующие государственные

основы, нежели пойдя на риск революции, вызванной войной.

С тех пор положение сильно изменилось. Пролетариат в настоящее время настолько окреп, что может спокойнее ожидать надвигающуюся войну. И нельзя уже говорить о *преждевременной* революции, если пролетариат впитал в себя из существующей государственной основы всю ту силу, которую оттуда можно было извлечь, если перестройка этой основы стала необходимым условием для его дальнейшего подъема.

Пролетариат всеми своими силами ненавидит войну, он сделает все возможное, чтобы не допустить военных настроений. Если, несмотря на это, война все же вспыхнет, то пролетариат явится в настоящее время тем классом, который может с наибольшими надеждами на будущее ожидать ее исхода.

С 1891 г. он не только значительно возрос по численности, не только укрепился организационно, но получил и огромное *моральное превосходство*. Двадцать лет тому назад социал-демократии в Германии еще противостоял огромный престиж, завоеванный властителями империи в борьбе за ее основание. Теперь этот престиж развеян по ветру.

С другой стороны, чем большее банкротство терпит идея империализма, тем больше социал-демократия становится единственной партией, борющейся за великую идею, великую цель, и способной вызвать к жизни всю ту энергию и преданность, источником которой является эта идея.

Напротив, в рядах противников сознание деградации их руководителей, вызванной продажностью и бездарностью, сеет малодушие и апатию. Они не верят больше в правоту своего дела и в своих вождей, которые именно теперь, когда положение становится с каждым днем все затруднительнее, все больше проявляют и неизбежно будут проявлять свою бездеятельность, все больше раскрывают свое полное ничтожество.

И это нельзя считать случайностью или виной отдельных лиц, причина этого кроется в самих обстоятельствах.

Здесь имеют место весьма разнообразные причины. Стоит только классу или государству перейти из революционной стадии в консервативную, стоит ему только пере-

стать бороться за свое существование или упрочение, начать довольствоваться существующим положением и улучшать его лишь в мелочах, как сразу же сужается духовный кругозор его идейных вождей и руководителей. Их интерес к значительным вопросам угасает, они утрачивают свою смелость, отважные мыслители и борцы признаются неудобными и отодвигаются на задний план. На передний план выступают интриганство и малодушное безволие.

Кроме того, у государственных деятелей и идеологов классов и государств, которым не нужно больше бороться за великие идеи, бескорыстная заинтересованность в общих классовых интересах и интересах всего общества вытесняется интересом к своей собственной персоне. Личности, стремящиеся к власти, вдохновляются уже не желанием создать что-нибудь великое, новое для общества, а лишь стремлением приобрести власть и богатство для себя лично. Их беззастенчивый карьеризм также проявляется в стремлении власть имущих окружать себя не теми людьми, которые способны лучше всего служить общему делу, а теми, которые умеют лучше всего льстить и подлаживаться к личным потребностям и склонностям самих власть имущих.

К этим общим причинам морального и интеллектуального падения всех власть имущих в консервативной стадии присоединяются еще и особые причины, вытекающие из своеобразия капитализма.

Прежде эксплуататорские классы были и правящими классами. По крайней мере командные посты в государственном аппарате они сохраняли за собой. Класс капиталистов, напротив, настолько поглощен своими темными делами, что предоставляет заниматься политикой другим, которые, по существу, представляют собой не что иное, как приказчиков; в демократических странах — деловым политикам, парламентариям и журналистам, в абсолютистских — придворным, в странах, занимающих промежуточное положение, — пестрой смеси этих элементов, в которой преобладают то одни, то другие.

До тех пор, пока капиталистическая эксплуатация еще незначительна, лозунг капитала гласит «накопление», причем он пытается навязать его также и государственному аппарату. Мелкая буржуазия волей-неволей верна этому лозунгу; напротив, крупный капитал, по мере того, как он усиливает эксплуатацию, развивает все большее

мотовство и стремление к роскоши, которое, в конце концов, принимает такой же бешеный темп и такие же безумные формы, как и гонка вооружений.

Прежде правители государства по своему богатству и роскоши были недостижимы для всех своих подданных. Теперь политических и государственных деятелей, занимающих даже самые высокие посты в этом отношении все больше обгоняют крупные представители финансового мира. Повысить же регулярный доход находящихся у власти государственных деятелей из государственной мощи не так-то уж просто, особенно в парламентских государствах, где приходится считаться с избирателями и налогоплательщиками, кричащими об экономии. Это тем труднее, чем большие суммы из прироста государственных доходов поглощает вооружение.

Если политические и государственные деятели не хотят отставать в своем образе жизни от крупных эксплуататоров, запросы которых все растут, у них не остается иного выхода, как найти, наряду с законными источниками дохода, незаконные, пользуясь для этого своим влиятельным положением в государстве и протитутуруя им. Они используют свою осведомленность в государственных тайнах и свое влияние на государственную политику для биржевых спекуляций; они паразитическим образом эксплуатируют гостеприимство крупных эксплуататоров, предоставляя тем оплачивать их долги, и, наконец, в худшем случае попросту принимают взятки, продавая тем самым свою политическую власть.

Это зло является всеобщим, оно распространено во всех капиталистических странах, где имеются крупные эксплуататоры. Оно всегда поражает в первую очередь наиболее влиятельные политические органы: в демократических странах — парламентариев и журналистов, в абсолютистских — придворные круги. Повсюду оно влечет за собой глубокую развращенность нравов, которая тем скорее разъедает все вокруг, чем сильнее растут капиталистическая эксплуатация и расточительность, а с ними и потребности политических и государственных деятелей, чем сильнее становится государственная власть и шире ее экономические функции.

Нельзя, конечно, считать, что пораженные коррупцией всегда сознают это и что все политические и государственные деятели господствующих классов продажны. Это

было бы преувеличением. Но *соблазн* коррупции в этих кругах все растет, требуется все большая сила воли, чтобы не поддаться ему, а поддаться ему тем легче, чем большее распространение получила сама атмосфера коррупции, чем более развита и замаскирована ее практика, которая позволяет пораженному коррупцией не чувствовать собственного падения.

Итак, мы видим, что по мере того как проблемы политики все более усложняются и требуют от государственных деятелей все больших знаний, добросовестности, решительности и более широкого кругозора, в господствующих классах научный подход все больше заменяется поверхностной болтовней, добросовестность — легкомыслием, упорное стремление к достижению высоких целей — личным карьеризмом и мелким интриганством, спокойная, решительная твердость — непрерывным шатанием между откровенной жестокостью и трусливым отступлением. Одновременно развиваются безудержная алчность и продажность, которые проявляются то в панамском скандале, то в сговоре правителей с жуликами и почти везде в мошенничестве поставщиков военных материалов, которые одним поставляют непрочные броневые плиты, другим — негодные пушки, или, наконец, дерут с родины вдвое дороже, чем с заграницы. Военные поставки с давних пор служили средством обогащения для многих капиталистов, но никогда еще поставщики военных материалов не были так тесно связаны с правительствами, не оказывали такого влияния на политику, от которой зависят вопросы войны и мира, как в настоящее время.

И эти поставщики теперь являются самыми крупными промышленниками, самыми крупными эксплуататорами пролетариата. Они наиболее заинтересованы в жестокой войне, как против внутреннего, так и против внешнего врага, и оказывают наибольшее влияние на правительства, которые все чаще состоят из неустойчивых элементов.

Поэтому любое государство в любую минуту должно быть готово к провокации или нападению со стороны своего соседа, а рабочий класс любого государства в любую минуту должен ожидать провокации или нападения со стороны своих правителей, причем нападение, которое может повлечь за собой непоправимые бедствия. Все это может вызвать в среде мелкой буржуазии новую ориентацию.

Конечно, моральное падение правящих классов совершается в сферах, недоступных народным массам. Необходима катастрофа, подобная, например, русско-японской войне, чтобы обнажить всю гнилость системы. В обычные времена только кое-где в результате особой неловкости приподнимается краешек стыдливо все прикрывающей завесы. Такие разоблачения мало трогают классово сознательных пролетариев. Они с давних пор враждебно относятся к правящим классам и не строят себе никаких иллюзий относительно их моральных качеств.

Иное дело мелкая буржуазия. Чем больше она изменяет своему демократическому прошлому, чем больше прячется за свои правительства и ожидает от них помощи, чем большее доверие она питает к своим правительствам, считая их незыблемыми, тем большее ее охватывает отчаяние, когда она узнает об их падении и когда их престиж улетучивается ко всем чертям.

Но одновременно мелкая буржуазия подвергается все большим притеснениям со стороны крупных капиталистических картелей, и претензии, предъявляемые государством к ее кошельку, возрастают. Это отнюдь не способствует укреплению ее доверия к правящим классам.

Однако мелкая буржуазия окончательно выходит из себя, когда бездарность, несерьезность и коррупция правителей легкомысленно приводят к катастрофе, войне или государственному перевороту, которые подвергают страну неисчислимым бедствиям. В таких случаях ее слепой гнев сразу же обращается против тех, кто стоит в этот момент у власти, причем гнев этот будет тем сильнее и беспощаднее, чем значительней мелкая буржуазия себе представляла прежде достоинства и величие своих правителей.

За последнее десятилетие в среде мелкой буржуазии несомненно укрепилась все усиливающаяся ненависть к пролетариату. И пролетариату в его политике надо считаться с тем, что ему придется вести грядущие бои в одиночку. Но еще Марксом было отмечено, что мелкий буржуа, являясь промежуточным звеном между капиталистом и пролетарием, колеблется между ними то в ту, то в другую сторону, что он примыкает и к той, и к другой стороне. Нам нечего на него рассчитывать, в массе он всегда будет ненадежным элементом; отдельные представители мелкой буржуазии могут быть хорошими членами партии,

но враждебность мелкой буржуазии к нам может еще и увеличиться. Однако это не исключает возможности, что в один прекрасный день под тяжестью невыносимого бремени налогов и под влиянием неожиданного морального краха власть имущих мелкая буржуазия в массе перекинется на нашу сторону и, быть может, тем самым сметет наших противников и обеспечит нам победу. И, надо прямо сказать, мелкий буржуа не мог бы совершить более разумного поступка, ибо победоносный пролетариат значительно улучшит жизнь всех тех, кто не относится к эксплуататорам, всех угнетенных и эксплуатируемых, а также и тех, кто прозябает сейчас на положении мелкого буржуа или мелкого крестьянина.

Как бы враждебно не противостояла нам в данный момент мелкая буржуазия, она совершенно не намерена служить прочной опорой существующему строю. Так же, как и все остальные опоры общества, она шатается и трещит по всем швам.

Народ все больше теряет веру в прочность существующего строя, да и действительно прочность его с каждым днем ослабляется; чувствуется, что мы вступили в период всеобщей неуверенности, что так, как это продолжалось в течение жизни целого поколения, дело дальше идти не может, что нынешнее положение, которое быстро становится все более шатким, не сможет продержаться на протяжении еще одного человеческого века.

Однако в этой обстановке всеобщей неуверенности ближайшие задачи пролетариата поставлены совершенно ясно. Мы уже вскрыли их. Пролетариат не может продвинуться вперед без изменения государственных основ, опираясь на которые он ведет свою борьбу. Его ближайшая задача в Германии заключается в самых энергичных действиях, направленных на установление демократии как в империи, так и в отдельных государствах, в частности, в Пруссии и Саксонии; его ближайшая международная задача — борьба против мировой политики и милитаризма.

Так же, как и эти задачи, ясны и средства, которыми мы располагаем для их разрешения. К уже применявшимся до сего времени средствам прибавилась еще *массовая забастовка*, которую мы признали теоретически еще в начале 90-х годов и действенность которой в благоприятных условиях была с тех пор неоднократно доказана на практике. И если после славных дней 1905 г. она несколько

отошла на задний план, то это лишь доказывает, что всеобщая забастовка эффективна не при всяких условиях и что было бы глупо применять ее при любых обстоятельствах.

В этом отношении ситуация ясна. Но, говоря о грядущих боях, нужно принимать во внимание не один только пролетариат. В них будет действовать множество других факторов, совершенно не поддающихся учету.

Невозможно учесть заранее позицию наших государственных деятелей; они быстро сменяются и также быстро изменяется их настроение. От них не приходится ожидать последовательной целеустремленной политики.

Невозможно учесть заранее и поведение мелкобуржуазных масс, которые кидаются из стороны в сторону, так что чаши весов беспрестанно колеблются то вверх, то вниз.

Еще труднее поддается учету неразбериха во внешней политике, в которой принимает участие множество государств, причем неустойчивость, характерная для внутренней политики каждого из них, еще сильнее проявляется в их внешней политике.

Не поддаются, наконец, никакому учету и перемены, происходящие в государствах Востока, где вступает в действие множество совершенно новых, до настоящего времени неисследованных, факторов.

Все эти факторы вступили в настоящее время в самое тесное и непрерывное взаимодействие; они уготовят нам в дальнейшем не мало неожиданностей.

Но в обстановке этой всеобщей неустойчивости социал-демократия тем больше будет укрепляться, чем меньше она сама будет колебаться, чем вернее она будет самой себе. В противовес неустойчивой политике настроений она будет тем больше повышать сознание силы в рабочих массах, чем больше ее теория обеспечивает ей последовательную целенаправленную практическую деятельность. Чем больше социал-демократия проявляет непоколебимость в период, когда рушатся всяческие авторитеты, тем больше повышается ее собственный авторитет. И чем непримиримее ее оппозиция по отношению к коррупции правящих классов, тем крепче доверие к ней широких народных масс в той атмосфере всеобщего загнивания, которая в настоящее время охватила уже и буржуазную демократию, полностью отказавшуюся от своих принци-

нов, только для того, чтобы завоевать благосклонность правительства.

Чем непоколебимее, последовательнее, непримиримее будет социал-демократия, тем скорее она одолеет своих врагов.

Требовать от социал-демократии участия в коалиционной политике или политике блока именно теперь, когда понятие «реакционная масса» стало действительностью, означало бы требовать политического самоубийства социал-демократии. Ожидать от социал-демократии, чтобы она связала себя политикой блока с буржуазными партиями именно теперь, когда те протитутуют и сильнейшим образом компрометируют себя, желать чтобы она связалась с ними и способствовала этой протитутции, означало бы требовать от социал-демократии морального самоубийства.

Заботливые друзья опасаются, что социал-демократия может преждевременно прийти к государственной власти *путем* революции. Но для нас преждевременным приходом к государственной власти могло бы быть только приобретение видимости государственной власти *до* революции, т. е. до того, как пролетариат завоевал подлинную политическую власть. А пока это еще не удалось, социал-демократия может добиться участия в государственной власти только в том случае, если *продаст* буржуазному правительству свою политическую силу. *Пролетариат*, как класс, никогда ничего от этого не выиграет, выиграют в лучшем случае только *парламентарии*, заключившие эту торговую сделку.

Тот, кто считает социал-демократию орудием освобождения пролетариата, должен самым решительным образом противиться подобному участию своей партии в господствующей коррупции. Если и существует средство лишить нас доверия всех честных элементов в народных массах, навлечь на нас презрение всех способных и готовых к борьбе слоев пролетариата, затормозить наше движение вперед, то таким средством является участие социал-демократии в политике блока.

При этом преуспели бы лишь те элементы, для которых наша партия служит не чем иным, как лестницей для достижения личной славы, т. е. *карьеристы* и *любители чинов*. Чем меньше мы привлекаем к себе подобные элементы, чем больше мы отталкиваем их от себя, тем лучше это для нашей борьбы.

О подробностях этой борьбы едва ли можно сказать что-нибудь определенное, помимо того, что здесь уже было сказано. Никогда еще не было так трудно предсказывать формы и темпы будущего развития, как теперь, когда все связанные с этим развитием факторы, за исключением пролетариата, так неопределенны и так мало поддаются учету.

Достоверна лишь всеобщая неуверенность. Достоверно, что мы вступили в период всеобщего беспокойства и постоянных политических сдвигов, который, независимо от принимаемых им форм и его продолжительности, не сможет перейти в период более длительного покоя, до тех пор пока пролетариат не наберется сил, чтобы политически и экономически экспроприировать класс капиталистов и открыть тем самым новую эру в мировой истории.

Разумеется, трудно сказать, продлится ли этот революционный период так же долго, как революционный период буржуазии, начавшийся в 1789 г. и продолжавшийся до 1871 г. В настоящее время развитие происходит более стремительно, чем прежде, но, с другой стороны, необычайно расширилась и арена борьбы. Когда Маркс и Энгельс писали свой «Коммунистический манифест», они считали, что ареной пролетарской революции будет лишь Западная Европа. Теперь этой ареной стал весь мир. Теперь освободительная борьба трудящегося и эксплуатируемого человечества ведется не только на берегах Шпрее и Сены, но и на берегах Гудзона и Миссисипи, Невы и Дарданельского пролива, Ганга и Хуанхэ⁴⁴.

И также грандиозна, как сама арена борьбы, грандиозна и конечная цель, во имя которой ведется эта борьба,— общественная организация мирового хозяйства.

Но из этой только начинающейся революционной эры, которая, возможно, продлится в течение целой человеческой жизни, пролетариат выйдет иным, чем он вступил в нее.

Если уже сегодня цвет пролетариата представляет самую сильную, дальновидную, самоотверженную, смелую часть всех народов европейской культуры, объединенную в самые крупные свободные организации, то в борьбе и в результате борьбы он впитает в себя самоотверженные и дальновидные элементы всех классов, организует и воспитает в своей собственной среде даже самые отсталые элементы и внушит им надежду и уверенность в своих силах.

Он поднимет своих лучших сынов к вершинам культуры и даст им возможность руководить величайшими экономическими преобразованиями, которые во всем мире положат конец всей нищете, порождаемой рабством, эксплуатацией и невежеством.

Счастлив тот, кому суждено участвовать в этой великой борьбе и славной победе!

*Перевод книги К. Каутского
«Путь к власти» сделан со вто-
рого немецкого издания («Der
Weg zur Macht, Berlin, 1910)*

СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ ⁴⁵

Со времени революционной борьбы мартовских дней⁴⁶ прошло немногим более полустолетия. Небольшой это промежуток в жизни общества,— а, между тем, целый мир отделяет нас от той эпохи. Могучий переворот, совершившийся с тех пор, иллюстрируется всего рельефнее, может быть, отношением славян к революции.

В 1848 г. славяне, за очень немногими исключениями, составляли еще «одну реакционную массу». Если оставить в стороне мелкую шляхту и интеллигенцию Польши, то можно сказать, что одна часть славян с тупым равнодушием смотрела на великую борьбу за свободу народов, а другая бросилась в эту борьбу, чтобы нанести поражение делу свободы. И славяне достигли этого с слишком большим успехом. Судьба революции была уже решена в *Париже* во время *июньских дней*⁴⁷. Но если революция в Германии и Венгрии была до такой степени разбита наголову и уничтожена, если абсолютизм в Австрии сумел так полно восстановить свое господство, то виною тому было вмешательство чехов, кроатов и русских войск. Падение Вены в октябрьские дни 1848 г. и капитуляция венгерской армии перед русским генералом Паскевичем при Вилагосе (13 августа 1849 г.) означали для революции на Востоке такое же решительное поражение, как июньская бойня на Западе.

Неудивительно, что германских революционеров, как бы сильно ни было в них сознание международной солидарности, охватывала своего рода ярая ненависть

к австрийским славянам, что они начали смотреть на них, как на выроdkов среди народов; революция, казалось им, должна перешагнуть через этих выроdkов. Славяне казались нациями рабов, народами, рожденными для прозябания в рабстве.

Однако причина антиреволюционного поведения славян лежала не в таинственной предрасположенности к рабству, а в экономических условиях, в которых они жили. За исключением чехов, это были чисто крестьянские народы, совершенно неспособные понять политические и социальные потребности буржуазного общества. В Богемии, правда, имелись уже налицо развитая городская жизнь и капиталистическая крупная промышленность, но чешский народ состоял из крестьян, мещан да пролетариев, не имевших классового самосознания и по всему кругу идей своих шедших в хвосте мещанства. Правда, в 1848 г. мелкая буржуазия была еще революционным классом, но уже в то время она повсюду оказывалась ненадежной. Полубуржуа, полупролетарий, мелкий буржуа чувствует себя то тем, то другим, кидается то в революцию, то в реакцию, впадает то в революционную ярость, то в униженную покорность, не имея никаких прочных устоев. Так же вело себя и чешское мелкое мещанство, обнаружившее сначала свою революционную, а потом свою реакционную сторону, восставшее в июле против Виндишгреца⁴⁸, который за это бомбардировал Прагу, а в октябре выражавшее свое сочувствие этому же самому Виндишгрецу, когда он шел против ненавистной Вены.

Конечно, кроме ненадежности мелкой буржуазии, такой исход зависел еще и от национального антагонизма. Для чешского крестьянина, мещанина, пролетария немец был врагом/эксплуататором и угнетателем. Немецким был в Богемии не только капитал, немецкими были и верхние слои бюрократии, духовенства, армии, большая часть дворянства. Между тем в Богемии революция явилась немецким продуктом, носителями ее были немцы и целью ее было объединение и укрепление немецкой нации! Неудивительно, что после короткого периода революционного опьянения чешский народ бросился в объятия контрреволюции.

Как изменилось все это теперь! С 1848 г. капитализм проложил себе путь в Германию, проложил путь и к славянам. Он уже вполне подчинил себе значительную часть

славянского мира и быстро шествует вперед не только в Германии и Польше, но и в России и у словен, кроатов и сербов. Повсюду создает он пролетариев, порождает антагонизм между капиталом и трудом, антагонизм, из которого рано или поздно вырастает пролетарское классовое сознание и самостоятельная пролетарская политика. А эта последняя необходимость является революционной политикой.

Таким образом, давно уже миновало то время, когда славяне считались олицетворением рабской покорности: они стали в ряды народов, обладающих революционными классами, и в их недрах ведется ныне великая культурная борьба за освобождение рабочего класса, а вместе с тем и всего человечества.

Но это еще не все; указанное нами преобразование славянства признано всеми уже давно, почти четверть века тому назад. В настоящее же время можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам.

Революционный центр передвигается с Запада на Восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их. С 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать последние остатки ее революционных стремлений. Быть революционером и быть социалистом — с этих пор становится равнозначим. Как раз в эту эпоху события, последовавшие за франко-прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе с тем и революционного движения в Европе из Франции в Германию.

Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в *Россию*.

Уже однажды, в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, геройская борьба русских революционеров ⁴⁹ повергла в изумление всю Европу и оказала самоё глубокое влияние на социалистическое движение всех культурных стран. Наряду с восстанием и геройской смертью Парижской Коммуны, наряду со сказочным

ростом германской социал-демократии в ее борьбе против «великого» Бисмарка, ничто не повлияло так плодотворно на социалистическое движение семидесятых и восьмидесятых годов, ничто не придало ему столько воодушевления и самоотверженности, как отчаянная борьба, которую бесстрашно и подчас с величайшим успехом вела горсть русских революционеров против страшной силы самодержавия.

Эта отчаянная борьба завершилась в конце концов истощением борцов, за которыми не стояло еще революционного класса.

Но с тех пор выросло в русском народе новое поколение героев, и теперь они уже не одиноки. И в царской империи растет могучий пролетариат, который сам рождает героев и дает опору героям-революционерам из других слоев народа, опору, которой они до сих пор были лишены. Таким образом, мы идем навстречу новой эпохе революционной борьбы в России,— борьбы, которая разыгрывается на более широкой основе, чем четверть века тому назад, но по ожесточению борцов, по зверской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззаветной самоотверженности революционеров ни в чем не уступит борьбе прежних периодов русского движения.

Но мы присутствуем при начале не только физической борьбы силы против силы в России. Нет, рука об руку с революцией кулаков идет революционизирование голов. Пробуждающиеся слои народа охватывает горячая жажда знания, стремление уяснить себе свои исторические задачи и тем самым подойти к решению самых сложных и смелых проблем, возвыситься над мелочностью повседневной борьбы, окинуть взором великие исторические цели, которым эта борьба служит.

И от этого подъема умов мы можем ждать великих деяний, которые не останутся без влияния и на Западную Европу. Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким

пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам.

Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России. Гнилой царский трон трещит по всем швам, и, быть может, он давно уже развалился бы, если бы западноевропейская буржуазия постоянно не скрепляла его заново своими миллионами⁵⁰. В 1848 г. царь послал опору своего могущества в Европу, чтобы задавить восстание европейской буржуазии; теперь эта самая буржуазия шлет опору своего могущества в Россию, чтобы дать царю силу задавить все свободолобивые движения в его собственной стране. С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала.

Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз»⁵¹ рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее.

В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *«Новое время»* («Neue Zeit») — журнал германской социал-демократической партии, выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 г. До 1917 г. редактировался К. Каутским. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны (1914—1918) занимал центристские позиции, колеблясь между марксистами и открытыми социал-шовинистами, фактически поддерживая последних.— 13.

² *Мауренбрехер* Макс Генрих — германский социал-демократ. Споры Каутского и Мауренбрехера по вопросам оценки реформизма, взглядов Маркса, Энгельса и Бебеля, о деятельности рейхстага, бюджете и др. напечатаны в «Новом времени» за 1908 г. №№ 1, 4, 6, 7, 8 и 11.— 13.

³ Каутский имеет в виду свою брошюру «Социальная революция». В ней он излагал марксистское учение о революции, в частности разъяснял вопросы о революции и эволюции, характерные особенности революций разных исторических эпох; основное внимание Каутский уделял буржуазной демократии, положению и классовой борьбе пролетариата в капиталистическом обществе, вопросам пролетарской революции.— 14.

⁴ *«Исключительный закон против социалистов»* — принят рейхстагом в 1878 г. по предложению Бисмарка, который при этом воспользовался двумя покушениями на императора Вильгельма I, совершенными в 1878 г. Вильгельм был легко ранен и скоро оправился, реакционные же круги подняли травлю против социал-демократии и рабочего движения. Закон запрещал социал-демократические организации и их деятельность, издание ими газет, журналов и пропагандистской литературы. По этому закону активные деятели германской социал-демократии были подвергнуты различным репрессиям. Закон был отменен в 1890 г.— 20.

⁵ *Бисмарк* Отто, фон Шёнгаузен, князь (1815—1898)—реакционный прусский государственный деятель, злейший враг рабочего движения. Став в 1862 г. министром-президентом, возглавил борьбу помещиков-юнкеров Пруссии за объединение Германии, под руководством Пруссии, методом «крови и железа». После войн с Данией, Австрией и Францией в январе 1871 г. была создана германская империя, рейхсканцлером которой Бисмарк был с 1871 до марта 1890 г. Бисмарк был одним из организаторов военной интервенции и подавления Парижской Коммуны 1871 г. —22,

⁶ *Оуэн* Роберт (1771—1858) — выдающийся английский социалист-утопист, один из предшественников марксизма. С 1800 по 1829 г. управлял крупной фабрикой в Нью-Ленарке в Шотландии, на которой улучшил условия труда рабочих, сократил рабочий день с 13—14 часов до 10,5 часа, создал при фабрике школу для детей, детские ясли и сад. В 1825 г. организовал в Америке коммунистическую колонию «Новая гармония». После провала колонии вернулся в Англию, где принимал участие в кооперативном движении. Оуэн подверг критике капиталистическое общество с его частной собственностью, конкуренцией, делением на классы и обнищанием рабочих. Будущее общество он представлял себе как федерацию социалистических общин, объединяющих сельское хозяйство и промышленное производство, где каждый трудится по своим способностям и получает продукты по своим потребностям. Оуэн отвергал классовую борьбу и революцию, как средство преобразования общества, не понял революционной роли рабочего класса. Основным средством преобразования общества он считал распространение просвещения.— 25,

⁷ *Фурье* Шарль (1772—1837) — выдающийся французский социалист-утопист. Он подверг резкой критике буржуазный строй, который порождает на одном полюсе непомерную роскошь и безделье, а на другом — нищету масс, подавляет мысли и чувства человека, мешает его всестороннему развитию. На смену капитализму должен прийти социализм, который обеспечит удовлетворение всех потребностей людей, где каждый человек будет иметь право на труд, а сам труд станет потребностью и наслаждением человека. Условия нового общества позволят переходить от одного вида работы к другому, покончат с привязанностью к одной профессии, создадут высокую производительность труда и обилие продуктов, которые будут распределяться по труду и таланту, за исключением доли, выделяемой капиталистам. Фурье безуспешно обращался к богатым людям за помощью для организации своих социалистических опытов. Он не понял исторической роли рабочего класса и необходимости пролетарской революции, считал просвещение и мирные средства единственным путем замены капитализма новым обществом. Социалистическое учение Фурье, вместе с учением Сен-Симона и Оуэна, явилось одним из теоретических источников научного социализма.— 25.

⁸ *Прудон* Пьер Жозеф (1809—1865) — мелкобуржуазный публицист и социолог, вульгарный экономист, один из предшественников анархизма во Франции. Критикуя капиталистическую

собственность, он в то же время отстаивал мелкую частную собственность. Основной причиной бедственного положения трудящихся Прудон считал товарную форму обмена. Чтобы покончить с последней, он выдвинул утопическую теорию о построении общества на основе взаимных услуг, дарового кредита и меновых банков. Прудон предлагал не уничтожение товарного обмена и прибавочной стоимости, а очистку капитализма от злоупотреблений и кризисов, увековечение частной собственности. Критику взглядов Прудона дал Маркс в работе «Нищета философии».— 25.

⁹ *Бланки Луи Огюст* (1805—1881) — французский революционер, активный участник революций 1830, 1848 и 1870 гг., один из руководителей ряда тайных заговорщических организаций, боровшихся против королевской и буржуазной власти. Бланки считал, что свергнуть господство эксплуататорских классов и уничтожить угнетение трудящихся можно путем заговора небольшой группы революционеров и установления их диктатуры, без участия в революции широких масс. 12 мая 1839 г. и 31 октября 1870 г. были предприняты попытки такого рода государственных переворотов, но правительство быстро их подавило. В рабочем движении бланкизмом называются теория и тактика восстания, рассчитывающие только на заговор кучки революционеров, пренебрегающие связью с массами и конкретной обстановкой, принижающие руководящую роль революционной партии.— 25.

¹⁰ Каутский придерживался неправильного взгляда на условия победы пролетариата. Вместе с другими руководителями социалистических партий на Западе, он считал, что пролетарская революция первоначально может победить только в странах с высокоразвитым капитализмом, где пролетариат составляет большинство населения, например, в Германии, Франции, Англии или США. Исторический опыт показал, что пролетарская революция впервые победила в России, в стране с среднеразвитым капитализмом, но с мощным революционным движением пролетариата, руководимым марксистско-ленинской партией, и при союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством. Жизнь подтвердила правоту ленинского учения и опровергла устаревшие социал-демократические догмы.— 25.

¹¹ *Кёльнский процесс коммунистов* — имеется в виду работа К. Маркса 1853 г. «Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов». Процесс коммунистов, проходивший в г. Кёльне 4. X—12. XI. 1852 г., был сфабрикован на основе различных махинаций и подлогов прусской полиции. С помощью судебной расправы над одиннадцатью членами «Союза коммунистов» прусская реакция хотела нанести удар по революционной части германского пролетариата.— 27.

¹² *Бернштейн Эдуард* (1850—1932) — ревизионист, руководитель правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, враг СССР. После смерти Энгельса выступил с открытой ревизией важнейших положений марксизма. В книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899—1902) Бернштейн требует от социал-демократии отказа от

марксистского экономического учения, теории пролетарской революции, диктатуры пролетариата и других основных положений марксизма. Выдвинув лозунг «конечная цель — ничто, движение — все», Бернштейн подменил революционную борьбу пролетариата реформизмом. Отстаивая буржуазную демократию, он выступал против революционного насилия, считал основным средством борьбы пролетариата лишь парламентские и другие легальные формы борьбы. Во время первой мировой войны занимал центристские позиции вместе с Каутским, после Октябрьской социалистической революции выступил против Советской власти и СССР.— 32.

¹³ *Бebelь* Август (1840—1913) — Один из основателей и виднейших деятелей германской социал-демократии и II Интернационала. На основе указаний Маркса и Энгельса, Бебель вместе с В. Либкнехтом создали германскую социал-демократическую партию и руководили борьбой германского пролетариата. В рейхстаге он выступил в защиту Парижской коммуны, против военных кредитов. В годы исключительного закона против социалистов Бебель, по совету Маркса и Энгельса, повел борьбу против ликвидаторов и анархистов. «Бебель проявил себя настоящим вождем партии. Он вовремя увидел опасность, понял правильность критики Маркса и Энгельса, сумел направить партию на путь непримиримой борьбы» (В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 267). Бебель выступил против Бернштейна, но его борьба не была последовательной. В теории и на практике он иногда шел на принципиальные уступки оппортунистам. Разоблачая германский империализм, Бебель допускал центристские ошибки как в вопросах германского рабочего движения, так и в деятельности II Интернационала. Бебель, указывал Ленин, в своем лице и деятельности отражал особенности периода подготовки и собирания сил рабочего класса, его плюсы и минусы (см. там же, стр. 268). Но Бебель всегда выражал твердую уверенность в неизбежности победы революционного пролетариата.— 32.

¹⁴ *Фольмар* Георг Генрих (1850—1922) — один из лидеров правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии, идеолог реформизма. Фольмар требовал от партии отказа от теории классовой борьбы и пролетарской революции, от агитации за программу партии, ограничения деятельности партии парламентской борьбой за мелкие реформы. В аграрном вопросе защищал интересы кулачества. Во время первой мировой войны был ярким социал-шовинистом. С критикой оппортунистических взглядов Фольмара выступали Ф. Энгельс и В. И. Ленин.— 33.

¹⁵ А. Бебель имеет в виду произведение К. Маркса «Гражданская война во Франции».— 33.

¹⁶ *Либкнехт* Вильгельм (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии, принимал активное участие в революции 1848 г. Во время эмиграции в Лондоне познакомился с Марксом и Энгельсом, стал социалистом. После амнистии в 1862 г. вернулся в Германию, где вел борьбу против лассальянцев и их попыток подчинить рабочее движение буржуазно-дворянскому государству. Во время Парижской

Коммуны Либкнехт выступал в ее защиту. Вместе с Бебелем он участвовал в создании социал-демократической партии в г. Эйзенахе. При объединении партии в 1875 г. с лассальянцами допустил грубые ошибки, сделав оппортунистические уступки в принципиальных вопросах. Эти ошибки рассмотрены Марксом и Энгельсом в известной работе: «Критика Готской программы».— 33.

¹⁷ *Кульгуркампф* Бисмарка — буквально «борьба за культуру». Это название, получила борьба Бисмарка в 70-х гг. XIX в. против германской партии католиков (партии «центра») путем полицейских преследований, временного изгнания из Германии ордена иезуитов, ограничения некоторых прав церкви и др. В действительности никакой борьбы за культуру при этом не было. «Такой борьбой Бисмарк только укрепил воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо вы двинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма» (В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 372).— 33.

¹⁸ Статьи Каутского переведены на русский язык и изданы товариществом «Знание» в 1907 г. под названием «Революционные перспективы». Брошюра «Этика и материалистическое понимание истории» переводилась и издавалась несколько раз в 1906—1917 гг. и в советское время.— 34.

¹⁹ *Альба* и *Тилли* — государственные дворянские деятели, с необычайной жестокостью подавлявшие крестьянские восстания. Испанский герцог Альба (1507—1582), когда был наместником испанского короля в Нидерландах, ввел кровавый террор в стране, прибежал к массовому истреблению активных революционеров.—34.

²⁰ *Габсбурги* — австрийские императоры, последний из них — Карл I (1887—1922)—был свергнут революцией в 1918 г.— 34.

²¹ *Романовы* — фамилия российских царей, правивших страной с 1613 по 1917 г. Последний царь Николай II (1868—1918) был свергнут в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.— 34.

²² После подавления революции 1848 г. в Пруссии была введена конституция, основанная на так называемой трехклассной системе. Все население разделялось на три группы или «класса» в зависимости от размера уплачиваемых налогов: в первую группу входили лица, вносившие третью часть наиболее крупных налогов общей установленной суммы, во вторую — лица, вносившие вторую треть и в третью — все остальные, вносившие последнюю треть мелких налогов. Каждая группа выбирала одинаковое количество выборщиков, которые избирали депутатов в Палату представителей. Таким образом господствующее положение в Палате обеспечивалось представителям первой и второй групп, т. е. богатым слоям населения. Эта система существовала в Пруссии до 1918 г.— 35.

²³ «Готтентотские выборы» — ироническое название выборов в германский рейхстаг в 1907 г., в результате которых социал-демократы получили на 36 депутатских мест меньше, чем на предыдущих выборах. Выборы совпали с борьбой реакционных партий за расширение кредитов на усиление колониальной политики и подавление восстания в германских колониях на юго-западе Африки. Восстание племен готтентотов, длившееся с 1904 по 1907 г., было подавлено с исключительной жестокостью.— 36.

²⁴ «Марроканский кризис» — французские империалисты стремились захватить Марокко. Английское правительство дало на это согласие, но германский империализм выступил против французского плана, предъявив свои притязания на Марокко. Этот вопрос рассматривался на международной конференции в испанском городе Альхесирасе в 1906 г., решение которой еще более обострило международное положение и усилило гонку вооружений.

Борьба из-за влияния в Турции между Германией, Англией, Францией и царской Россией велась долгое время. Она усилилась в XX в. в связи со строительством Германией железной дороги через всю Турцию до г. Багдада, с доведением ее затем до Персидского залива. Эта борьба несколько раз достигала большой остроты.— 36.

²⁵ Бауман Фридрих — издатель «Hilfe» («Помощь»), еженедельного журнала по вопросам политики, литературы и искусства, выходившего в Берлине, и «Neue Rundschau» («Новое обозрение»), буржуазного журнала, издававшегося с 1889 г. во Франкфурте-на-Майне.— 45.

²⁶ Кант Иммануил (1724—1804) — родоначальник немецкого идеализма второй половины XVIII и начала XIX века. Философия Канта носит двойственный характер: допуская объективное существование вещей, независимых от человеческого сознания, так называемых «вещей в себе», Кант считал эти вещи непознаваемыми. Пространство, время, причинность, законы природы, по Канту, являются не свойствами материального мира, природы, а лишь свойствами познавательной способности человека, формами созерцания и сознания, которыми человек обладает до всякого опыта. Кант пытается примирить науку и религию. Сторонниками философии Канта являются многие буржуазные философы и многие ревизионисты, в том числе Э. Бернштейн, М. Адлер и др. Каутский также считал возможным соединить экономическую и историческую теорию Маркса с философией Канта.— 47.

²⁷ Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919) — русский буржуазный экономист, видный представитель так называемого «легального марксизма», позднее член кадетской партии, в 1917—1918 гг. — активный деятель буржуазной контрреволюции на Украине. В книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем» выступал против народников, отрицавших развитие капитализма в России. Туган-Барановский открыто защищал капиталистический строй и эксплуатацию пролетариата, написал ряд книг по экономическим вопросам, в которых пытался «опровергнуть» марксизм. Цитируемую Каутским работу Туган-Барановского «Современный социализм в своем историческом развитии», СПб, 1906, стр. 119, как

и другие его работы, буржуазные экономисты и реформисты использовали в борьбе против марксизма.— 48.

²⁸ «Введение» Ф. Энгельса к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции» было напечатано в журнале германской социал-демократии с исключением ряда положений — о баррикадной тактике в новых условиях, революционных средствах борьбы, о возможности нарушения буржуазной конституции и др. Эти сокращения искажали существо взглядов Энгельса, делали его сторонником законности буржуазно-помещичьего государства. Энгельс решительно протестовал против извращения его взглядов, выгодного только оппортунистам. «Введение» Энгельса было полностью напечатано впервые в Советском Союзе (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, часть II).—67.

²⁹ «Новая Рейнская газета» («Neue . Rheinische Zeitung») издавалась в Кёльне с 1.VI—1848 г. по 19.V—1849 г., главным редактором был К. Маркс. В газете были опубликованы многие работы Маркса и Энгельса. Ленин в статье «Карл Маркс» называет эту газету «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата».— 61.

³⁰ Келлер Эрнст (1841—1928) — прусский консерватор, сторонник исключительных мер против социал-демократии; в 1894—1895 гг. был министром внутренних дел Германии. По оценке Энгельса — «типичный самонадеянный, дерзкий, ограниченный юнкер» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 351).—62.

³¹ «Вперед» («Vorwärts») — газета, центральный орган германской социал-демократии, выходила с 1876 по 1933 г. Энгельс на страницах газеты вел борьбу против проявления оппортунизма в германской и других социалистических партиях. После смерти Энгельса газета систематически печатала статьи оппортунистов; в годы первой мировой войны защищала позиции социал-шовинизма; после Октябрьской социалистической революции вела антисоветскую пропаганду.— 63.

³² Статью Энгельса «Социализм в Германии» см. в Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 239—254,— 63.

³³ Путткамер Роберт (1828—1900) — прусский сановник, занимал ряд высших государственных должностей; в 1881 г. стал министром внутренних дел, вел ожесточенную борьбу против рабочего движения и всех оппозиционных партий.— 70.

³⁴ Каутский имеет в виду буржуазно-демократическую революцию в Испании, где в 1873 г. была установлена республика. Укреплению республики помешали анархисты, стоявшие во главе испанских секций I Интернационала: они удерживали рабочих от участия в политической борьбе, мешали развертыванию революционной активности масс. После разгрома кантональных восстаний и репрессий против рабочего класса была восстановлена монархия. Подытоживая опыт революционной борьбы в Испании, Энгельс писал: «бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример

того, как *не* следует делать революцию» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 124).— 71.

³⁵ Анархисты в Австрии совершили несколько террористических актов, после чего австрийское правительство в 1884 г. издало специальный закон против социалистов. На основе этого закона полиция закрыла профессиональные союзы и рабочую печать. Но рабочее движение, продолжало развиваться, в январе 1889 г. была создана австрийская социал-демократическая партия.— 71.

³⁶ «Независимые» или «молодые» - Шиппель, Кампфмейер и др. — полуанархистская оппозиция «слева» в германской социал-демократии в начале 90-х гг. Они отрицали парламентскую борьбу в тот период, когда она позволяла социал-демократии значительно расширить свое влияние на массы, была, наряду с профессиональным движением, весьма важной формой классовой борьбы пролетариата. Группа «независимых» была исключена из партии.— 74.

³⁷ Имеется в виду Крымская война, в которой Россия, несмотря на одиннадцатимесячную героическую оборону Севастополя русскими войсками, потерпела поражение от объединенных армий Англии, Франции, Турции. «Крымская война, — писал Ленин,— показала гнилость и бессилие крепостной России» (Соч., т. 17, стр. 95). Основной причиной поражения России была феодально-крепостническая система. Война усилила революционное брожение в стране и ускорила принятие правительством крестьянской и других реформ.— 87.

³⁸ Буланже Жорж Эрнест (1837—1891) — французский генерал, в 1886—1887 гг. был военным министром. С помощью демагогии пытался создать себе авторитет демократа, будучи одновременно связан с реакционно-монархическими кругами. Некоторое время пользовался популярностью среди мелкобуржуазных элементов.— 89.

³⁹ *Плюральное избирательное право* — право пользоваться при голосовании несколькими голосами, например, одновременно голосовать по месту жительства, расположения предприятия, научного учреждения и т. п. Такое право дает дополнительные голоса имущим классам.— 106.

⁴⁰ Каутский имеет в виду, очевидно, писательницу Зуттнер Берту (урожденная графиня Кипская), которая была основательницей и председателем международного буржуазного пацифистского общества.— 109.

⁴¹ *Картель* — одна из форм капиталистических монополий, соглашение между предпринимателями какой-либо отрасли производства об установлении единых цен на товары, разграничении районов сбыта и т. п.

Ринг — временное соглашение капиталистов о повышении цен на какие-либо товары путем скупки их на рынке или задержки на складах.— 113.

⁴² *Брентано* Луйо (1844 —1931) — немецкий буржуазный экономист, сторонник т. н. «государственного социализма». Выступал

против марксизма, особенно против теорий Маркса о прибавочной стоимости, капиталистической эксплуатации и обнищания пролетариата, против пролетарской революции. Признавал лишь не революционную «классовую» борьбу, призывал к установлению классового мира между капиталистами и рабочими. Brentano считал возможным устранить классовые противоречия путем создания реформистских профсоюзов и либерального фабричного законодательства. Он хотел, по словам Энгельса, убедить рабочего в том, чтобы он был доволен своей участью наемного раба (Соч., т. XVI, ч. II, стр. 152). В период империализма Brentano стал ярким защитником монополий, объединение которых с профсоюзами, по его мнению, якобы может покончить с капиталистическими кризисами и обеспечить социальный мир в буржуазном обществе. В аграрном вопросе отстаивал реакционные теории «убывающего плодородия почвы» и устойчивости мелкого крестьянского хозяйства.— 115.

⁴³ Имеется в виду война 1898 г., в результате которой США захватили бывшие испанские колонии: Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам, установили свой контроль над Кубой.— 118.

⁴⁴ Имеются в виду государства и их столицы, расположенные на реках: Шпрее — Берлин, Сена — Париж, Неве — Петербург.

Гудзон и Миссисипи — реки в США, пролив Дарданеллы — в Турции, Ганг — великая река Индии, Хуанхэ — одна из больших рек Китая.— 134.

⁴⁵ Статья «Славяне и революция» была напечатана в газете Российской социал-демократической рабочей партии «Искра» № 18 от 10 марта 1902 г.— 136.

⁴⁶ «Мартовские дни» — имеется в виду революция 1848 г. в Германии, в частности вооруженная борьба революционных масс на баррикадах в Берлине в марте 1848 г.— 136.

⁴⁷ «Июньские дни» — высший момент революции 1848 г. во Франции. 23 июня восстал парижский пролетариат, геройски сражавшийся на баррикадах против армии и отрядов контрреволюции. Каутский имеет в виду подавление восстания парижских рабочих, которое было проведено военным министром генералом Кавеньяком с небывалой жестокостью.— 136.

⁴⁸ Виндишгрец Альфред (1787—1862) — австрийский генерал, отъявленный враг революции. Восстание населения г. Праги, начатое 12.VI—1848 г., было жестоко подавлено под его командованием австрийскими войсками. По его же приказу австрийские войска с исключительными зверствами подавили революционное октябрьское восстание населения Вены в 1848 г.— 137.

⁴⁹ Русскими революционерами 80-х годов Каутский называет революционных народников, членов тайных обществ «Народная воля», «Черный передел» и др. Народники придерживались неправильных взглядов на историю и на развитие России: разделяли идеалистическую теорию о решающей роли в истории отдельной личности, героя, и не признавали роли народных масс, отрицали развитие капитализма в России, считали движущей

силой революции лишь крестьянство, отказывались от работы по организации масс, избрали ошибочную и вредную тактику борьбы с царизмом путем индивидуального террора. Но в условиях нарастания народного недовольства царизмом самоотверженная борьба революционных народников 80-х годов явилась существенным фактором в политическом положении в стране и произвела серьезное впечатление за пределами России.—138.

⁵⁰ Каутский имеет в виду огромные займы, которые давала царскому правительству европейская и американская буржуазия, через свои банки.— 140.

⁵¹ «Священный союз» — так назывался союз, заключенный между императорами России и Австрии и королем Пруссии по договору, подписанному 26.IX—1815 г. в Париже. Целью союза была взаимная помощь этих монархов для охраны существующего положения и особенно для борьбы против всякого революционного движения, где бы оно ни возникло. К этому союзу в ноябре 1815 г. примкнула Франция, а затем большинство европейских государств. Союз долгое время был оплотом реакции в Европе.—140.

СОДЕРЖАНИЕ

П р е д и с л о в и е	3
ПУТЬ К ВЛАСТИ. <i>(Политические очерки о вращении в революцию)</i>	13
<i>Предисловие к первому изданию</i>	13
<i>Предисловие ко второму изданию</i>	15
1. Завоевание политической власти	24
2. Предсказание революции	31
3. Вращение в государство будущего	41
4. Экономическое развитие и воля	48
5. Ни революция, ни законность во что бы то ни стало	60
6. Рост революционных элементов	76
7. Смягчение классовых противоречий	80
8. Обострение классовых противоречий	96
9. Новая эра революций	116
СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ	136
<i>Примечания</i>	141

К. К А У Т С К И Й

ПУТЬ К ВЛАСТИ СЛАВЯНЕ
И РЕВОЛЮЦИЯ

ВЫПУСК 30

Редактор Э. В. Струков
Переводчики: Т. Ступникова и Н. Федосюк
Оформление художника И. К.
Байтодорова Технический редактор Е. М.
Сербин
Ответственные корректоры М. Х. Халипова
и Н. Д. Черединцева

Сдано в набор 18 марта 1959 г.
Подписано к печати 30 мая 1959 г.
Формат 84 X 108. Физ. печ. л. 4.
Условн. печ, л. 7,79. Уч.-изд. л. 7.9.
Тираж 70 тыс. экз. А 02000. Заказ № 269.
Цена 1 р. 85 к.

Государственное издательство
политической литературы.
Москва; Д-47, Миусская пл., 7.
Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры
СССР. Москва, Краснопролетарская, 16